КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXVII.

1902 г.

І ЮНЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 мая 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 77-го:

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ, 1902 г.

Книга первая—апрѣль.

Отдѣлъ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ Н. П. КОТЛЯРЕВСКАГО. *Ник. Василенка* 1–5

II. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ. (Окончаніе). 6–24

III. ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ. (Окончаніе). *Б. Гринченка*. 25–109

VI. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Продолженіе слѣдуетъ). *В. Милорадовича*. 110–135

V. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. (Продолженіе). 136–158

VI. РАЗГРАБЛЕНІЕ БОЛЬШОГО КУРГАНА „ОГУЗЪ“ БЛИЗЪ С. НИЖНИХЪ-СѢРОГОЗЪ, МЕЛИТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА. *Ц. Г. Неймана*. 159–172

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Малороссійская легенда въ обработкѣ Н. П. Костомарова и гр. Л. Н. Толстого *В. Б-ма*.; б) Погибшая библіотека; в) Архитекторъ Мостиновъ; г) Полуботокъ въ „оковахъ“; д) Купчая на домъ въ Кременчугѣ. 1654 года; е) Парубоцкія громады въ Полт. губ.; ж) Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края; з) Поясненіе. . . . 1–19

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. 19–34

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Проф. Н. И. Филевичъ. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. *Н. М.*; б) „Памятная книжка Волынской губ. на 1902 г.“. Изданіе Волын. губ. Стат. комитета. *Л. С. Л.*; в) Родословная книга Черниговскаго дворянства. *А. Л.*; г) Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. *Н. Б.*; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 35—68
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . 69—79

Книга вторая—май.

I. АЛЕКСАНДРЪ МАТВѢЕВИЧЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ. (Некрологъ). I—XIX
II. ПОХОРОНЫ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО (Впечатлѣнія очевидца). *Л. Б.* . . . . . XX—XXVIII
III. НА МОГИЛѢ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО. (Въ 20-й день по его кончинѣ). *С. П.* . . . . . XXIX—XXX
IV. ТРУДЫ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО. (Хронологическій указатель и ключъ къ нему). *С. П.* . . . . . XXXI—LII

Отдѣлъ I.

I. СОРОКЪ ЛѢТЪ. (Народная малороссійская легенда) *Н. И. Костомарова* . . . . . 173—207
II. „УЧИТЕЛЬ ДРУЖИЩЕ“. (Школьныя воспоминанія). *Свящ. Г. П. Сорокина* . . . . . 208—229
III. СПОМЫНКИ. *Е. Ш.* . . . . . 230—243
IV. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. (Продолженіе). *Н. Тумасова* . . . . . 244—268
V. МАЛОРУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПОВѢРЬЯ И РАЗСКАЗЫ О ПЯТНИЦѢ. *В. Милорадовича* . . . . . 269—281
VI. ТРИ СЕСТРЫ, ЦАРЕВЫЧЪ, СТЕПЬ И МОРЕ. Народная сказка. Сообщ. *Н. Г. Нейманъ* . . . . . 282—300
VII. КОБЗАРЬ МИХАЙЛО КРАВЧЕНКО И ЕГО ДУМЫ. *А. Г. Сластіонова* . . . . . 301—331

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи учрежденія Кіевскаго и другихъ Центральныхъ архивовъ (2 апр. 1852 г.). *О. Л.* б) Письмо царицы Екатерины къ кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому. Сообщ. *Л. Вишневскій.* в) Рѣдкая книжка. *П. Б*; г) Сельская сатира. Сообщ. *В. Доманицкій*; д) Маляръ-стихотворецъ. *П. Клебановскій*; в) По поводу

статьи П. Г. Неймана о Бондаривнѣ. *Б. Познанскаго;* ж) Варіанты къ пѣснѣ о Бондаривнѣ; з) Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ. . . 81—102
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 102—120
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. *О. Л.;* б.) Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1898 годъ. *Б.;* в) Кіевское Общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности за 25-лѣтіе съ 1876 по 1901 г. *Л. С. Л.;* г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 121—147
III. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . 148—156

Книга третья—іюнь.

Отдѣлъ I.

I. ЛОХВИЦКІЙ ПРОТОПОПЪ И. РОГАЧЕВСКІЙ И СЫНЪ СОТНИКА Д. ЗАБѢЛА ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ССЫЛКѢ ВЪ 1713—1721 г. *Г. Б.*. . . . . 333—346
II. СОРОКЪ ЛѢТЪ. Народная малорусская легенда *Н. И. Костомарова* съ приложеніемъ послѣдней главы, прибавленной гр. *Л. Н. Толстымъ* . . . . . 347—391
III. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Продолженіе слѣдуетъ). *В. Милорадовича.* . . . . 392—434
IV. ГОГОЛЬ КАКЪ ХУДОЖНИКЪ. *В. И. Шенрока* . . 435—448
V. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. (Окончаніе). *И Тумасова* . . . . . 449—469
VI. ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО . . . . . 470—494
VII. КЪ ВОПРОСУ О СЛАВЯНАХЪ. *В. Хвойки.* . . . . . 495—505

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) О подземельи на усадьбѣ Кіевскаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, возлѣ Б.-Житомирской и Б.-Владимірской улицъ. Проф. *Н. И. Петрова;* б) Стрѣлянье въ кресты. Сообщ. *Ив. Бѣньковскій;* в) Судъ св. Юрія (народная легенда). Сообщ. *Ив. Бѣньковскій;* г) Изъ прошлаго Полтавщины: 1) Кременчугъ сто лѣтъ назадъ и 2) Статистика врачей въ Полт. губ. въ 1804 г. Сообщ *И. Ф. Павловскій;* д) Изъ погибшаго архива.

Сообщ. *Ф. Матушевскій*; е) Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. Сообщ *А. Мёрдеръ*. . . . . 157—171

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 171—174

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Światowit. Rocznik, poświęcony arpheologii przeddziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i slowiańskiej, wydawany przez Erazma Majewskiego. *Н. Бѣляшевскаго*; б) Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. т. XLII—XLV. *В. Д.*; в) Статистическое бюро Полт. Губ. Земства. Обзоръ сельск. хозяйства въ Полт. губ. за 1899 г. *Л. С. Л.*; г) Поэми Михайла Макаровського Видавъ др. Кирило Студинський. *И. Стешенка*; д) А. Кузьминъ. Запорожская сѣчь. Историческій и бытовой очеркъ. *П.*; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 175—202

Лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и сынъ сотника Данило Забѣла въ Архангельской ссылкѣ въ 1713—1721 гг.

Переходъ въ 1708 году малороссійскаго гетмана Ивана Мазепы съ значительною частью козацкой старшины на сторону шведскаго короля Карла XII и послѣдовавшая за симъ на Украинѣ борьба партій тяжело отразились на судьбѣ многихъ украинцевъ, разныхъ званій и состояній. Многіе изъ нихъ сложили свои головы на плахѣ, многіе поплатились своимъ состояніемъ и свободою и умерли въ заточеніи; немало ихъ попало въ ссылку въ отдаленные края Руси и, между прочимъ, на берега Бѣлаго моря—въ Соловки и въ Архангельскъ или, какъ называли его тогда, «городъ Архангельскій». Въ числѣ другихъ оказались выброшенными на берега непривѣтливаго Бѣлаго моря лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и сынъ борзенскаго сотника Данило Забѣла, хотя они и принадлежали по своимъ убѣжденіямъ къ противоположнымъ партіямъ: первый—протопопъ Рогачевскій—къ партіи малорусской, сочувствовавшей политикѣ Мазепы и его сторонниковъ, а второй—Забѣла—къ такъ называемой тогда «московской» партіи, стоявшей за полное сліяніе Малороссіи съ Великороссіей. Много перенесли оба они невзгодъ, пока добрались до г. Архангельска: невесело жилось имъ здѣсь, но это нимало не охладило ихъ пыла, не измѣнило ихъ убѣжденій и не помѣшало имъ еще разъ, вдали отъ своей родины—Украины, на дальнемъ сѣверѣ, свести свои политическіе счеты...

За что собственно сосланъ былъ на берега Бѣлаго моря бывшій лохвицкій протопопъ Рогачевскій, точно неизвѣстно. Самъ онъ, въ своемъ объясненіи, данномъ св. Синоду въ 1722 году (см. описьактовъ, хранящихся въ Архивѣ св. Синода), говоритъ, что онъ пострадалъ вслѣдствіе доноса одного священника, который, будучи за что-то недоволенъ на него, въ 1709 г., заявилъ, будто бы онъ, Рогачевскій, не объявилъ въ церкви какого-то манифеста. Историкъ же Малой Россіи Бантышъ-Каменскій объясняетъ его арестъ и ссылку на сѣверъ тѣмъ, что Рогачевскій въ числѣ другихъ лицъ замѣшанъ былъ въ измѣнѣ Мазепы или, выражаясь точнѣе, заподозрѣнъ былъ въ принадлежности къ партіи, сочувствовавшей Мазепѣ [1]). Мнѣніе Бантышъ-Каменскаго кажется намъ болѣе вѣрнымъ; его подтверждаютъ обстоятельства, изложенныя ниже.

Побывавъ въ Москвѣ на розыскѣ въ Преображенскомъ приказѣ, о. Ив. Рогачевскій высланъ былъ отсюда въ 1712 году въ г. Архангельскъ при царскомъ указѣ на имя бывшаго въ то время вице-губернатора Архангельска Курбатова [2]) съ тѣмъ, чтобы послѣдній отослалъ его съ провожатымъ въ Соловецкій монастырь для содержанія его тамъ наравнѣ съ прочей монастырской братіей. Указъ этотъ, вмѣстѣ съ Рогачевскимъ, доставленъ былъ въ г. Архангельскъ 28 ноября 1712 г. Въ это время, по случаю наступавшей зимы, сообщеніе съ Соловецкимъ монастыремъ прекратилось и Рогачевскаго нельзя было препроводить туда, вслѣдствіе чего Курбатовъ оставилъ его въ городѣ и объ этомъ 5 декабря того-же года донесъ въ приказъ Малой Россіи. Въ слѣдующемъ 1713 году, 12 апрѣля, полученъ былъ изъ Москвы указъ, предписывавшій Курбатову оставить Рогачевскаго въ г. Архангельскѣ съ назначеніемъ его префектомъ вновь открытыхъ въ городѣ школъ. Что это были за школы, опредѣлить не рѣшаемся; по крайней мѣрѣ, въ архангельскихъ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ ясныхъ

---

[1]) См. Ист. Малой Россіи, часть 3, примѣч. 175.

[2]) Въ то время губернаторовъ въ г. Архангельскѣ еще не было; ихъ функціи отправляли вице-губернаторы, стоявшіе во главѣ губерніи.

указаній на школы, учрежденныя въ городѣ около этого времени. Такъ называемая «цыфирная» школа могла быть учреждена въ г. Архангельскѣ лишь въ 1714 г., такъ какъ только въ этомъ году (въ апрѣлѣ) послѣдовалъ указъ Петра I-го объ учрежденіи означенныхъ школъ [1]).

Какъ проходила педагогическая дѣятельность протопопа Рогачевскаго въ г. Архангельскѣ, мы свѣдѣній не имѣемъ. За то имѣемъ указанія на то, что онъ не ограничивался только этою дѣятельностью; какъ человѣкъ ученый, онъ часто говорилъ проповѣди съ церковной каѳедры, что было новостью для жителей Архангельска и что должно было расположить горожанъ къ нему, какъ ученому и учительному пастырю. И точно, о. Рогачевскій, проживая въ Архангельскѣ, водилъ знакомство даже съ чиновными людьми и бывалъ запросто во многихъ домахъ; такъ, напримѣръ, знакомъ онъ былъ со стрянчимъ Соловецкаго монастыря Иваномъ Патрикѣевымъ, съ подъячимъ Яковомъ Матвѣевичемъ и др. Вообще, какъ можно судить, жилось ему здѣсь сносно, по крайней мѣрѣ мирно, вплоть до 1719 года, до прибытія въ этомъ году въ г. Архангельскъ его земляка Данила Забѣлы.

Личность Данила Петровича Забѣлы хорошо извѣстна историкамъ. Это былъ наиболѣе ярко очерченный типъ злостнаго ябедника и доносчика, народившійся въ Малороссіи въ концѣ XVII ст. и расцвѣтшій пышнымъ цвѣтомъ въ смутную эпоху, наступившую вслѣдъ за измѣною Мазепы. Забѣла былъ сыномъ борзенскаго сотника Василія Петровича († 1690 г.) и внукомъ по матери кіевскаго полковника Конст. Солонины, имѣнія котораго онъ разсчитывалъ наслѣдовать. Но гетманъ Мазепа, по смерти Солонины, отобралъ эти имѣнія и роздалъ монастырямъ, игуменьей которыхъ состояла его мать. Питая за это злобу къ гетману, Дан. Забѣла побѣжалъ въ Москву и подалъ доносъ, будто Мазепа дружитъ съ поляками и хочетъ измѣнить царю. Доносу этому не повѣрили однако, и доносчика выдали головою гетману, который велѣлъ

[1]) См. Мореходныя школы въ Холмогорахъ въ концѣ XVIII в. І. М. Снбирцева, 1899 г.

судить его по войсковымъ правамъ. Подвергнутый пыткѣ, Забѣла винился, что со злости клеветалъ на гетмана, и былъ приговоренъ къ смертной казни, но по ходатайству знатной родни, Мазепа освободилъ его отъ казни и даже велѣлъ возвратить конфискованныя у него по суду имѣнія. Разсчитывая и впредь на заступничество родичей, Забѣла позволялъ по отношенію къ своимъ подданнымъ и сосѣднимъ козакамъ такія жестокія насилія, которыя выходили изъ ряда обычныхъ даже и въ то суровое время. Когда Мазепа измѣнилъ, Забѣла, пользуясь наступившимъ смутнымъ временемъ, задумалъ увеличить свое состояніе путемъ доносовъ на разныхъ старшинъ (въ томъ числѣ и на близкихъ своихъ родичей), болѣе или менѣе скомпрометированныхъ по дѣлу Мазепы, и успѣлъ пріобрѣсти жалованныя царскія грамоты на ихъ бывшія имѣнія. Но гетманъ Скоропадскій, видимо побаивавшійся опаснаго доносчика и всячески ему потворствовавшій, какъ мужу своей племянницы, не могъ, однако, удовлетворить всѣмъ его вожделѣніямъ и чѣмъ-то не угодилъ ему. Тогда Забѣла отправился въ 1716 г. въ Петербургъ и подалъ доносъ на самого Скоропадскаго, будто онъ приближаетъ къ себѣ людей изъ бывшихъ сторонниковъ Мазепы, а его жена и братъ послѣдней А. Марковичъ держали якобы въ 1709 г. доносителя подъ карауломъ за то, что онъ проклиналъ измѣнника гетмана, и будто говорили ему такія слова: «За що ты зовешъ Мазепу проклятымъ? Якъ Мазепа выграетъ, де ты подинешся? Отсе тобѣ смерть кортыть! Хочъ ты и мудрый чоловикъ, а проклынаешъ Мазепу напрасно». Но этотъ доносъ не имѣлъ ожидаемаго успѣха: когда царю Петру доложили о немъ, онъ приказалъ, не разслѣдуя дѣла, сослать доносителя Забѣлу и его товарища Загоровскаго въ г. Архангельскъ на вѣчное житье.

Это было въ ноябрѣ 1718 года, а въ январѣ слѣдующаго года Забѣла былъ препровожденъ въ Архангельскъ при указѣ изъ государственной посольской канцеляріи, въ которомъ было сказано, что онъ ссылается туда «на вѣчное житье за лживое его доношенье на его царскаго величества подданнаго, войска обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана Ивана Ильича Скоропацкаго», при чемъ

«велѣно поставить его въ солдатскую слободку за присмотромъ афицеровъ, чтобы онъ оттуда никуда не съѣхалъ». «И по той его царскаго величества грамотѣ,—какъ сказано въ справкѣ,—оный Забѣла поставленъ въ солдацкой слободѣ и велѣно его присматривать архангелогородскаго гарнизона ундеръ-афицеромъ».

Поселившись въ г. Архангельскѣ на столь льготныхъ условіяхъ, Забѣла, какъ человѣкъ видимо общительный и для своего времени образованный, завелъ кой-какія знакомства и сталъ бывать въ нѣкоторыхъ домахъ. При такихъ условіяхъ онъ естественно долженъ былъ столкнуться съ своимъ землякомъ, б. лохвицкимъ протопопомъ Рогачевскимъ. И дѣйствительно, столкновеніе ихъ произошло скоро, въ слѣдующемъ 1720 году. 15 апрѣля этого года у подьячаго Якова Матвѣевича состоялся по какому-то случаю званный обѣдъ. Въ числѣ гостей приглашены были протопопъ Рогачевскій и Данило Забѣла. Во время обѣда, видимо достаточно угостившись, Рогачевскій и Забѣла стали пререкаться между собою, упрекая въ чемъ-то другъ друга. Забѣла назвалъ Рогачевскаго «ворогомъ царскимъ и всего войска» (малороссійскаго). Рогачевскій въ свою очередь напомнилъ Забѣлѣ Мазепу, видимо въ чемъ-то попрекнулъ его по поводу Мазепы. Забѣла въ отвѣтъ на это, судя по всему, отозвался нелестно о послѣднемъ. Послѣ этого хозяинъ дома и его гости, по заявленію Забѣлы на имя архангельскаго вице-губернатора Ладыженскаго, «обурилися на него, Забѣлу, за проклятого Мазепу и за ворога царского Рогачевского и выпхали изъ избы». Такого позора Забѣла, разумѣется, не могъ простить Рогачевскому и сталъ искать случая отомстить ему. Случай такой вскорѣ же представился.

О столкновеніи Рогачевскаго съ Забѣлою на обѣдѣ у Матвѣевича, видимо, сдѣлалось извѣстнымъ многимъ архангелогородцамъ; сталъ извѣстенъ и поводъ къ столкновенію—различный взглядъ того и другого на дѣятельность бывшаго гетмана. Немногимъ изъ архангелогородцевъ понятенъ былъ истинный смыслъ и значеніе этого повода. Нѣкоторые склонны были видѣть въ столкновеніи ихъ на обѣдѣ у подьячаго Матвѣевича лишь одну смѣшную сторону и не прочь были вновь натравить ихъ другъ

на друга съ тѣмъ, чтобы посмѣяться. Къ числу людей, такъ легко смотрѣвшихъ на пререканія двухъ ссыльныхъ малороссіянъ, принадлежалъ и нѣкій архангелогородскій посадскій человѣкъ изъ г. Холмогоръ Василій Ивановъ Дудинъ. Зайдя вечеромъ 28 іюня 1721 г. въ соборную церковь отслушать всенощную и увидавши здѣсь Забѣлу, Дудинъ подошелъ къ нему и, заведя рѣчь про Рогачевскаго, сказалъ, будто бы послѣдній говорилъ ему, что «нашъ де Мазепа святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ». При этомъ разговорѣ Дудина съ Забѣлой находился подъячій Петръ Егоровъ. Забѣла принялъ это сообщеніе Дудина къ свѣдѣнію и, отправившись 5 іюля (почему не ранѣе—неизвѣстно) къ тогдашнему архангельскому вице-губернатору Ладыженскому, заявилъ (билъ челомъ) доносъ на Рогачевскаго, при чемъ добавилъ, будто-бы Рогачевскій, въ присутствіи Дудина, проклиналъ государя (Петра I), а когда Дудинъ хотѣлъ его побить за это, то другіе не допустили его до того. Но Ладыженскій, видимо, зналъ Забѣлу, какъ лживаго доносчика, и не особенно довѣрялъ его словамъ и потому потребовалъ отъ него представленія точныхъ доказательствъ преступленія, въ которомъ онъ уличалъ своего земляка, протопопа Рогачевскаго. Забѣла, видимо исполняя это требованіе вице-губернатора, подалъ ему того же 5 іюля письменное заявленіе, въ которомъ въ цвѣтистыхъ и довольно туманныхъ выраженіяхъ изложилъ обстоятельства своей ссоры съ Рогачевскимъ, происшедшей 15 апрѣля того же года на обѣдѣ у подъячаго Матвѣевича. Ладыженскій оставилъ это послѣднее заявленіе Забѣлы безъ послѣдствій, какъ не заключавшее въ себѣ указанія на преступленіе, касавшееся чести и здоровья государя, а занялся разслѣдованіемъ только перваго, словеснаго доноса его. Первымъ допрошенъ былъ Дудинъ, показавшій, что въ 1720 г., какого мѣсяца и числа не помнитъ, онъ какъ-то зашелъ на соловецкое подворье къ проживавшему тамъ стрѣлецкому Ивану Патрикѣеву, который въ то время былъ боленъ («скорбенъ»). Тамъ онъ засталъ протопопа Ивана Рогачевскаго и ссыльнаго донского козака Василія Поздѣева. Во время зашедшаго разговора, видимо общаго, о Мазепѣ, онъ, Дудинъ, сказалъ Рогачев-

скому, что «у насъ Мазепу проклинаютъ». На это Рогачевскій ему отвѣтилъ, что Мазепа погребенъ честно архимандритомъ, кающихся же Богъ пріемлетъ. Больше никакого разговора у него, Дудина, съ протопопомъ Рогачевскимъ не было, при чемъ не было и рѣчи про царское величество. 28 іюня 1721 г. въ соборной церкви на повечеріи онъ, Дудинъ, дѣйствительно сказалъ Забѣлѣ, что Рогачевскій говорилъ ему, что «де Мазепа нашъ святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ»; говорилъ ли онъ еще что-либо о Мазепѣ или государѣ, не помнитъ, потому что былъ пьянъ; а если что и говорилъ, то говорилъ ложно.

Подъячій Петръ Егоровъ, въ присутствіи котораго происходилъ 28 іюня въ церкви разговоръ Дудина съ Забѣлой, показалъ на розыскѣ, что Дудинъ, бывшій въ это время выпивши, сказалъ Забѣлѣ, что «мазеповщина протопопъ Рогачевскій сказываетъ въ церкви къ людямъ поученіе и людей учитъ, а самъ добраго не чинитъ и за государя нашего Бога не молитъ, а Мазепу называетъ святымъ, и говорилъ-де онъ, Рогачевскій, что онъ, Мазепа, умеръ въ Волоской землѣ и погребенъ честно архимандритомъ и въ небѣ будетъ, а вотъ государь не будетъ въ небѣ», а больше ничего не говорилъ Дудинъ Забѣлѣ.

Стрянчій Иванъ Патрикѣевъ отозвался, что во время разговора Дудина съ Рогачевскимъ о Мазепѣ онъ былъ боленъ и ничего изъ происходившаго тогда въ его квартирѣ не помнитъ. Донской же козакъ Василій Поздѣевъ показалъ, что онъ встрѣчался въ квартирѣ Патрикѣева съ Дудинымъ и Рогачевскимъ, но при немъ у нихъ никакого разговора о Мазепѣ или царскомъ величествѣ не происходило.

Самъ протопопъ Рогачевскій не былъ допрошенъ вице-губернаторомъ Ладыженскимъ.

Выслушавъ показанія названныхъ выше лицъ и докладъ старшаго подъячаго Богданова и средней статьи Бедринскаго о томъ, что за люди протопопъ Иванъ Рогачевскій и Данило Забѣла по даннымъ архангелогородской канцеляріи гарнизоннаго стола и какіе изданы указы, имѣющіе отношеніе къ данному случаю (на справку приведены были три царскіе указы, присланные

ные въ канцелярію), вице-губернаторъ Ладыженскій остановился на указѣ отъ 12-го декабря 1719 г. и согласно съ нимъ постановилъ: лохвицкаго протопопа Ивана Рогачевскаго, малороссійца Данила Забѣлу да холмогорца Василія Иванова сына Дудина, заковавъ имъ руки и ноги, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, а также съ присланными изъ Соловецкаго монастыря прежде бывшимъ рижскимъ протопопомъ Иваномъ, а нынѣ въ чернечествѣ Іоасафомъ Буяновскимъ, да старцемъ Авраміемъ, отослать за надлежащимъ карауломъ въ Москву въ Преображенскій приказъ, а отъ Егорнова, Патрикѣева и Поздѣева отобрать поручительную подписку, чтобы они не смѣли отлучаться изъ города впредь до окончанія дѣла о Рогачевскомъ и Забѣлѣ. Во исполненіе этого постановленія Ладыженскаго, снаряженъ былъ капралъ мѣстнаго гарнизона Степанъ Мостининъ съ 10 солдатами, и подъ надзоромъ ихъ, при подорожней отъ 7 іюля 1721 г., всѣ названныя пять лицъ отправлены были на подводахъ чрезъ Вологду и Ярославль въ Москву. Мостининъ прибылъ въ Москву съ ввѣренными ему колодниками 9 августа и тогда же сдалъ ихъ въ Преображенскій приказъ.

Отъ Патрикѣева 15 іюля отобрана была подписка о неотлучкѣ изъ города за поручительствомъ въ томъ разныхъ лицъ. Егорновъ же и Поздѣевъ, какъ люди не мѣстные и, видимо, мало извѣстные въ городѣ, не могли представить за себя поручителей, вслѣдствіе чего заключены были подъ стражу при канцеляріи. Впрочемъ, Егорновъ вскорѣ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи съ отобраніемъ отъ него подписки о неотлучкѣ.

Чѣмъ разрѣшилось въ Преображенскомъ приказѣ дѣло Рогачевскаго, въ архивныхъ дѣлахъ г. Архангельска свѣдѣній нѣтъ; но изъ дѣлъ архива св. Синода за 1721 годъ [1]) намъ извѣстно, что отсылка Рогачевскаго въ Москву послужила ему на пользу. Преображенскій приказъ, по изслѣдованіи его дѣла, никакой (политической) вины за нимъ не нашелъ и самое дѣло о немъ, какъ о лицѣ духовнаго сана, передалъ въ Синодъ на рѣшеніе. Си-

---

[1]) Опись имъ издана св Синодомъ.

нодъ немедленно освободилъ Рогачевскаго изъ-подъ стражи, отдавъ его на поруки дьяку рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго Афанасію Кульбицкому (очевидно, земляку лохвицкаго протопопа); затѣмъ потребовалъ отъ него объясненія о причинѣ ссылки его въ Архангельскъ. Рогачевскій объяснилъ, что поводомъ къ тому послужилъ доносъ, будто онъ не объявилъ какого-то манифеста. Синодъ, видимо, удовлетворился этимъ объясненіемъ и предоставилъ Рогачевскому свободу. Вернулся ли онъ на родину и вообще гдѣ и какъ окончилъ онъ дни свои, намъ неизвѣстно.

Данило же Забѣла, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, былъ возвращенъ обратно въ г. Архангельскъ. Здѣсь въ слѣдующемъ 1722 году съ нимъ самимъ приключилась бѣда: пришлось ему лично пострадать отъ того же средства, какимъ онъ хотѣлъ допечь своего политическаго противника протопопа Рогачевскаго.

21 января 1722 года въ канцелярію архангелогородской земскихъ дѣлъ коллегіи юстиціи доставленъ былъ москвичъ Алексѣй Михайловъ Григорьевъ по обвиненію въ томъ, что онъ, ложно назвавшись приказчикомъ купцовъ Андрея Калмыкова и Ивана Мосолова, выдалъ отъ имени ихъ двѣ кабалы (заемныя обязательства) англичанину Франсу Гарнеру на 150 руб. и голландцамъ Ананію и Данилѣ Пеле на 416 руб., и по допросѣ былъ заключенъ въ колодницкую. Сидя здѣсь, онъ заявилъ капралу, что «знаетъ его императорскаго величества слово за черкашениномъ Данилой Забѣло». Доставленный 30-го же января къ архангелогородскому вице-губернатору Ладыженскому, Григорьевъ заявилъ, что какъ-то въ январѣ, будучи въ городѣ, онъ зашелъ къ рудоискателю Василію Лодыгину, у котораго въ то время квартировалъ Данило Забѣла. Послѣдній въ присутствіи Лодыгина сказалъ, что онъ, Забѣла, знаетъ измѣну, а какую—не объяснилъ. Спрошенный по поводу этого доноса Григорьева, Забѣла заявилъ, что ни о какой измѣнѣ онъ не говорилъ Григорьеву, и сослался въ этомъ на Лодыгина. Выслушавъ доносъ Григорьева и объясненіе Забѣлы, вице-губернаторъ 31 того же января распорядился заковать ихъ обоихъ въ кандалы и отослать подъ карауломъ въ Москву, въ Преображенскій приказъ, въ распоряженіе страшнаго тогда князя

И. Ф. Ромодановскаго съ товарищами, что и было приведено въ исполненіе, какъ видно изъ подписи на подорожней, при коей были отосланы въ Москву Григорьевъ и Забѣла. Послѣдніе приняты были въ приказѣ 20 февраля, того же 1722 года.

Чѣмъ разрѣшился доносъ Григорьева на Забѣлу и былъ-ли послѣдній возвращенъ обратно въ Архангельскъ, изъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ неизвѣстно. Но можно думать, на основаніи дальнѣйшей судьбы Забѣлы, что послѣдняя поѣздка его въ Москву по доносу Григорьева послужила ему на пользу, какъ поѣздка протопопа Рогачевскаго по доносу Забѣлы. Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Петра I среди малороссійской старшины началось движеніе въ пользу сохраненія правъ и вольностей Малороссіи на основаніи договоровъ, заключенныхъ Хмельницкимъ и другими гетманами. Движеніе это окончилось не въ пользу старшины: стоявшіе во главѣ его Полуботко, Савичъ, Чернышъ и др. въ 1724 г. были схвачены и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Разслѣдуя дѣло Полуботка и другихъ, Петръ вспомнилъ про Данила Забѣлу, когда-то доносившаго на гетмана Скоропадскаго, и отправивъ въ Малороссію Румянцева для слѣдствія по дѣлу старшинъ, писалъ ему въ концѣ 1723 года: «оставьте мѣсто нарочитое уряда Данилѣ Забѣлѣ, который прежде доносилъ на старшину, которое тогда не повѣрено, а нынѣ все сбылось, и оный впредь отправится на Украину по окончаніи розыску» [1]). Однако Забѣлѣ не дали никакого уряда, и онъ оставался въ Москвѣ и послѣ смерти Петра.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I мы видимъ его не только на свободѣ, но и дѣйствующимъ въ качествѣ совѣтника: онъ представилъ императрицѣ свою докладную записку о мѣрахъ къ тому, чтобы «впредь въ Малой Россіи не было измѣны». Въ ней содержатся и цѣнныя замѣчанія, напр. о тягостномъ положеніи монастырскихъ крестьянъ, которыхъ онъ совѣтуетъ повернуть въ козаки, а монаховъ заставить заводить латинскія школы, «дабы въ государствѣ умножились мудрые люди». Вер-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, изд. 2-е, стр. 236.

нулся Забѣла на родину лишь въ гетманство Апостола и до конца жизни занимался тяжбами, захватами чужихъ земель и закрѣпощеніемъ подсосѣдковъ [1]).

При этомъ считаемъ умѣстнымъ подѣлиться тѣми свѣдѣніями, какія у насъ имѣются о личности случайнаго спутника лохвицкаго протопопа Рогачевскаго въ Преображенскій приказъ, бывшаго рижскаго протопопа Ивана Буяновскаго, въ иночествѣ Іоасафа, судя по фамиліи—тоже украинца. Откуда Буяновскій былъ родомъ, какъ попалъ въ рижскіе протопопы и за что угодилъ оттуда въ Соловецкій монастырь, мы свѣдѣній не имѣемъ.

Изъ справки, данной о немъ архангельскому вице-губернатору Ладыженскому въ 1721 г., видно, что онъ присланъ былъ въ Архангельскъ въ 1719 году изъ посольскаго приказа, по царскому указу, выраженному въ письмѣ отъ 13 января того же 1719 г. изъ Амстердама государственнаго канцлера Гавр. Ив. Головкина и государственнаго подканцлера барона П. П. Шафирова, для ссылки въ Соловецкій монастырь съ содержаніемъ его здѣсь наравнѣ съ рядовыми монахами «*за нѣкоторыя непристойныя и похвальныя слова*». Проживая въ Соловкахъ, Буяновскій принялъ монашество съ именемъ Іоасафа и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, пользовался здѣсь кое-какимъ почетомъ. Но въ 1721 году проживавшій въ томъ же Соловецкомъ монастырѣ монахъ палюстровскаго монастыря Авраамій, бывавшій у Буяновскаго, заявилъ настоятелю монастыря, что Буяновскій говорилъ ему, Аврамію, «про царскія лица слова, ихъ же неудобно произнести въ писаніи». Это послужило поводомъ къ отсылкѣ ихъ обоихъ въ Архангельскъ, въ распоряженіе мѣстнаго вице-губернатора Ладыженскаго. Послѣдній отослалъ ихъ въ Москву въ Преображенскій приказъ. Здѣсь Буяновскій «съ розыску повинился» (въ чемъ—неизвѣстно): его лишили священническаго сана и монашества и

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ Описаніи Старой Малороссіи, А. Лазаревскаго, т. II, 400—411.

въ 1722 году возвратили закованнымъ въ кандалы въ Соловецкій монастырь для содержанія въ земляной тюрьмѣ. Что такое были въ старину земляныя тюрьмы, можно себѣ представить изъ описанія сохранившейся и по настоящее время такого рода тюрьмы возлѣ села Ныробъ, чердынскаго у., пермской губ., въ которую заключенъ былъ Борисомъ Годуновымъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, дядя царя Михаила Ѳедоровича.

По внѣшнему виду это яма въ землѣ, представляющая изъ себя мрачный и тѣсный подвалъ около 2-хъ квадратныхъ саженей и не болѣе $2^1/_2$ аршинъ въ высоту; потолокъ выведенъ сводомъ изъ кирпича и въ немъ маленькое отверстіе-окошце, чрезъ которое заключенному подавали пищу и чрезъ которое выходилъ дымъ, когда узникъ раскладывалъ у себя на маленькомъ огнѣ огонь для того, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться [1]). Но Буяновскому не пришлось попасть въ такую тюрьму, потому что, къ счастью его, таковой не оказалось въ Соловецкомъ монастырѣ. О томъ, что въ этомъ монастырѣ не было земляныхъ тюремъ, видно изъ производства, возникшаго по поводу закрытія этихъ тюремъ. Какъ ни жестоки были люди XVIII в. по части изобрѣтательности всякаго рода человѣческихъ мученій и въ особенности по примѣненію ихъ людьми, стоящими у кормила правленія, къ своимъ политическимъ противникамъ,—но видимо и ихъ возмущала жестокость страданій, связанная съ содержаніемъ живого человѣка въ могилѣ, которую въ дѣйствительности изображала изъ себя земляная тюрьма. И вотъ явилась мысль объ уничтоженіи ихъ. Мысль эта выразилась въ высочайшемъ указѣ, данномъ 19 января 1758 г. на имя Правит. Сената о командированіи курьеровъ въ тѣ мѣста, гдѣ находились «въ землѣ погреба ради колодниковъ» (земляныя тюрьмы), для осмотра этихъ погребовъ и засыпки ихъ, съ переводомъ содержащихся въ нихъ колодниковъ въ другія помѣщенія.

---

[1]) Лит. Прилож. къ Нивѣ, авг. 1901 г. *Конецъ свѣта*. Б. Никонова, стр. 690.

Въ г. Архангельскъ указъ этотъ привезъ сенатскій курьеръ Василій Степановъ 3 февраля того же года; въ немъ говорилось объ уничтоженіи земляныхъ погребовъ, бывшихъ, будто бы, въ Соловецкомъ монастырѣ. Во исполненіе этого указа губерн. канцелярія въ помощь Степанову командировала секундъ-майора мѣстнаго гарнизона Путимцева съ двумя солдатами и при этомъ снабдила его надлежащей инструкціей.

Прибывъ въ Соловецкій монастырь, Степановъ и Путимцевъ немедленно приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія—къ осмотру земляныхъ тюремъ, но таковыхъ тамъ не оказалось. Путимцевъ потребовалъ отъ архимандрита Геннадія письменнаго удостовѣренія въ томъ, что въ монастырѣ дѣйствительно нѣтъ земляныхъ тюремъ. Архимандритъ далъ требуемое удостовѣреніе; въ немъ онъ свидѣтельствуетъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ никогда не было земляныхъ тюремъ, что колодники содержатся «поверхъ земли», въ каменныхъ зданіяхъ, находящихся частью среди монастырскихъ строеній (въ кельяхъ), а частью за оградою, въ отдѣльномъ зданіи; «а хотя напредь сего и были двѣ тюрьмы, именуемая одна Корожная въ бойницѣ, другая Головленкова, у Архангельскихъ воротъ, въ стѣнѣ, и тѣ не земляныя, но на верховьи земли, кои въ прошломъ 1742 г. по силѣ указовъ изъ св. Синода... закладены», о чемъ «съ показаніемъ мѣръ и рисунка репортовано» мѣстному архіерею.

Что въ Соловецкомъ монастырѣ дѣйствительно не было земляныхъ тюремъ, это подтверждается и дѣломъ о Буяновскомъ, возникшимъ въ 1725 году. По доставленіи въ 1722 г. въ Соловецкій монастырь, Буяновскій былъ заключенъ, вопреки указа о немъ, въ обыкновенную тюрьму, а не въ земляную (очевидно, за неимѣніемъ таковой), и содержался въ ней довольно снисходительно: къ нему ходили въ гости монахи, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи бумагу и чернила. Но какъ ни снисходительно относились къ Буяновскому монастырскія власти, ему, видимо, надоѣло сидѣть въ Соловкахъ, и у него явилось желаніе вырваться оттуда. Единственный способъ къ тому былъ—заявленіе о себѣ «слова и дѣла». Но такъ какъ монастырскія власти такого

заявленія, видимо, не желали принимать отъ Буяновскаго лично, то онъ потихоньку составилъ на имя государя письменное заявленіе о томъ, что онъ имѣетъ за собою слово и дѣло «зело надобное», помѣтивъ это заявленіе 20 авг. 1721 г., и передалъ его вхожимъ къ нему ссыльнымъ монахамъ, греку Парѳенію и Герасиму. Заявленіе это какимъ-то образомъ попало 18 февраля 1725 въ руки монастырскихъ старцевъ и затѣмъ переслано было, вмѣстѣ съ Буяновскимъ, къ мѣстному архіерею, который отправилъ Буяновскаго въ архангельскую губерн. канцелярію на распоряженіе. На допросѣ у вице-губернатора Ладыженскаго Буяновскій отказался разъяснить, какое онъ знаетъ государево слово и дѣло, заявивъ, что онъ скажетъ его тамъ, «гдѣ надлежитъ», почему 23 февраля онъ отправленъ былъ въ Москву, въ Преображенскій приказъ. По розыску въ приказѣ за Буяновскимъ никакого важнаго слова и дѣла не оказалось, вслѣдствіе чего послѣдовало распоряженіе «бить его кнутомъ нещадно», а по наказаніи возвратить обратно въ Соловецкій монастырь для содержанія въ прежнемъ положеніи, при чемъ о содержаніи его въ земляной тюрьмѣ уже ничего не говорится; ничего не говорится и о томъ, что онъ ранѣе сего, вопреки прежняго указа, содержался въ обыкновенной тюрьмѣ, а не въ земляной, что можно объяснить лишь тѣмъ, что таковой въ монастырѣ не имѣлось. Для отягченія положенія Буяновскаго, велѣно было никого къ нему не пускать изъ числа ссыльныхъ монаховъ, чернилъ и бумаги ему не давать. Для острастки же тюремныхъ сторожей приказано: сторожа, допустившаго къ Буяновскому монаховъ Парѳенія и Герасима, наказать шелепами, вмѣсто кнута; тому же наказанію подвергнуты были и монахи Парѳеній и Герасимъ.

Дальнѣйшая судьба Буяновскаго неизвѣстна.

Г. Б.

Архангельскъ, 26 марта, 1902 г.

СОРОКЪ ЛѢТЪ.

(Народная малороссійская легенда).

(Окончаніе [1]).

Перебрался Трохимъ въ городъ, записался въ третью гильдію, принялся, по совѣту съ тестемъ, торговать подсолнечнымъ масломъ, которое въ то время было совершенною новостью и давало Трохиму большіе барыши, до тѣхъ поръ, пока, по примѣру его, другіе торговцы не взялись за то же; тогда случайно на улицѣ услыхалъ Трохимъ разговоръ двухъ прохожихъ, толковавшихъ о томъ, что одинъ торговецъ другого города разжился отъ торговли косами, которыя тогда привозились изъ Австріи. Не сказавши никому о своемъ намѣреніи, Трохимъ договорилъ одного нѣмца, жившаго въ аптекарскихъ гезеляхъ переводчикомъ, съѣздилъ съ нимъ за границу и привезъ оттуда транспортъ косъ. Обогатили Трохима косы пуще подсолнечнаго масла. Трохимъ былъ въ состояніи купить себѣ двухъ-этажный домъ съ лавками внизу. Потомъ замѣтилъ Трохимъ, что люди ни отъ чего такъ быстро не разживаются, какъ отъ винныхъ откуповъ, и вступилъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г., № 5.

въ компанію откупщиковъ, состоявшую изъ купцовъ и помѣщиковъ. Въ этомъ дѣлѣ еще болѣе посчастливилось Трохиму.

«Эка! какъ ему деньги-то сыпятся!—говорили торговцы. А кажись, никакой особой мудрости въ немъ нѣтъ». И въ самомъ дѣлѣ, никакъ не могли отыскать въ Трохимѣ такихъ качествъ, что помогали ему разживаться. Съ виду онъ казался такъ себѣ, простофилею, прикидывался незнайкою, когда его пытались о чемъ-нибудь выспросить, самъ никогда прямо не спрашивалъ о томъ, что его въ данное время занимало, а старался узнать объ этомъ какъ-нибудь съ-боку, слушая однимъ ухомъ и показывая видъ, будто его не касается вовсе то, о чемъ идетъ рѣчь, а потомъ уже извлекалъ, какъ могъ и умѣлъ, свои выгоды. Изъ купцовъ своего города онъ одинъ только читалъ газеты и въ состояніи былъ говорить и по своему судить о такихъ предметахъ, которые для другихъ были совершенно чужды, и поэтому онъ нравился дворянамъ, которые были съ нимъ въ одной откупной компаніи.—«Какой умный мужикъ этотъ хохолъ, какой простой и честный!»—говорили они о Трохимѣ.

Васса оставалась безграмотною, но, одаренная природнымъ умомъ, отличалась замѣчательнымъ житейскимъ тактомъ: она успѣла отстать отъ такихъ слободскихъ привычекъ, которыя слишкомъ угловато выдавались въ ея новомъ положеніи; со всѣми привѣтлива, ни съ кѣмъ не заносчива, ни съ кѣмъ особенно не дружилась, ни съ кѣмъ не ссорилась, никого въ глаза не хвалила, никого за глаза не бранила и, несмотря на зависть, возбуждаемую скорымъ обогащеніемъ Трохима, находилась со всѣми въ добрыхъ отношеніяхъ. Въ первый же годъ своего переселенія въ городъ Васса родила сына. Въ голову Трохима вошла тогда зловѣщая мысль: *что если сынъ его*, теперь невинный младенецъ, *понесетъ кару отъ Бога за тяжкія преступленія родителей?* Не даромъ Шпакъ разсказывалъ ему изъ какого-то прочитаннаго благочестиваго разсказа, какъ невинный человѣкъ, не сдѣлавши ничего дурного, пилъ горькую чашу бѣдствій за преступленія своего родителя и, наконецъ, самъ того не желая, *погубилъ отца своего*. Такъ Богъ покаралъ грѣшника. Такъ, можетъ быть, думалъ Трохимъ,

и меня когда-то Богъ покараетъ чрезъ моего сына. Придыбалки не было; его искусительныхъ наставленій подновить было некому, память о нихъ теряла свѣжесть и силу. Дѣтскія грезы брали верхъ. Внутренній голосъ какъ-будто шепталъ Трохиму: есть Богъ и Онъ тебя накажетъ!—Когда Васса оправилась отъ родильнаго недуга, мужъ напомнилъ ей о ея обѣщаніи молиться Богу за грѣхъ его. Васса сказала:

— Будемъ молиться. Надобно! Каждый праздникъ въ церковь станемъ ходить, посты будемъ соблюдать, милостыню раздавать начнемъ у церковныхъ дверей, а я непремѣнно исполню обѣщаніе—схожу пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ.

И потекли мѣсяцы, годы... Жила Васса, не помышляя о подвигахъ покаяній и о паломничествѣ въ Кіевъ.

На десятомъ году послѣ своего переселенія въ городъ, похоронивши своего тестя, перебрался Трохимъ въ губернскій городъ.

Здѣсь счастье улыбнулось ему еще дружелюбнѣе. Нашъ Трохимъ—теперь уже Трофимъ Семеновичъ Яшниковъ—богатѣйшій купецъ во всей губерніи; уже онъ не примыкаетъ къ откупной компаніи, онъ самостоятельный дѣятель, и къ нему примыкаютъ другіе: ни у кого денегъ взаймы онъ не проситъ, своихъ у него вдоволь; зато другіе его просятъ: сдѣлай милость, батюшка Трофимъ Семеновичъ, возьми, будь благодѣтель!—и Трофимъ Семеновичъ многимъ благодѣтельствуетъ: беретъ у кого сотни, у кого тысячи, а у нѣкоторыхъ и десятки тысячъ, платитъ процентовъ по пятнадцати, а самъ, пуская въ оборотъ занятыя деньги, наживаетъ по два рубля на рубль и болѣе. У него въ откупу пять уѣздовъ и губернскій городъ, а въ послѣднемъ два каменныхъ дома: въ одномъ изъ нихъ помѣщается его питейная контора. Губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель и совѣтники казенной палаты, всѣ полицейскіе и земскіе чиновники—у него на опредѣленномъ жалованьи; а его питейная контора—источникъ богатыхъ милостей. Служить по питейной части было такъ выгодно, что управляющимъ конторою Трофима Семеновича былъ статскій совѣтникъ, оставившій коронную службу и всѣ сопряженныя съ

нею надежды на чины и ордена за двадцать тысячъ жалованья въ годъ и удобную квартиру при конторѣ. За предѣлами своей питейной части Трофимъ Семеновичъ пользовался такимъ вѣсомъ и значеніемъ, что стоило только заручиться его покровительствомъ, чтобъ имѣть успѣхъ во всякомъ тяжебномъ дѣлѣ, гдѣ бы оно ни производилось.—Показисто жилъ Трофимъ Семеновичъ: давалъ обильные обѣды и блестящіе вечера, гдѣ бывали губернскіе властители, и каждому изъ нихъ оказывалась подобающая честь по его рангу. И кто бы могъ узнать опыхъ временъ бѣднаго наймита въ этомъ милліонерѣ, предъ которымъ такъ лебезили высокородные и превосходительные свѣточи губернскаго міра! Не забывалъ Трофимъ Семеновичъ и долга христіанскаго человѣколюбія: каждый годъ жертвовалъ по 300 рублей на городскую больницу и раздавалъ обильную милостыню нищенствующей братіи у подъѣзда своего дома въ день великаго пятка.

На двадцать первомъ году своей коммерческой дѣятельности Трофимъ Семеновичъ, отправившись въ Петербургъ на сенатскіе торги, возвращался въ свою губернію съ намѣреніемъ переселиться въ столицу. Но какъ только онъ вступилъ въ подъѣздъ своего дома, услыхалъ печальную вѣсть. Васса Денисовна скончалась за недѣлю до возвращенія мужа изъ столицы. Отъ доктора, лѣчившаго г-жу Яшникову, онъ узналъ, что смерть постигла ее скоропостижно, отъ разрыва артеріи.

Сильно загрустилъ Трофимъ Семеновичъ объ утратѣ жены, съ которою сжился въ продолженіи многихъ лѣтъ. Скорбѣлъ онъ, между прочимъ, о томъ, что Васса Денисовна все собиралась совершить путешествіе въ Кіевъ на богомолье и уже теперь не могла никогда исполнить своего обѣта. До сихъ поръ счастье неуклонно везло Трофиму Семеновичу, а въ счастьи, какъ всѣмъ извѣстно, человѣкъ мало способенъ бываетъ къ раскаянію и сердечному сокрушенію; отъ этого, какъ ни осаждало душу Яшникова воспоминаніе о содѣянномъ имъ когда-то преступленіи, но не могло надолго и всецѣло овладѣть его существомъ. Бывало, когда такое чувство охватитъ его, онъ спѣшитъ подѣлиться имъ

съ своею женою, и Васса Денисовна такъ или иначе старается успокоить мужа. Теперь ея не стало, и въ цѣломъ свѣтѣ не было уже никого, съ кѣмъ бы онъ могъ заговорить о своей сердечной тайной боли. Преступникъ осужденъ теперь страдать одинъ, безъ раздѣла. Священнику онъ ни разу не открывалъ своего грѣха на исповѣди: жена постоянно просила его, чтобъ онъ, ради своей безопасности и добраго имени, этого не дѣлалъ, да и отъ другихъ лицъ Яшниковъ слыхалъ, будто попы, узнавши на исповѣди о совершенныхъ преступленіяхъ, открывали ихъ. Трофимъ Семеновичъ выбиралъ себѣ въ духовные отцы такихъ поповъ, которые у исповѣдующихся не спрашиваютъ о грѣхахъ по росписи, какая составлена и напечатана въ требникахъ, а ограничиваются общими выраженіями въ родѣ такихъ: покайтесь, въ чемъ чувствуете себя грѣшнымъ, и тому подобное,—такъ что, исповѣдуясь у такого попа, можно и не открыть ему грѣха и не скрыть его, а совершить настоящее іезуитское restrictio mentalis. Теперь, когда не было съ Трофимомъ Семеновичемъ единственнаго друга, знавшаго всю подноготную его прошедшей жизни, пробудившаяся съ неукротимою силою нечистая совѣсть жестоко мучила его. Неудержимо хотѣлось ему подѣлиться своею тайною мукою. Онъ обратилъ мысль на мѣстнаго архіерея, а этотъ архіерей пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ губернскомъ городѣ, какъ мужъ святой жизни и мудрыхъ словесъ. Преосвященный Агаѳодоръ былъ извѣстенъ Яшникову и прежде. Къ нему отправился теперь онъ для тайной бесѣды.

— Ваше преосвященство,—сказалъ архіерею откупщикъ,—я тяжелый грѣшникъ, пришелъ къ вамъ просить совѣта, утѣшенія и наставленія. Исповѣдуйте меня, духовный отецъ, по правиламъ.

Богъ знаетъ, какъ принялъ бы такую просьбу отъ кого нибудь другого преосвященный владыка, но отъ богатаго и всѣми уважаемаго въ губерніи откупщика онъ принялъ ее любезно, приказалъ подать себѣ мантію, поставилъ аналой, прочиталъ молитву и началъ спрашивать.

— Я грѣшникъ великій!—сказалъ Яшниковъ.—Тяжелый грѣхъ лежитъ на моей совѣсти многіе годы.

— Нѣтъ грѣха, который былъ бы оставленъ Богомъ безъ прощенія, если только грѣшникъ принесетъ истинное покаяніе,—сказалъ владыка.—Каялись-ли вы предъ духовнымъ отцомъ?

— Я страшился—сказалъ Трофимъ Семеновичъ—чтобъ духовный отецъ, узнавши о моемъ преступленіи, не предалъ меня въ руки земнаго правосудія. И теперь, если я рѣшаюсь исповѣдать мой грѣхъ предъ вами, владыко, то поступаю такъ отъ того, что питаю къ вамъ особое, величайшее уваженіе и притомъ открою предъ вами свой грѣхъ только тогда, когда вы соизволите дать свое архипастырское слово, что...

Архіерей перебилъ его рѣчь и сказалъ:

— По правиламъ св. отецъ, никакой священно-служитель не долженъ открывать никому чужихъ грѣховъ, о которыхъ онъ узналъ отъ исповѣдующагося грѣшника. Если вамъ наговорили, будто священники могутъ повредить вамъ, узнавши отъ васъ тайны ваши на исповѣди, то вамъ не слѣдовало этому вѣрить. А что вы такъ безпокоитесь, то даю вамъ свое архипастырское слово: не смущайтесь, говорите смѣло; хоть бы вы родителей своихъ убили или собственную дочь изнасиловали,—все равно—будьте покойны! Я вамъ назначу, сообразно вашимъ винамъ, церковное наказаніе, но не предамъ васъ ни мірскому суду, ни мірской молвѣ.

Яшниковъ, успокоенный такими словами, началъ повѣсть своей жизни и разсказалъ о событіи, случившемся въ дачѣ села Лубки, въ лѣсу надъ оврагомъ.

— Другого тяжкаго грѣха никакого за собою не сознаете?—спросилъ владыка.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Трофимъ Семеновичъ.

— Я потому васъ объ этомъ спросилъ,—сказалъ архіерей,—что обыкновенно одно преступленіе влечетъ за собою рядъ другихъ преступленій; но, если вы не совершили послѣ того никакихъ порочныхъ поступковъ, это значитъ, что содѣянное вами преступленіе было плодомъ пылкой молодости, неопытности, крайней

бѣдности и, главное, полнѣйшаго невѣжества, въ которомъ вы тогда пребывали, наравнѣ со всѣмъ простонародіемъ. Грѣхъ вашъ великъ, но вина ваша смягчается обстоятельствами вашей тогдашней жизни и вашего тогдашняго духовнаго состоянія. Я не могу назвать васъ испорченнымъ грѣшникомъ, когда вы, сдѣлавши преступленіе въ юности, потомъ, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, прожили честно, принося пользу обществу, и притомъ, какъ мнѣ посторонніе сообщали, не оставили дѣлъ благочестія и христіанскаго милосердія. Если я особенно строго буду васъ порицать, то за то, что вы такъ долго не открывали своего грѣха духовнику и не постарались заранѣе очистить свою совѣсть. За это я вамъ назначу епитимію. Въ память вашей добродѣтельной супруги, которую Господу угодно было призвать къ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ искупленіе грѣха вашего, содѣяннаго въ тѣ годы, когда волнуютъ человѣка страсти, извольте построить церковь, снабдить ее изящнымъ иконостасомъ, изрядною утварью, нарочитымъ священнослужительскимъ облаченіемъ и положить въ ея пользу сумму, на каковую могъ бы содержаться клиръ. Если свершите сіе благое дѣло, примете сторицею благая и въ семъ житіи, и въ будущемъ, и отступится вамъ грѣхъ вашъ. Согласны ли исполнить назначаемую вамъ епитимію? Не выше ли средствъ вашихъ она будетъ? Откровенно скажите: тогда я иную назначу.

Яшниковъ поклонился съ видомъ смиренія. Архіерей продолжалъ:

— Однако, не подумайте, что, созидая храмъ Богу, вы, такъ сказать, подкупаете Его правосудіе. Такое помышленіе да не внидетъ въ душу вашу. Сущность покаянія—въ сердечномъ сокрушеніи и въ искреннемъ сожалѣніи о томъ, что вы совершили грѣхъ предъ Богомъ! Но всякое содѣянное человѣкомъ преступленіе требуетъ возмездія, которое состоитъ въ томъ, чтобъ виновный потерпѣлъ нѣчто за свою вину. На семъ основаніи и земной судъ опредѣляетъ кару по закону. И церковь, хотя чадолюбивая мать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и праведная судія, прощая кающемуся грѣшнику, требуетъ однако, чтобъ онъ понесъ воз-

мездіе за свой грѣхъ. Вотъ на такомъ-то основаніи я налагаю на васъ епитемію. Кромѣ сего имѣю еще и то въ виду. Если бы вы знали близкихъ кровныхъ убитыхъ вами людей, то сочли бы своимъ долгомъ оказать имъ съ своей стороны какое-нибудь благодѣяніе. Конечно?

Яшниковъ утвердительно кивнулъ головою.

— Но вы ихъ не знаете,—продолжалъ архипастырь,—такъ вмѣсто нихъ совершите благодѣяніе для христіанскаго общества. Вы сами говорите, что, желая умилостивленія за свой грѣхъ, раздавали милостыню. Но что значитъ плотская милостыня? Вы изъ своихъ сокровищъ давали неимущимъ только тѣлесныя блага. Выше всѣхъ тѣлесныхъ благъ благо духовное. А такое благо дадите вы алчущимъ и жаждущимъ онаго тѣмъ, что создадите храмъ, въ которомъ будутъ всегда возноситься молитвы и куда будутъ притекать ожидающіе отъ Бога великія и богатыя милостыни.— Тогда и многолѣтнее томленіе души вашей, яко раскаяніе, вмѣнится вамъ въ искупленіе грѣха вашего.

— Обѣщаюсь исполнить все, что изволите наложить на меня,—сказалъ Яшниковъ.

— Я васъ лишаю причащенія св. Таинъ, дондеже не совершите налагаемаго на васъ дѣла,—сказалъ владыка.—Впрочемъ, если бы, сохрани васъ отъ этого Богъ, вы заболѣли опасно, тогда можете причаститься.

Немедленно принялся Яшниковъ за постройку храма.

Денегъ откупщикъ не жалѣлъ, и потому дѣло это пошло живо. Въ мартѣ, послѣ бесѣды съ владыкою, происходила закладка, осенью въ тотъ же годъ все церковное зданіе было готово, поставленъ иконостасъ, и преосвященный Агаѳодоръ совершилъ освященіе новаго храма съ придѣломъ, во имя св. мученицы Вассы. Въ день освященія владыка произнесъ слово о заслугахъ создателей и благотворителей св. Божіихъ храмовъ, а «въ своихъ палатахъ», оставаясь наединѣ съ Трофимомъ Семеновичемъ, сказалъ ему:

— Нынѣ древній грѣхъ вашъ отпущается вамъ всецѣло. Писано бо: аще разрѣшите на земли, разрѣшено будетъ на не-

беси. Я, смиренный и недостойный, разрѣшаю грѣхъ вашъ: вѣрьте, что и Господь разрѣшилъ его. Таковы слова Христа самого. Не помышляйте болѣе о грѣхѣ своемъ и не страшитесь каръ за него, иначе, показывая недовѣріе къ словамъ Господа, согрѣшите тяжко и оскорбите безмѣрное милосердіе Божіе. Теперь, послѣ исповѣди, можете причаститься св. Таинъ!

Спустя немного времени, преосвященный Агаѳодоръ былъ указомъ св. синода переведенъ въ другую епархію, а потомъ Трофимъ Семеновичъ, успокоившись и утѣшившись о потерѣ супруги, вступилъ вторично въ бракъ съ дочерью помѣщика слободы Лубковъ, тестя Мотылина. Этотъ баринъ занимался откупнымъ дѣломъ, и потому Трофимъ Семеновичъ съ нимъ сблизился.

Скоро послѣ свадьбы Трофимъ Семеновичъ перебрался въ Петербургъ.

И начался еще новый періодъ Трофима Семеновича Яшникова. Годы пошли за годами: живетъ онъ въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ, на Невскомъ проспектѣ. Не ограничиваясь откупнымъ дѣломъ, онъ взялъ въ Сибири золотые пріиски и ведетъ дѣла черезъ своихъ довѣренныхъ. Въ золотомъ дѣлѣ везетъ ему счастье, пуще чѣмъ въ откупномъ. Остряки, выражаясь о возрастаніи его богатства, говорятъ, что Яшниковъ просто пухнетъ. Молва доводитъ его капиталъ до суммы многихъ милліоновъ. Онъ—коммерціи совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра, сообщавшаго ему потомственное дворянство. Весь нижній этажъ его дома занятъ его конторою: она, по качеству его занятій,—въ двухъ отдѣленіяхъ и представляетъ подобіе министерскаго департамента. Въ бель-этажѣ помѣщается самъ хозяинъ. Широкая, устланная коврами и уставленная экзотическими растеніями лѣстница ведетъ его въ покои, гдѣ все блеститъ серебромъ, золотомъ, фарфоромъ, малахитомъ, яшмою... Домъ Трофима Семеновича постоянно открытъ для гостей: роскошные обѣды, блестящіе вечера, широкое хлѣбосольство хозяина и хозяйки! Лѣтъ черезъ восемь послѣ переселенія Яшникова въ столицу, къ нему въ домъ прибыла сестра жены его, Мотылина, которой мужъ, умирая,

оставилъ въ собственность свои Мандрики. Эта госпожа, поживши у Яшникова года два членомъ семьи ихъ, умерла, передавши полученное отъ мужа имѣніе своей сестрѣ, Яшниковой. Послѣ того Трофимъ Семеновичъ, вмѣстѣ съ женою и дочерью отъ перваго брака, отправился въ доставшіяся женѣ его вотчины. Незадолго до того скончался ея отецъ, и ей теперь доставались и Лубки, и Мандрики.

Путь ихъ съ большой почтовой дороги направлялся проселочною дорогою къ Лубкамъ. Приближаясь къ этой слободѣ, Трофиму Семеновичу приходилось проѣхать черезъ то мѣсто, гдѣ когда-то происходило событіе, тяготившее его совѣсть. Крестъ, поставленный на могилѣ двухъ убитыхъ, еще стоялъ на своемъ мѣстѣ, но подгнилъ, почернѣлъ и покрылся зеленою плѣсенью. Со стороны дороги оврагъ былъ обнесенъ кирпичнымъ парапетомъ: уже нѣсколько кирпичей изъ него успѣло выпасть и обвалиться въ оврагъ. «Ah, quel abîme!»—невольно воскликнула дочь Яшникова, отворачивая голову отъ оврага.

— Хорошо еще, что обгорожено!—замѣтила госпожа Яшникова:—а то не дай Богъ заѣхать сюда въ глухую ночь! А вотъ и чей-то крестъ: можетъ быть здѣсь похороненъ такой, что ночью опрокинулся въ этотъ оврагъ!

Ямщикъ, услыхавши замѣчаніе барыни, сказалъ:—Это такъ точно было, сударыня: ѣхалъ купецъ съ товаромъ ночью и опрокинулся въ оврагъ, и товаръ при немъ остался, и лошадей съ нимъ нашли въ оврагѣ. Такъ его то вмѣстѣ съ батракомъ здѣсь похоронили.

— Давно это было?—спросила Яшникова.

— Годовъ, почитай болѣе тридцати будетъ. Не при нашей памяти. Старые люди сказываютъ,— отвѣчалъ ямщикъ.

Трофиму Семеновичу подперло дыханіе, но онъ не произнесъ ни слова.

Пріѣхали въ Лубки. На другой день госпожа Яшникова, вмѣстѣ съ падчерицею, отправились служить панихиду надъ могилою своихъ родителей. Трофимъ Семеновичъ остался дома. Онъ былъ сильно взволнованъ послѣ того, какъ увидѣлъ мѣсто, гдѣ

когда-то совершилъ страшное преступленіе, и, въ безпокойствѣ расхаживая по комнатамъ дома, въ углу подъ образами нашелъ святцы кіевской печати, принадлежавшіе его давно уже умершей тещѣ. Онъ машинально развернулъ ихъ и наткнулся на слѣдующее мѣсто во вседневной полунощницѣ: «День онъ страшный помышляющи, душе моя, побди, вжигающе свѣщу твою, елеемъ просвѣщающи; не вѣси бо, когда пріидетъ къ тебѣ гласъ, глаголющій: се женихъ!» Трофимъ Семеновичъ положилъ святцы и сталъ ходить по комнатамъ, но прочитанныя въ святцахъ слова не отставали отъ его души. Грозно воскресало предъ нимъ прошедшее въ страшныхъ, знакомыхъ образахъ: какъ онъ убивалъ купцовъ, какъ вмѣстѣ съ Придыбалкою опрокидывалъ ихъ тѣла въ оврагъ, какъ, потомъ, пришедши на ихъ могилу, услышалъ неизвѣстно откуда исходившій голосъ: «покараю въ сорокъ лѣтъ!» Вотъ уже прошло тридцать четыре года, осталось шесть лѣтъ: и тѣ пройдутъ, и сороковой годъ наступитъ, и тотъ пройдетъ, и настанетъ день, о которомъ говорится въ святцахъ, день когда къ душѣ его пріидетъ гласъ, глаголющій: се женихъ! Сталъ тогда пытаться Трофимъ Семеновичъ утѣшать себя воспоминаніями о преосвященномъ Агаѳодорѣ: онъ вѣдь владыка, архипастырь, онъ въ церкви носитъ на себѣ образъ самого Христа Господа. Не сказалъ ли преосвященный, что грѣхъ его прощенъ, что ему не слѣдуетъ томить себя и пугать ожиданіями Божія суда? Да, онъ сказалъ такъ. Что можно возразить противъ того, что онъ говорилъ? Не указалъ ли онъ на слова самого Бога, давшаго власть пастырямъ разрѣшать грѣхи людей? Не оставилъ ли Господь обѣщаніе, что все разрѣшенное на земли будетъ имъ разрѣшено на небеси? Развѣ это не такъ? Да, а между тѣмъ совѣсть начала снова жечь сердце Трофима Семеновича. Развѣ разрѣшеніе архіерея безсильно? Или не значитъ ли, что со стороны грѣшника еще что-то осталось сдѣлать? Что же? Каяться; но вѣдь архіерей не велѣлъ болѣе ни скорбѣть, ни думать о томъ, что уже разрѣшено и прощено! Да, архіерей разрѣшилъ, и Богъ, стало быть, разрѣшилъ; а Трофиму Семеновичу страшно, больно.... Колѣна его тряслись, сердце задрожало. Онъ пересталъ ходить по ком-

патамъ дома, въ изнеможеніи прилегъ на диванъ и невольно закрылъ глаза.

Вернулись жена и дочь. Принялись завтракать. Напрасно Трофимъ Семеновичъ думалъ залить бургонскимъ виномъ и заѣсть честерскимъ сыромъ разшевелившуюся совѣсть. Случайно раскрытая въ святцахъ страница не выходила у него изъ воображенія: ему все мерещился страшный день, свѣча и гласъ, вопіющій: се женихъ!

Пробывши съ недѣлю въ Лубкахъ, Яшниковы отправились въ Мандрики. Невыразимыя ощущенія охватили душу Трофима Семеновича, когда онъ увидалъ то село, гдѣ родился, проѣхалъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ когда-то бродилъ съ мѣшкомъ за плечами, выпрашивая хлѣбные недоѣдки. Теперь вотъ онъ въѣзжаетъ въ барскій дворъ, тотъ самый дворъ, куда онъ назадъ тому тридцать пять лѣтъ не смѣлъ войти, пугаясь грознаго имени: баринъ; а баринъ въ его дѣтскомъ воображеніи представлялся существомъ страннымъ и вмѣстѣ ужаснымъ, существомъ непохожимъ на обыкновенныхъ людей, такимъ существомъ, которое все только сердится и дерется! Теперь—онъ самъ баринъ, да еще владѣлецъ этого самаго двора, котораго въ ребячествѣ такъ боялся.

Въ первый же день, когда Яшниковы расположились въ барскомъ домѣ слободы Мандрикъ, Трофима Семеновича что-то невольно потянуло въ садъ. Вотъ оранжерея, вотъ садовая изба: въ отдѣльной половинѣ этой садовой избы жилъ Придыбалка, сюда приходилъ къ нему учиться чтенію, письму и цифири молодой крестьянинъ, только что женившійся на дочери богатаго мужика. У дверей оранжереи стоялъ невѣдомый Трофиму Семеновичу рабочій; онъ почтительно снялъ шапку, сознавая, что передъ нимъ новый баринъ.

— Кто у васъ теперь главный садовникъ?—спросилъ его Трофимъ Семеновичъ. Рабочій назвалъ его по имени.

— Не знаешь ли,—спросилъ Трофимъ Семеновичъ—гдѣ теперь Ѳетисъ Борисовичъ, что былъ у покойнаго Мотылина главнымъ садовникомъ?

— Не могу знать,—отвѣчалъ рабочій.—Такого, сударь, кажись, у насъ не было.

— Былъ, сказалъ Трофимъ Семеновичъ, давно только; годовъ больше тридцати тому прошло.

— Этого мы помнить не можемъ,—отвѣчалъ рабочій:—я въ тѣ поры еще не родился.

Отошелъ отъ него Трофимъ Семеновичъ; онъ пошелъ гулять по саду; вездѣ замѣчалъ онъ отпечатокъ запустѣнія. Видно было, что этотъ садъ много лѣтъ уже оставался безъ хозяйской любви къ нему. Выйдши изъ сада и проходя черезъ дворъ, Трофимъ Семеновичъ встрѣтилъ служителя; волосы съ просѣдью показывали, что онъ живетъ на свѣтѣ около пятидесяти лѣтъ. Трофимъ Семеновичъ остановилъ его и спрашивалъ:

— Не помнишь ли ты Ѳетиса Борисовича, что былъ когда то главнымъ садовникомъ у Мотылина?

— Немного помню—сказалъ служитель.—только я тогда жилъ еще на слободѣ, и во дворъ меня не брали. Помню. Его звали въ слободѣ Придыбалкою.

— Да, да. Придыбалкою, сказалъ Трофимъ Семеновичъ. Не знаешь ли, не слыхалъ ли, гдѣ онъ?

— Не знаю, сударь,—отвѣчалъ служитель. Да наврядъ-ли кто въ слободѣ про то знаетъ. Про него ходили въ народѣ странные слухи;—ну да вѣдь глупый народъ, мало-ли чего болтаетъ.

— Что такое?—спросилъ Трофимъ Семеновичъ.

— Такое, баринъ,—сказалъ служитель,—такое, что и говорить про то не годилось бы. Извѣстно, народъ глупъ, мало-ли что мелетъ.

— Что такое?—скажи,—съ любопытствомъ допрашивалъ его Трофимъ Семеновичъ.

— Что будто...—говорилъ таинственно служитель,—будто онъ только въ образѣ человѣческомъ ходилъ, а на самомъ дѣлѣ не человѣкъ былъ.

— Кто же?—спрашивалъ баринъ.

— Извѣстно,—сказалъ служитель—народъ глупъ, сударь: необразованность, мало-ли чего выдумаетъ простонародіе по своей простотѣ?

— За кого же считали въ слободѣ этого Придыбалку?—скажи,—допрашивалъ баринъ.

— За самого лукаваго, сударь,—сказалъ служитель.—Говорили: кто только съ этимъ Придыбалкою свяжется, того онъ сейчасъ на грѣхъ подведетъ. Съ покойнымъ нашимъ бариномъ, говорятъ, такое было, въ тѣ поры какъ они были молоды и пріѣхали изъ полка. Совсѣмъ было обошелъ ихъ этотъ Придыбалка, во всемъ на него баринъ положился и души въ немъ не слышалъ; только послѣ, какъ они изволили остепениться и женились, молодая барыня первымъ долгомъ потребовала отъ барина, чтобъ этого Придыбалки у нихъ ни во дворѣ, ни въ слободѣ не было. Баринъ послушались добраго совѣта барыни и согнали Придыбалку. Куда тотъ ушелъ, гдѣ дѣлся, гдѣ жилъ послѣ того, и живетъ-ли онъ до сихъ поръ на свѣтѣ, про то я не знаю, и наврядъ-ли у насъ въ слободѣ есть такой, кто про это знаетъ. Еще про него въ слободѣ ходила такая притча, что коли кто по наущенію его пойдетъ и пообѣщаетъ ему жить такъ, какъ онъ укажетъ, того онъ богатымъ сдѣлаетъ и въ большую честь введетъ. Былъ у насъ въ слободѣ старикъ, лѣтъ ему за восемьдесятъ перевалило; недавно умеръ. Тотъ, помню, разсказывалъ: былъ, говоритъ, у насъ въ слободѣ, парень, бѣдный такой, что совсѣмъ нищій, милостыни подъ окнами просилъ! Этотъ Придыбалка и говоритъ ему: «дай мнѣ клятву, что будешь дѣлать все, что я тебѣ велю. Я тебя за то богачемъ произведу». Парень искусился и далъ ему такую клятву. Чтожъ вы думаете? Этотъ парень какъ-то вышелъ на волю и ужасть какъ разбогатѣлъ. Такъ старикъ этотъ сказывалъ, а Богъ его знаетъ, правда ли это, или нѣтъ.

Отъ этого разсказа поблѣднѣлъ Трофимъ Семеновичъ. Онъ понялъ, что рѣчь шла не о комъ другомъ, а именно о немъ. У народа про него сложилась сказка. Вотъ что оно—думалъ Яшниковъ, ушедши отъ разсказчика,—народъ здѣсь не совсѣмъ забылъ

про меня, сплелъ про меня небылицу. Значитъ, надобно быть осторожнымъ, чтобъ крестьяне не узнали, кто теперь у нихъ сталъ бариномъ. А развѣ можно утаить шило въ мѣшкѣ? Пусть-бы знали, что я когда-то по этой слободѣ ходилъ бѣднымъ оборвышемъ. Это не бѣда. Тѣмъ больше чести. А вотъ что дурно, когда станутъ болтать, что ихъ баринъ разбогатѣлъ при помощи чорта, ходившаго въ человѣческомъ образѣ. А чтожъ? Станутъ болтать. Что тутъ подѣлаешь? Всѣмъ не зажмешь рта. Всего хуже, какъ провѣдаютъ, съ какого повода я богатѣть началъ. Нѣтъ, нѣтъ! Этого провѣдать не могутъ. Судъ уже давно рѣшилъ, что убійства не было: купцы по собственной неосторожности опрокинулись въ оврагъ. Такъ и въ народѣ, какъ видно, осталось. Вотъ и ямщикъ, что насъ везъ, говорилъ: ѣхали какіе-то купцы и упали съ повозкою въ оврагъ, и товаръ, и лошади при нихъ найдены. Стало быть ихъ никто не убивалъ, иначе разбойники взяли бы себѣ товаръ. Нѣтъ, люди не узнаютъ моей тайны; одинъ Богъ знаетъ ее. Но архіерей увѣрялъ меня, что Богъ простилъ уже меня. А вотъ умные люди говорятъ, что Бога вовсе и нѣтъ. А кто его знаетъ: однако все равно, мнѣ бояться нечего, коли есть Богъ, такъ Онъ меня простилъ, и наказывать больше не станетъ, а коли Его нѣтъ, такъ и наказывать меня некому.

Прошедши черезъ дворъ, Трофимъ Семеновичъ не вошелъ въ домъ, а вышелъ чрезъ калитку и очутился въ виду двухъ господскихъ кузницъ. И вспомнилъ онъ, какъ здѣсь, подъ этими кузницами, онъ видался съ Придыбалкою и слушалъ его наставленія; увидалъ онъ и то плесо, куда хотѣлъ броситься, когда Шпакъ прогналъ его. Вспомнилъ онъ и рѣчи Придыбалки, какъ тотъ указалъ ему путь найти себѣ синій жупанъ и лошадь, чтобъ жениться на Вассѣ. Вспомнилъ онъ и про то, какъ Придыбалка предсказывалъ, что онъ будетъ богачемъ. Пророчество сбылось. Но съ чего пошла его разжива? Съ того несчастнаго бумажника, что онъ вынулъ изъ кармана убитаго имъ человѣка! Ахъ какой скверный начатокъ! Ахъ какое ужасное дѣло! Не съ этого, ли гнуснаго дѣла началъ онъ богатѣть, а мало-по-малу дошелъ до того, что сталъ коммерціи совѣтникомъ, дворяниномъ, знатнымъ

бариномъ. Какая необычная и вмѣстѣ проклятая судьба! Всему начало положило преступленіе, за которое слѣдовало его, по закону, сослать въ каторгу. Чтожъ теперь дѣлать? Каяться. Но кому каяться? Богу? Но Богъ простилъ его: такъ архипастырь сказалъ, и то было уже давно. А вонъ другіе умные люди, что все читали и много знаютъ, говорятъ, будто и Бога-то нѣтъ.

Такъ перевертывались мысли въ головѣ Трофима Семеновича, когда онъ остановился передъ кузницами, подъ которыми тридцать четыре года тому назадъ слушалъ наставленія Придыбалки. И не на что было его уму опереться: снова начиналась и не кончалась въ его душѣ обычная внутренняя борьба.

Воротившись съ прогулки въ домъ, Трофимъ Семеновичъ предложилъ женѣ и дочери проѣхаться по дачѣ. Пообѣдавши, они сѣли въ коляску покойныхъ Мотылиныхъ, оставшуюся въ имѣніи послѣ господъ. Проѣхали мимо того мѣста, гдѣ жила когда-то солдатка Ирина, Трохимова тетка. Не было уже убогой солдаткиной хаты, гдѣ проводилъ когда-то теперешній петербургскій богачъ свое грустное отрочество. Вмѣсто нея въ новомъ дворѣ стояли двѣ нарядныхъ избы, а позади, гдѣ былъ когда-то жалкій огородъ солдатки, зеленѣлъ густолистный садикъ. Яшниковы проѣхали мимо бывшаго двора Шпака: и тамъ увидалъ Трофимъ Семеновичъ совсѣмъ не то, что напечатлѣвалось въ его памяти отъ молодыхъ лѣтъ. Ни слѣда прежней свѣтлицы, ни рабочей избы; прежнія ворота отнесены въ другое мѣсто, а тамъ, гдѣ у Шпака были ворота во дворъ, красовался домикъ въ великорусскомъ стилѣ, съ пятью окнами, передъ которыми не во дворѣ, а на улицу въ палисадникѣ зеленѣли кусты сирени и бузины. Все перемѣнилось въ Мандрикахъ за тридцать четыре года—замѣтилъ Трофимъ Семеновичъ. Даже церковь, въ которой его крестили и вѣнчали, измѣнила свой наружный видъ: прежде она была покрыта дранью, а теперь—листовымъ желѣзомъ, покрашеннымъ ярко-зеленою краскою, а посаженныя вокругъ церкви березки, которыя зналъ Трофимъ Семеновичъ маленькими деревцами, стали теперь большими, густолистными деревьями. Только два надгробные памятника въ церковной оградѣ гласили о прошедшемъ слободы Мандрикъ:

первый—покрывалъ останки стараго Мотылина и жены его, другой, рядомъ съ первымъ, поставленъ былъ на могилѣ послѣдняго изъ Мотылиныхъ, оставившаго имѣнія женѣ своей, передавшей его, по завѣщанію, въ родъ Яшниковыхъ.

Пробывши около двухъ недѣль въ Мандрикахъ, и сдѣлавши хозяйственныя распоряженія объ управленіи Мандриками и Лубками, Яшниковы возвращались въ Петербургъ.

Яшниковы выѣхали на своихъ лошадяхъ на почтовую дорогу. Путь ихъ въ Петербургъ лежалъ черезъ Москву. На этомъ пути, въ тридцати верстахъ отъ столбовой дороги находился знаменитый во всей Россіи монастырь: чудотворная икона Богоматери привлекала туда богомольцевъ изъ близкихъ и далекихъ сторонъ православнаго русскаго міра. Госпожѣ Яшниковой казалось предосудительнымъ не посѣтить этого монастыря хоть разъ въ жизни, особенно когда случай приводилъ ее проѣзжать неподалеку отъ этой святыни. Трофимъ Семеновичъ, угождавшій женѣ, и теперь не отказалъ ей. Яшниковы свернули съ почтовой дороги и прибыли въ монастырскую гостинницу, гдѣ расположились въ трехъ покояхъ. Въ большой монастырской церкви стояла въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ чудотворная икона Богоматери: въ другой церкви былъ колодецъ, называемый живоноснымъ: народъ признавалъ особую благодать въ водѣ этого колодца. Когда Яшниковы побывали у архимандрита, тотъ сообщилъ имъ, что въ монастырѣ есть схимникъ, отецъ Пафнутій, старикъ семидесяти пяти лѣтъ, имѣвшій даръ прозорливости и провидѣнія будущаго. Впрочемъ, преподобный отецъ, какъ счелъ нужнымъ замѣтить архимандритъ, не терпѣлъ, чтобъ къ нему приходили изъ любопытства; нерѣдко посѣтителю, являвшемуся съ такимъ побужденіемъ, схимникъ говорилъ: «что ты ко мнѣ гадать пришелъ? Ступай лучше къ бабѣ ворожеѣ, коли тебѣ охота заниматься суевѣріями!» Если же посѣтитель ему нравился, то схимникъ укорялъ его въ наставительномъ тонѣ: «будущее одному Богу вѣдомо! Грѣшно желать знать о своей грядущей судьбѣ: полагайся во всемъ на волю Божію». Хотя онъ былъ постникъ и отшельникъ, но никого

не заманивалъ къ прелестямъ монашескаго житія. Пришелъ къ нему однажды купчикъ, которому пришла охота странствовать изъ монастыря въ монастырь, съ намѣреніемъ вступить современемъ самому въ монахи. «Тебѣ»—сказалъ ему отецъ Пафнутій—«не велитъ Богъ думать о монашествѣ. Не всякому инокомъ быть можно, а только тѣмъ, кого Богъ самъ къ тому избираетъ! Не думай, что въ мірѣ спастись нельзя. Ступай въ свой городъ и занимайся торговлею. Богъ пошлетъ тебѣ хорошую жену, и ты будешь добрый семьянинъ и честный торговецъ». Такъ поступилъ купчикъ и такъ съ нимъ сталось въ жизни. Не всякаго допускалъ къ себѣ схимникъ; инымъ онъ не отвѣчалъ, когда, подходя къ его дверямъ, они произносили молитву: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ! Не дождавшись благосклоннаго: аминь!—они принуждены были уходить съ прискорбіемъ. Однажды пришла къ нему какая-то барыня. Схимникъ допустилъ ее, но, не давая ей обычнаго благословенія, спросилъ ее: «какой ты вѣры?»—Какъ какой?—сказала изумленная барыня—православной, грекороссійской!—«Есть люди»—сказалъ отецъ Пафнутій—«именующіе себя христіанами, а они—сущіе язычники и поклоняются многимъ идоламъ. И ты такая же. У тебя идолы—женскія платья, шляпки, ленты, перчатки: все это идолы твои». И потомъ началъ ее учить отецъ Пафнутій, что надобно паче всего любить Бога, а къ тлѣннымъ земнымъ вещамъ не прилѣпляться. Много подобнаго разсказывали объ отцѣ Пафнутіи, во свидѣтельство его мудрости и прозорливости.

Услыхавши отъ архимандрита объ этомъ прозорливомъ старцѣ, Трофимъ Семеновичъ, остававшійся подъ вліяніемъ впечатлѣнія, возбужденнаго посѣщеніемъ Мандрикъ, рѣшился пойти къ старцу и у него исповѣдываться.

По указанію монаха, Трофимъ Семеновичъ отправился на монастырское кладбище, отдѣленное невысокою каменною оградою отъ главнаго монастырскаго двора, на которомъ стояли церкви. На кладбище вела калитка, настолько широкая, что черезъ нее можно было пронести гробъ съ покойникомъ. Вправо отъ калитки вдоль стѣны, отдѣлявшей кладбище отъ двора, стояла не-

большая церковь; главный входъ въ эту церковь былъ со двора, а на кладбище выходила изъ церкви другая дверь, желѣзная, отворявшаяся только въ такомъ случаѣ, когда нужно было нести покойника въ могилу. Далѣе за церковью, вдоль той же стѣны, была келья схимника. Единственный входъ въ эту келью былъ со стороны кладбища. Близь ея двери продѣлано было маленькое оконце, а на противоположной сторонѣ во дворъ было другое оконце, нѣсколько шире перваго; черезъ это послѣднее затворнику подавали пищу. У самой кельи на кладбищѣ были могилы, и одинъ надмогильный крестъ, стоя у самой двери, какъ будто просился въ келью къ отшельнику. По наставленію, сообщенному монахомъ, Яшниковъ подошедши къ оконцу, выходившему на кладбище, произнесъ: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! Изъ кельи послышалось: аминь. Дверь отворилась.

Трофимъ Семеновичъ вступилъ въ келью. Это была маленькая комнатка, въ ней не могло стать въ рядъ болѣе трехъ человѣкъ. Каменная лежанка, безъ всякой постели, составляла ложе отшельника. Столъ, съ двумя лежавшими на немъ книгами и простая, некрашеная скамеечка составляли всю мебель комнаты. Надъ лежанкою висѣлъ образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Передъ Трофимомъ Семеновичемъ стоялъ мужчина въ черной власяницѣ, закрытый схимническимъ аналавомъ, съ изображеніемъ креста и адамовой головы подъ крестомъ. Трофимъ Семеновичъ хотѣлъ поцѣловать ему руку; схимникъ отдернулъ ее.

— Я.... началъ было золотопромышленникъ.

— Ты,—перебилъ его отшельникъ,—грѣшникъ! Но всѣхъ грѣшниковъ Богъ по своему безконечному милосердію прощаетъ, если они смиренно покаются предъ Богомъ. Есть грѣхъ паче всѣхъ грѣховъ—то гордость духа. Рекъ бо Господь: Блаженни нищіи духомъ: тѣхъ бо есть царствіе Божіе! Смиряйся и кайся!

Другой бы счелъ такія слова обычнымъ иноческимъ нравоученіемъ, примѣнительнымъ ко всѣмъ людямъ; но Трофимъ Семеновичъ оставался подъ впечатлѣніемъ воспоминанія о своемъ преступленіи; ему пришло въ голову такое соображеніе: онъ сразу назвалъ меня грѣшникомъ, онъ стало быть узналъ, кто къ нему

пришелъ. Правду говорятъ про него, что онъ прозорливъ. И Трофимъ Семеновичъ разсказалъ отцу Пафнутію всю повѣсть житія своего, начиная съ дѣтства. Не утаилъ онъ страшнаго дѣла, совершеннаго въ лѣсу надъ оврагомъ.

— Окончилъ?—спросилъ отецъ Пафнутій строгимъ, но спокойнымъ голосомъ.

— Окончилъ,—отвѣчалъ Трофимъ Семеновичъ.—Меня смущаетъ...

— Да не смущается сердце ваше, сказалъ отшельникъ: терпи наказаніе отъ Бога и уповай на его безпредѣльное милосердіе.

— Меня,—продолжалъ Трофимъ Семеновичъ,—именно то смущаетъ, что я не понесъ никакого наказанія, и я думаю, что кара меня ожидаетъ тогда, когда исполнится сорокъ лѣтъ, какъ мнѣ обѣщано было на могилѣ. До сихъ поръ все идетъ благополучно, деньги за деньгами сыпятся въ карманъ, мнѣ только и горя было, что потерялъ жену, но скоро потомъ Богъ даровалъ мнѣ другую, также достойную. И дѣтьми своими я доволенъ.

— *Этимъ тебя Богъ и наказываетъ*—сказалъ схимникъ—*что тебѣ во всемъ удача и благополучіе; въ этомъ тебѣ и починъ кары Божіей.* Никакой грѣхъ не останется у Бога безъ кары, ни одна добрая мысль—безъ награды. Какъ бы ты, послѣ совершеннаго тобою злого дѣла, перенесъ какое-нибудь несчастье, то счелъ бы его Божіимъ наказаніемъ, а ты вотъ говоришь,—во всемъ тебѣ удача была, и денегъ у тебя много, и семьею ты доволенъ. Это значитъ—Богъ оставляетъ впередъ кару надъ тобою. Хорошо было бы, когда бы на самомъ дѣлѣ приключилось тебѣ какое-нибудь несчастіе, или болѣзнь тебя постигла, прежде чѣмъ исполнится сорокъ лѣтъ, а то хуже будетъ, когда и сорокъ лѣтъ пройдетъ, и съ тобой ничего не случится, и денегъ у тебя много будетъ, и будешь ты здоровъ и благополученъ, и во всѣхъ дѣлахъ твоихъ будетъ удача. Тогда перестанешь ты страшиться кары, и тогда совсѣмъ потеряешь—не скажу вѣру въ Бога: у тебя ее нѣтъ,—потеряешь страхъ Божій, который у тебя еще есть. Вотъ тогда послѣдняя твоя будетъ кара на землѣ. Земные

люди слухомъ внимаютъ и не слышатъ, очима смотрятъ и не видятъ. Имъ нерѣдко благополучіемъ кажется то, что есть великое бѣдствіе; добро видятъ они тамъ, гдѣ настоящее зло. Со стороны глядя на тебя, люди подумаютъ: вотъ надъ нимъ благословеніе Божіе! Оттого ему во всемъ удача и счастье! Обманываются люди: не благословеніе тебѣ это, а кара! Вотъ какъ-бы привелъ тебя Господь потерпѣть даже за то, въ чемъ ты ни душой, ни тѣломъ не виноватъ. И тогда было бы тебѣ лучше. Пусть бы люди напрасно тебя обвиняли, а ты бы самъ зналъ, что не за то, по Божію смотрѣнію, несешь наказаніе. А если такъ до твоей смерти будетъ тебѣ во всемъ одно благополучіе, и люди будутъ тебя хвалить и прославлять, не зная, что ты былъ великій грѣшникъ и злодѣй, тогда горе тебѣ! Это значитъ, что зѣло прогнѣвилъ ты Бога, и Богъ соблюдаетъ для тебя кару въ твой послѣдній день.

— Что мнѣ дѣлать?—честный отецъ.—Скажи, что мнѣ дѣлать? Я думалъ угодить Богу и заслужить Его милосердіе, я на святыя церкви жертвовалъ, храмъ построилъ, нищимъ благодѣтельствовалъ.

— А что сказано—возразилъ отецъ Пафнутій: —«аще вся имѣнія моя раздамъ нищимъ, любве же не имамъ, никая польза ми есть». Храмъ построилъ, нищимъ благодѣтельствовалъ! Вы думаете Бога подкупить вашею милостынею? Да вѣдь Іуда предатель о нищихъ пекся, когда укорилъ жену, пролившую драгоцѣнное мyро на Господа. Что ему Господь сказалъ: нищихъ всегда имѣете съ собою, а меня не всегда. А Онъ, Господь, что такое? Онъ—любовь всесовершенная. Когда въ наше сердце вступаетъ любовь, значитъ самъ Богъ въ него вступитъ. Съ нами тогда Христосъ. Пользуйся, человѣче, минутою, когда Христосъ съ тобою. Пройдетъ сія драгоцѣнная минута, отгонишь Христа отъ себя лукавыми своими помыслами и намѣреніями, тогда мѣсяцы, годы пойдутъ обычною чредою, а Христа съ тобою не будетъ; станешь звать его къ себѣ, а онъ не придетъ! Тогда сколько ни раздавай милостыни, сколько ни строй церквей—все тщета, никакая ти польза есть. Люди [illegible] хвалить бу-

дутъ и только. Отъ людей воспріимешь мзду свою, а отъ Бога ее не ожидай.

— Что же,—сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—что же дѣлать, когда ни милостынею, ни богоугодными дѣлами нельзя, какъ говоришь ты, загладить грѣха? А честный владыка, повелѣвшій мнѣ построить храмъ во искупленіе моего преступленія, сказалъ мнѣ, что какъ онъ разрѣшилъ мнѣ грѣхъ здѣсь, такъ и на небѣ разрѣшенъ будетъ грѣхъ тотъ.

— По разрѣшенію пастырскому,—сказалъ схимникъ,—грѣхъ разрѣшенъ на небеси Богомъ только тогда, когда грѣшникъ самъ кается съ вѣрою. А у тебя нѣтъ вѣры. Безъ собственной вѣры безсильно всякое разрѣшеніе духовнаго лица. А чтобъ имѣть вѣру, надобно со смиреніемъ вымолить ее у Бога.

— Какъ же это сдѣлать? Научи!—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.

Если я укажу тебѣ къ тому средство, ты не поступишь по моему совѣту,—сказалъ отшельникъ.

— Поступлю, честнѣйшій отецъ. Скажи твой совѣтъ,—произнесъ Трофимъ Семеновичъ.

— Скажу тебѣ—сказалъ отецъ Пафнутій:—только напередъ знаю, что ты моего совѣта не примешь; скажу тебѣ для того, чтобъ ты зналъ тотъ путь спасенія, по которому пойти у тебя не хватитъ ни рѣшимости, ни силы. Раздай всѣ свои капиталы на добро своимъ ближнимъ, а самъ останься безъ гроша. Съ чего началось твое обогащеніе? Съ преступленія, со злодѣянія? Потеряй же добровольно все, нажитое тобою на этомъ нечистомъ пути: тогда получишь ты возможность испросить у Бога полное прощеніе за свой тяжкій грѣхъ. Только все раздай, ничего у себя не оставь; не уподобись Ананіи и Сапфирѣ. Такъ раздай, чтобъ никто не узналъ, что это роздано тобою. Не труби передъ собою!

— Какъ же?—сказалъ Трофимъ Семеновичъ:—я сдѣлаю нищими собственныхъ дѣтей, неповинныхъ въ отцовскомъ грѣхѣ?

— А ты,—сказалъ ему отецъ Пафнутій—читаешь въ повседневной молитвѣ: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Если такъ молишься, чего тебе страшиться за дѣтей? Богъ дастъ имъ

хлѣбъ насущный. Господь силенъ прокормить и одѣть твоихъ дѣтей. Въ евангеліи сказано: имѣйте вѣру Божію, и аще речете горѣ сей: верзися въ море, будетъ по глаголу вашему. Это, вѣдь, словеса самого Господа. У тебя нѣтъ вѣры; я это вижу, но безъ вѣры никакая щедрая милостыня не примиритъ тебя съ Богомъ; безъ твоей собственной вѣры архипастырское разрѣшеніе не разрѣшитъ тебя на небеси. Вѣру надобно пріобрѣсть, а чтобъ ее пріобрѣсть—я подаю тебѣ такой совѣтъ. Весь свой капиталъ потратишь, дѣтямъ своимъ не оставишь, тогда дѣтей своихъ предашь въ волю Божію. Вотъ тутъ и будетъ твоя вѣра въ Бога. Тутъ важно не то, что ты свои милліоны издержишь на богоугодныя дѣла. Что милліоны? Прахъ, тлѣнъ, соръ. Что такое богоугодныя дѣла? Отъ дѣлъ не оправдится никакая плоть предъ Нимъ. Тутъ именно то важно, что дѣти твои тебѣ милѣе и дороже всего, а ты имъ никакихъ богатствъ не оставишь, и предашь ихъ въ волю Божію. Этимъ ты благодать Божію къ себѣ привлечешь.

Трофимъ Семеновичъ молчалъ, потупивши голову. На лицѣ его изображалось смущеніе.

— Что, богачъ? Видно, жестоко слово сіе!—сказалъ схимникъ.—Видно, ты уподобляешься тому богачу, ему же Христосъ предложилъ, если хочетъ совершенъ быти, раздать всѣ свои имѣнія нищимъ и идти за Христомъ! Не прошло мимо тебя слово Господа, рекшаго: удобѣе верблюду пройти сквозь уши иглиныя, нежели богатому въ царствіе Божіе внити! Пусть же Богъ самъ вразумитъ тебя и наставитъ, а я болѣе не скажу тебѣ ничего. Оставь меня.

Трофимъ Семеновичъ поклонился и вышелъ изъ келіи молча.

Ничего не сказалъ онъ ни женѣ, ни дочери, которыя осматривали монастырскую ризницу въ то время, какъ Трофимъ Семеновичъ посѣщалъ отшельника. Послѣ него мать и падчерица, по совѣту архимандрита, ходили къ схимнику, но обѣ возвратились въ гостинницу, не видавши схимника. Три раза, одинъ вслѣдъ за другимъ, подъ дверьми его келіи госпожа Яшникова произносила обычную молитву: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй

насъ! Не послѣдовало на эту молитву желаннаго: аминь! Прозорливый старецъ не показалъ охоты вступать съ ними въ бесѣды.

Вернулись Яшниковы изъ монастыря на почтовую станцію, а оттуда покатили въ столицу.

Дорогою Трофимъ Семеновичъ былъ грустенъ и молчаливъ. Онъ солгалъ женѣ и дочери, сказавши, будто отшельникъ не принялъ его такъ же, какъ и ихъ, но, углубясь въ себя, размышлялъ о бесѣдѣ со схимникомъ. «Вишь ты»—думалъ онъ:—«раздай другимъ ни за что, ни про что весь свой капиталъ, а самъ останься безъ всего! Хорошо такъ говорить, когда у него въ кельѣ даже постели нѣтъ! А мнѣ какъ это сдѣлать!» И стало Трофиму Семеновичу воображаться: всѣ свои банковые билеты, всѣ свои деньги раздаетъ онъ на благотворительныя учрежденія, продаетъ свой домъ на Невскомъ и вырученныя съ продажи деньги обращаетъ туда же, и поступаетъ такъ, какъ велѣлъ схимникъ; никто не знаетъ, откуда жертвуются такія суммы. И ему за это ровно ничего. Шишъ подъ носъ. Ни ордена, ни монаршаго благоволенія, ни министерской благодарности, ни газетной похвалы! Никто не знаетъ, что онъ свершилъ такой подвигъ. Только дѣти узнаютъ. Какъ имъ не узнать, когда они черезъ этотъ отцовскій подвигъ станутъ бѣдняками? Что тогда они скажутъ? И стало Трофиму Семеновичу ужасно. «Ахъ я дуракъ! Пошелъ спрашивать совѣта у выжившаго изъ ума чернеца!»—говорилъ самъ въ себѣ Трофимъ Семеновичъ»: я человѣкъ общественный, и ужъ коли спрашивать совѣта, такъ спрашивать его у такого, что живетъ самъ съ людьми, а не на кладбищѣ съ мертвецами. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не загладилъ грѣха молодости и невѣжества честною и полезною для общества жизнью въ теченіе многихъ лѣтъ? Развѣ низачто меня и люди одобряли и государь жаловалъ? Что, я былъ развѣ скупъ для неимущихъ? Мало ли я благодѣтельствовалъ и нищимъ и святымъ храмамъ? Архіереи поважнѣе этого схимника, и тѣ меня въ примѣръ благочестія и всякихъ добродѣтелей ставили, а преосвящен-

ный Агаѳодоръ давно уже разрѣшилъ мой тяжкій грѣхъ! Да еще какъ разрѣшилъ: вмѣнилъ мнѣ въ новый грѣхъ, если я стану безпокоиться за свой прежній, имъ разрѣшенный! Помню я, какъ этотъ мудрый архипастырь насчетъ раздачи милостыни говорилъ: слѣдуетъ давать милостыню съ разсужденіемъ, съ толкомъ, и давать ее такъ, чтобъ и себя самого и дѣтей своихъ не разорять. Вотъ истинно мудрое наставленіе! А этотъ чернецъ что говорилъ? Надѣли дармоѣдовъ, а собственныхъ дѣтей пусти по міру. Да почему это бѣдные такъ пріятны Богу, что другіе должны трудиться и собирать состояніе, чтобъ его бѣднымъ раздавать? Гораздо больше благотворитъ тотъ, кто не дастъ никому даромъ ни гроша, а устраиваетъ какое-нибудь дѣло и доставляетъ трудъ бѣднымъ людямъ, и имъ за трудъ платитъ. Хоть онъ и себѣ доставляетъ пользу, но и другимъ даетъ, и даетъ не даромъ, а за трудъ. Это похвальнѣе. И средства бѣднымъ доставляются, и къ лѣности они не пріучаются. Развѣ я не такъ поступалъ? Мало ли народа служитъ у меня и по откупамъ, и по золотымъ пріискамъ? Всѣ получаютъ исправно за свой трудъ жалованье, никто не пожалуется, чтобъ я кому-нибудь не доплатилъ, кого-нибудь обманулъ. Развѣ все это не благотвореніе общественное? Вотъ это-то и есть настоящая благотворительность, а вовсе не глупая раздача денегъ лѣнтямъ и бродягамъ, какъ насъ учатъ эти монахи! Вишь, что выдумали! Хочешь спастись—говорятъ—раздай нищимъ все свое состояніе; это значитъ: самъ трудись, ни днемъ ни ночью покоя не знай, а что наживешь,—все это раздай такимъ, что сами трудиться не хотятъ, пріобрѣтать не умѣютъ, а охочи на чужой счетъ пожить! А отъ чего нищій сталъ нищимъ? Спросить бы ихъ. Отъ того, что работать не хотѣлъ. Конечно, такъ. Кто трудится и, притомъ, кто одаренъ умомъ, тотъ богатѣетъ, а кто лѣнится и глупъ, тотъ весь вѣкъ остается бѣднякомъ. А у этихъ чернецовъ такое разсужденіе: ты богачъ, у тебя всего много; раздай все тѣмъ, у кого ничего нѣтъ, а самъ бѣднякомъ стань. Тогда въ рай пойдешь. Богатому, говорятъ они, нельзя войти въ царствіе небесное: такъ самъ Богъ сказалъ. Охъ, видно не совсѣмъ правы тѣ умные и ученые люди, что очень-то вѣрятъ

въ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, какой премудрый Богъ, что такое сказалъ, чтобъ не входить богатому въ царствіе небесное!

И путемъ саморазмышленія Трофимъ Семеновичъ подходилъ опять къ отрицанію Божества.

Воротились Яшниковы въ Петербургъ. Трофимъ Семеновичъ опять погрузился въ свои торговыя и промышленныя спекуляціи. Дѣла его не только не упадали, но становились все лучше. Откупа онъ совсѣмъ покинулъ и ограничивался одною золотопромышленностію, и съ этой цѣлію онъ въ лѣтнее время съѣздилъ въ Сибирь. Два семейныхъ праздника огласили необычною веселостью домъ золотопромышленника, и безъ того всегда людный и шумный. Первый—былъ выходъ замужъ его дочери за князя знатной фамиліи, избравшей Елену Трофимовну какъ ради ея красоты, такъ и ради богатаго приданаго. Второй праздникъ была женитьба сына его, служившаго по дипломатической части. Отецъ достойно своему состоянію надѣлилъ и отдѣлилъ обоихъ дѣтей своихъ.

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды,
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.

И вотъ насталъ роковой сороковой годъ со времени совершенія преступленія, тяготившаго совѣсть Трофима Семеновича. Въ іюнѣ этого года жена Яшникова уѣхала въ свои имѣнія по дѣламъ. Трофимъ Семеновичъ не поѣхалъ съ нею, отозвавшись, что важныя дѣла требуютъ его присутствія въ столицѣ.

Проводивши жену, Трофимъ Семеновичъ проживалъ на собственной дачѣ, близъ Царскаго Села, и часто по дѣламъ ѣзжалъ въ городъ. Состояніе духа его дѣлалось день ото дня тревожнѣе. Преступленіе совершено было 13 августа, и Яшниковъ ждалъ сороковаго изъ прожитыхъ имъ съ тѣхъ поръ августовъ съ такимъ же ужасомъ, какъ Громобой появленія Асмодея. Трофиму Семе-

новичу представлялись разные виды Божеской кары, долженствующей его постигнуть ровно черезъ сорокъ лѣтъ: то думалъ онъ, что на него нашлется смертная болѣзнь, и онъ пробовалъ узнать: нѣтъ-ли признаковъ начинающейся водянки, или рака и т. п. То приходила ему мысль, что онъ умретъ отъ внезапнаго апоплексическаго удара, и онъ спрашивилъ врачей, не предрасположенъ ли онъ къ апоплексіи? То воображалось ему, что онъ погибнетъ отъ неожиданнаго случая: загорится домъ, и онъ не успѣетъ изъ него выскочить, либо обвалится сводъ зданія, гдѣ онъ будетъ находиться, и убьетъ его. Иногда золотопромышленникъ опасался тайныхъ враговъ и завистниковъ: они затѣютъ извести его и подкупятъ слугъ, или какимъ нибудь способомъ найдутъ возможность отравить его. Все навязчивѣе становились пугающіе его признаки. Въ началѣ августа онъ пригласилъ къ себѣ на дачу сына, жившаго отъ родителя отдѣльно, въ подаренномъ ему отцомъ домѣ.

— Александръ,—сказалъ ему отецъ:—хочу поговорить съ тобою объ очень важной матеріи. Ты у меня ученъ и ученъ, а мы, грѣшные, учились на мѣдныя деньги и то не доучились.

— Слушаю, батюшка!—отвѣчалъ сынъ.

— Я, мой другъ,—сказалъ старикъ:—всегда былъ откровененъ съ своимъ семействомъ, а съ тобой болѣе всего. Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня знаешь, не произошло со мною ничего сколько нибудь важнаго, о чемъ бы ты не узналъ отъ меня самого. Но ты не знаешь кое-чего такого, что со мною происходило въ то время, когда тебя на свѣтѣ не было. А было со мною такое, чего я до сихъ поръ ни тебѣ, ни кому другому не открывалъ; не потому, чтобъ я не довѣрялъ своей семьѣ, но видишь ли: бываетъ, у человѣка останется изъ прошлаго на душѣ такое, что ему самому вспоминать непріятно; хотѣлось бы, чтобъ этого не было въ жизни; да ничего не подѣлаешь, когда знаешь, что оно было!

— Я думаю, батюшка,—сказалъ Александръ Трофимовичъ:—нѣтъ на свѣтѣ человѣка, у котораго на душѣ не оставалось бы непріятныхъ воспоминаній. Если не ошибаюсь, мнѣ кажется, тебя тревожитъ воспоминаніе о чемъ нибудь такомъ, что легло

бременемъ на твою совѣсть, воспоминаніе о какомъ-нибудь событіи въ твоей жизни, когда ты поступилъ не такъ, какъ бы хотѣлъ послѣ поступить, и желалъ бы ты, когда бы этого событія не случалось съ тобою. Не такъ ли, дорогой батюшка?

— Истинно такъ, Александръ!—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.—Ты угадалъ. Ну, ты знаешь меня, своего родителя; скажи способенъ ли я нанести оскорбленіе моему ближнему.

— Ты, батюшка, выражаешься немного по церковному,— сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Слово «ближній» употребляется часто, но не всегда въ одинаковомъ смыслѣ. Послушаешь какого нибудь монаха, такъ изъ его рѣчей выйдетъ такой смыслъ, что ближній намъ тотъ, кто молится съ нами одинаково написаннымъ иконамъ. А если принимать, что намъ ближній тотъ, съ кѣмъ мы постоянно въ сношеніи, такъ выйдетъ, что мой ближній будетъ мой сетеръ. Ты, батюшка, вѣрно хотѣлъ спросить: считаю-ли я тебя способнымъ оскорбить человѣка? На это я тебѣ скажу: еще тотъ не родился на свѣтъ, чтобы могъ угодить всѣмъ. Всегда найдутся такіе, что будутъ недовольны твоими поступками и сыщутъ поводъ жаловаться, что ты ихъ оскорбилъ. Не мудрено, что и противъ тебя найдутся такіе, что скажутъ, будто ты оскорбилъ ихъ. Но я думаю, что мой родитель не способенъ умышленно сдѣлать кому-нибудь зло.

— И мнѣ, мой другъ, кажется,—сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—что съ тѣхъ поръ,какъ я посвятилъ себя торговой дѣятельности, я не сдѣлалъ ни одного поступка, въ которомъ бы совѣсть упрекала меня. Но было время, когда я былъ молодъ, неопытенъ и такъ бѣденъ, что не имѣлъ дневнаго пропитанія. При своей крайней бѣдности, я находился въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, не въ состояніи былъ отличить, что хорошо, что худо, и самъ, ничего не зная, долженъ былъ во всемъ слушаться чужихъ совѣтовъ. Въ это-то время, Александръ, былъ случай, когда я нанесъ оскорбленіе человѣку, не желавшему мнѣ ни дурного, ни хорошаго. Я не могъ исправить нанесеннаго оскорбленія, потому что оскорбленный сошелъ въ могилу.

— Это со многими бываетъ,—сказалъ сынъ.—Но что было, то, говорятъ, былью поросло. Что прошло, то не вернется!

Въ томъ то и бѣда, что не вернется,—вздохнувши произнесъ Трофимъ Семеновичъ.—Та и бѣда человѣка вообще, что дурного дѣла поправить нельзя!

— Однако, батюшка, у тебя желаніе было его поправить!—сказалъ сынъ.—Это я вижу изъ твоихъ же словъ.—Развѣ ты виноватъ, что оскорбленный тобою сошелъ въ могилу!

— А если виноватъ?—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.

Сынъ смутился и поблѣднѣлъ. Отецъ, замѣтивши это, продолжалъ:

— Сегодня не стану разсказывать, какъ это случилось. Послѣ, когда-нибудь, все разскажу. Теперь мнѣ тяжело припоминать подробности.

— Я и не требую,—сказалъ сынъ.—Я понимаю суть дѣла. Нанесенное тобою оскорбленіе свело оскорбленнаго въ могилу. Не такъ-ли?

— Да, оно такъ!—отвѣтилъ задумчиво отецъ.—Но уволь меня, Александръ, отъ разсказа. Послѣ все тебѣ разскажу подробно. Теперь же скажу тебѣ, что оно меня сорокъ лѣтъ безпокоило и до сихъ поръ безпокоитъ. Тревожимый совѣстью, я ходилъ въ полночь на могилу оскорбленнаго и тамъ молился о прощеніи своего грѣха. Тогда изъ могилы послышался голосъ: «Господи! Накажи того, кто меня... кто меня оскорбилъ и привелъ къ смерти!» На эти слова въ отвѣтъ услышалъ я дрогнувшій голосъ неизвѣстно откуда; онъ произнесъ: «накажу черезъ сорокъ лѣтъ!» Я ожидаю кары отъ Бога. Въ ночь на 13 августа текущаго года исполнится сорокалѣтній срокъ. Вотъ, Александръ, что меня томитъ и мучитъ!

— Тебѣ представилось — не болѣе, — сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Ты былъ тогда взволнованъ, находился въ неестественномъ положеніи, въ забытьи, въ дремотѣ, въ полуснѣ; вотъ и привидѣлось тебѣ такое, чего быть не можетъ. Голоса, которые ты слышалъ, выходили не изъ могилы, не съ неба, а

изъ твоего собственнаго воображенія: ихъ создали твои возбужденные и разстроенные нервы!

— Такъ и мнѣ часто казалось,—сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—а иногда мнѣ думалось, что то былъ Божій гласъ, и Богъ опредѣлилъ меня покарать черезъ сорокъ лѣтъ. Александръ! ты человѣкъ умный и ученый: вѣришь ли ты въ Бога?

— Конечно, нѣтъ!—сказалъ Александръ Трофимовичъ,—въ нашъ вѣкъ сколько нибудь образованный человѣкъ развѣ можетъ вѣрить въ Бога?

— Отчего-же люди вѣрятъ?—спрашивалъ Трофимъ Семеновичъ:—видишь вездѣ церкви поставлены, устраиваются храмы Божіи. Люди сходятся Богу молиться. Не все же только дураки туда ходятъ. Бываютъ тамъ и умные. Отчего же они вѣрятъ?

— Оттого, что еще не додумались,—отвѣчалъ на это Александръ Трофимовичъ:—тѣ, что уже додумались, въ церковь не ходятъ и Богу не молятся.—Ты хорошо понимаешь, что значитъ отвлеченное понятіе?

— Это... это... понимаю,—говорилъ старикъ...

— Неясно, батюшка, понимаешь,—сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Я тебѣ объясню. Вотъ, напримѣръ, видишь ты: человѣкъ сердится, потомъ въ иномъ дѣлѣ видишь: другой человѣкъ сердится. Ты замѣчаешь, что тотъ и другой чѣмъ-то похожи между собою, когда сердятся. Вотъ ты, чѣмъ они походятъ другъ на друга, когда сердятся,—ты называешь: гнѣвъ. Это и есть отвлеченное понятіе. Видишь ты, что мужъ съ женою согласно живутъ: одно другому во всемъ угождаетъ, одно для другого ничего не жалѣетъ, и въ другомъ мѣстѣ видишь, что мужъ съ женою такъ-же живутъ, замѣчаешь сходство между тѣми и другими и то, что одни на другихъ походятъ, называешь—любовь. И это отвлеченное понятіе. Пока люди своимъ размышленіемъ не доискались, какъ у нихъ складываются отвлеченныя понятія, люди воображали себѣ, что эти понятія гдѣ-то существуютъ отдѣльно отъ человѣческой головы и съ ними можно говорить, какъ съ живыми людьми. Вѣрили, напримѣръ, что гнѣвъ и любовь гдѣ-то существуютъ не въ человѣкѣ, а особо; замѣчали, что люди дѣлаютъ

людямъ добро и зло, и вообразили, что гдѣ-то есть существо, называемое добро, и есть другое существо, называемое зло. Но мало того, что человѣкъ изъ своихъ отвлеченныхъ понятій выдумалъ себѣ существа небывалыя на свѣтѣ; онъ еще вообразилъ, что эти существа, хоть имѣютъ человѣческія свойства, но выше и сильнѣе человѣка и назвалъ ихъ божествами или богами. Встарину признавалось много боговъ; на каждое явленіе человѣческой жизни было свое божество: были божества любви, гнѣва, драки, мира, торговли, плутовства, пьянства,—и какихъ-то боговъ не было! Дѣтское воображеніе надѣлало у этихъ боговъ сыновей, дочерей, внуковъ. Воображали себѣ люди, что небеса населены такими богами и богинями, и эти боги и богини, хоть въ коймъ похожи на человѣка, но никогда не умираютъ. Когда же люди поумнѣли, то уразумѣли, что это совсѣмъ не боги и не живутъ на небесахъ, а есть только наши отвлеченныя понятія, создались въ нашихъ головахъ и безъ нихъ отдѣльно ни на небѣ, ни на землѣ, нигдѣ не существуютъ. Однако не могъ скоро человѣкъ освободиться отъ того, что у него вошло въ привычку. Переставъ вѣрить человѣкъ въ прежнихъ боговъ, а съ единымъ Богомъ не могъ разстаться. Вообразили себѣ люди, что есть единый Богъ, всесовершенный, преблагій, премудрый; устроили ему храмы, установили обряды служенія ему и думаютъ, что этотъ Богъ человѣка слушаетъ, когда человѣкъ къ нему заговоритъ, что этотъ Богъ можетъ человѣка надѣлить счастьемъ или покарать его, если человѣкъ Богу не угодитъ. Такъ думаютъ и такъ вѣрятъ до сихъ поръ всѣ люди, мало думавшіе и мало образованные. Напротивъ, люди, вполнѣ умные и просвѣщенные науками, Богу не молятся и въ Бога не вѣрятъ, оттого, что понимаютъ, что и этотъ Богъ такой же, какъ тѣ боги, что имъ прежде когда-то люди вѣрили и молились: и нашъ Богъ, которому строятъ церкви и служатъ обѣдни, тоже не что иное, какъ наше собственное отвлеченное понятіе о всемогуществѣ и добрѣ, а не какое-то высшее, живое и мыслящее существо. Умные люди вѣруютъ только въ могущество человѣческаго разума: этотъ разумъ создалъ Бога; онъ же его и уничтожаетъ, додумавшись, что Богъ не су-

щество какое-нибудь, а собственное человѣческое отвлеченное понятіе.

— Стало быть,—сказалъ отецъ:—и страшнаго суда послѣ нашей смерти не будетъ?

— Послѣ насъ,—сказалъ сынъ,—будетъ надъ нами судъ совершенъ тѣми людьми, что послѣ нашей смерти будутъ на свѣтѣ жить. Родъ человѣческій не прекращается; вымираетъ одно поколѣніе, живетъ послѣ него другое, и это въ свою очередь отживетъ, умретъ, наступитъ третье, а за третьимъ четвертое и такъ далѣе. Новое поколѣніе пріобрѣтаетъ жизнью смысла и свѣдѣній болѣе стараго, и потому новое поколѣніе совершаетъ судъ надъ старымъ, оцѣниваетъ: что хорошаго и что дурного сдѣлало старое поколѣніе. Вотъ тебѣ и страшный судъ, батюшка! А чтобы каждый изъ насъ послѣ своей смерти жилъ гдѣ-то и подвергался суду отъ какого-то Господа Бога, такъ наука не представляетъ для этого никакихъ доводовъ, и вѣра въ безсмертіе души есть такое же суевѣріе, какъ и вѣрованія въ мертвецовъ, выползающихъ изъ могилъ и бродящихъ въ ночной темнотѣ по міру, какъ воображаетъ себѣ чернь.

— По твоему,—замѣтилъ отецъ:—душа наша умираетъ съ нашимъ тѣломъ.

— Вотъ, батюшка—объяснилъ ему сынъ—горящая свѣча, догоритъ свѣча, потухнетъ огонь; нѣтъ болѣе свѣчи, нѣтъ и огня. Видалъ ли ты, батюшка, огонь безъ свѣчи или безъ того, что горитъ? Никто не видалъ. Вотъ такъ никто не видалъ души безъ тѣла. Что такое душа? Способность человѣка думать, чувствовать, желать, говорить. Когда говорится, что у человѣка душа есть, это значитъ, что у человѣка такія способности есть. Но у человѣка есть еще жизненныя способности: ѣсть, пить, спать, ходить, сидѣть. Умретъ челевѣкъ—не будетъ онъ ѣсть, пить, спать, ходить, сидѣть оттого, что не станетъ уже того, что прежде ѣло, пило, спало, ходило, сидѣло. Точно также умретъ человѣкъ—не будетъ онъ думать, чувствовать, желать, говорить, потому что не станетъ того, что прежде думало, чувствовало, желало, говорило. Не можетъ

быть живого человѣка безъ души, не можетъ быть и душа безъ живого тѣла.

— Вотъ—сказалъ Трофимъ Семеновичъ:—какъ ты начнешь мнѣ объяснять, такъ мнѣ кажется правдою все, что ты говоришь. А пройдетъ немного времени, опять меня страхъ забираетъ: опять боюсь суда Божія и кары, и самъ не знаю, какъ отъ себя этотъ страхъ отогнать.

— Понятно,—сказалъ Александръ: — ты, батюшка, очень умный человѣкъ отъ природы, да не учился и съ ребячества набрался разныхъ предразсудковъ. Извѣстно, что съ дѣтскихъ лѣтъ усвоишь, съ тѣмъ нелегко разстаться въ старости. Оттого такъ важно воспитаніе дѣтей.

Наступило двѣнадцатое августа. Трофимъ Семеновичъ проснулся такъ рано, что еще не всходило солнце, и вышелъ въ свой садъ. Лучи утренней зари играли жемчугомъ и брилліантами на капляхъ росы, набѣгавшей на цвѣты. Глянулъ Трофимъ Семеновичъ на востокъ и вспомнилась ему слышанная въ театрѣ арія изъ «Жизни за Царя», гдѣ Сусанинъ прощается съ своею послѣднею зарею. «И моя послѣдняя заря, быть можетъ, теперь свѣтитъ; много разъ будетъ она свѣтить, да ужъ не мнѣ, много разъ будетъ восходить солнце, а меня ужъ не освѣтитъ и не согрѣетъ!» Невольно безпокоила его мысль, что въ слѣдующую ночь, когда исполнится сорокалѣтній срокъ, съ нимъ послѣдуетъ конецъ; правда, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго предвѣстія болѣзни, но припоминалъ себѣ много случаевъ, когда конецъ постигалъ человѣка такъ неожиданно, что за какой-нибудь часъ предъ концомъ человѣкъ не былъ въ состояніи предвидѣть, что съ нимъ случится. Жизнь стала особенно мила Трофиму Семеновичу, и все достояніе его возвысило свою цѣнность въ его помышленіи, когда его тревожила мысль, что не пройдетъ сутокъ, какъ ему, быть можетъ, придется со всѣмъ разстаться.

Въ этотъ день сынъ Яшникова обѣдалъ съ отцомъ, а послѣ обѣда, вечеромъ, сказалъ отцу:

— Поѣдемъ къ Марушкинымъ. Проведемъ тамъ этотъ вечеръ. У нихъ сегодня большое общество; и сестра съ зятемъ тамъ будутъ. Я, батюшка, не отойду отъ тебя до завтрашняго утра.

Марушкины были богатые помѣщики, проживавшіе на собственной дачѣ въ Царскомъ Селѣ, пріятельски знакомые съ Яшниковыми.

Заложили коляску. Отецъ и сынъ Яшниковы сѣли въ коляску и покатили въ Царское Село. Небо закрывалось тучами, на югѣ, сквозь тучи, мелькнула молнія, раздались раскаты грома. Когда коляска въѣзжала во дворъ Марушкиныхъ, громъ слышался сильнѣе. Невольно въ головѣ Трофима Семеновича промелькнула мысль: меня здѣсь убьетъ громъ!

Когда усѣлись за чайнымъ столомъ, Трофимъ Семеновичъ противъ себя увидѣлъ фигуру, какъ двѣ капли воды напоминавшую ему лицо Придыбалки. Фигура смотрѣла на него, и Трофимъ Семеновичъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Кто это сидитъ противъ насъ?—спросилъ онъ сына.

— Не знаю,—отвѣчалъ Александръ Трофимовичъ:—я его въ первый разъ вижу. Спрошу у хозяина

Фигура не сводила глазъ съ Трофима Семеновича. Старикъ безпрестанно опускалъ голову внизъ, но какъ только приподнималъ ее, глаза его невольно встрѣчались съ лицомъ, которое какъ будто уставилось прямо противъ него, съ испытующимъ взглядомъ.

Улучивши удобную минуту, Александръ Трофимовичъ всталъ, поговорилъ шепотомъ съ хозяиномъ дачи и воротившись къ отцу, сказалъ:

— Это какой-то иностранецъ, называетъ себя голландцемъ. Онъ садовникъ на сосѣдней дачѣ. Здѣсь онъ въ первый разъ, и по русски почти не знаетъ.

— Какое странное сходство!—сказалъ отецъ: да еще и садовникъ! Онъ напомнилъ мнѣ человѣка, котораго я зналъ въ молодости: и тотъ былъ также садовникъ..

— Сходства бываютъ поразительныя!—сказалъ Александръ Трофимовичъ.

Гроза разыгрывалась. Въ окна дачнаго дома заглядывали ярко-синія полосы молніи. Удары грома сыпались за ударами. Дождь хлесталъ по крышѣ дачнаго дома и по оконнымъ стекламъ. Трофиму Семеновичу лѣзло въ голову: вотъ грянетъ громъ и убьетъ меня!

Громъ, однако, не убилъ Трофима Семеновича. Чай отпили. Гости расходились по комнатамъ. Гроза стала утихать. Но старикъ Яшниковъ былъ до того потрясенъ, что едва держался на ногахъ и не отходилъ отъ сына. Кто только съ нимъ ни заговаривалъ, всякъ дивился: что съ нимъ дѣлается. Глядитъ дико: слова путаются у него на языкѣ. Въ полночь Трофимъ Семеновичъ хотѣлъ уѣхать, но Александръ Трофимовичъ убѣдилъ его подождать ужина.

За ужиномъ Трофимъ Семеновичъ искалъ глазами фигуру, испугавшую его, но въ ряду сидѣвшихъ за столомъ, ея не было.

— Гдѣ тотъ господинъ, что за чаемъ сидѣлъ противъ насъ?—спросилъ онъ сына.

— Онъ ушелъ тотчасъ послѣ чая,—отвѣчалъ сынъ.—Я видѣлъ, какъ онъ взялъ свою шляпу и проскользнулъ, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Присутствіе лица, похожаго на Придыбалку, перестало тревожить Трофима Семеновича, но онъ чувствовалъ себя какъ бы выбившимся изъ колеи и не могъ самъ себѣ объяснить, что съ нимъ происходило.

Послѣ ужина гости стали разъѣзжаться. Отецъ и сынъ Яшниковы возвращались къ себѣ на дачу. Александръ Трофимовичъ спросилъ отца:

— Отчего ты, батюшка, такъ взволновался, увидѣвши этого господина?

— Онъ—отвѣчалъ отецъ:—какъ двѣ капли воды похожъ на одного моего знакомаго, который сорокъ лѣтъ тому назадъ о Богѣ и судѣ Божіемъ говорилъ такія рѣчи, какія слыхалъ я отъ тебя.

— Этотъ человѣкъ былъ русскій или иностранецъ?—спросилъ сынъ.

— Кто его знаетъ!—отвѣчалъ отецъ.—Мнѣ онъ казался не русскимъ, и людямъ нашей слободы также. Онъ былъ садовникомъ у владѣльца.

— Не дуракъ онъ былъ, какъ я вижу!—сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Въ то время и въ такой глуши! Однако, если онъ произносилъ такія рѣчи передъ вашими хохлами, они вѣрно сочли его воплощеннымъ дьяволомъ.

— Ты угадалъ, Александръ, — сказалъ Трофимъ Семеновичъ:—именно такъ было.

— Не трудно угадать!—сказалъ Александръ Трофимовичъ:—такъ всегда бывало и бываетъ съ тѣми, кто дерзнетъ невѣжественной толпѣ открывать истины и разбивать суевѣрія, которыми утѣшаютъ себя темные люди, наталкиваясь на необъяснимые для нихъ вопросы.

Пріѣхали на дачу. Разсвѣло.

— Прошла зловѣщая ночь!—сказалъ Александръ Трофимовичъ:—кончился сорокалѣтній срокъ, такъ долго тревожившій воображеніе моего дражайшаго родителя.

— Ахъ, Александръ, Александръ!—сказалъ старикъ:—теперь только я вижу, что напрасно тревожилъ себя цѣлыхъ сорокъ лѣтъ! Все отъ того, что напугали меня, что я, какъ мнѣ казалось, слышалъ въ лѣсу. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что это мнѣ только представлялось. Ты, Александръ, сущую правду говорилъ: все, что люди разсказываютъ, будто мы послѣ нашей смерти будемъ жить и отдавать Богу отчетъ за наши грѣхи—все это выдумка, вздоръ, брехня, какъ говорятъ наши малороссіяне.

— Жаль,—замѣтилъ Александръ Трофимовичъ:—что человѣчество столько вѣковъ не могло освободиться отъ этой брехни и теперь еще не освободилось!

Тутъ обрывается наша легенда. Сорокъ лѣтъ прожилъ преступникъ въ полномъ довольствѣ и благополучіи, и только временами тревожило его опасеніе кары, которая должна была постигнуть его въ срокъ, указанный въ видѣніи. Дожилъ онъ наконецъ и до его срока, а кара не пришла. Не зналъ онъ и не уразумѣлъ, что началомъ обѣщанной кары—было его многолѣтнее земное благополучіе, а ея завершеніемъ—потеря Бога. Не понялъ этого и архіерей, отпустившій ему грѣхъ за построенную имъ церковь. Понялъ это одинъ схимникъ, обитавшій на землѣ единымъ тѣломъ, но голосъ его не былъ голосомъ земной мудрости. Эта же мудрость земная, говорящая разсудку, а не сердцу, внушающая увѣренность, но не вѣру, не могла дать Трофиму Семеновичу иного утѣшенія, кромѣ того, что преподалъ ему Александръ Трофимовичъ. Неудивительно, что грубая проповѣдь современнаго намъ атеизма переворотила, такъ сказать, вверхъ дномъ все нравственное существо стараго разжившагося мужика, умственно совершенно неразвитаго, когда подобныя проповѣди въ наше время сбивали съ толку людей, подготовленныхъ воспитаніемъ къ болѣе правильному міровоззрѣнію. Матеріализмъ привлекаетъ къ себѣ людей небогатой духовной натуры своею легкостію и доступностію для каждаго умника разсудочныхъ доводовъ, годныхъ въ предметахъ житейскаго обихода, но вовсе неприложимыхъ къ высокимъ вопросамъ о божествѣ, о духѣ, о безсмертіи. Сынъ заглушилъ въ сердцѣ родителя послѣдніе остатки того дѣтскаго страха, который священное писаніе называетъ началомъ премудрости. Трофимъ Семеновичъ разлучился съ Богомъ, и какъ свободно, какъ привольно ему тогда показалось! Не опасался онъ уже ни суда Божія, ни кары за свое злодѣяніе; онъ мгновенно какъ бы забылъ про страшное дѣло, имъ когда-то совершенное въ лѣсу надъ оврагомъ, какъ будто онъ объ этомъ дѣлѣ слыхалъ или читалъ когда-то уже давно. Прежде онъ не чуждался благотворительности: нищимъ раздавалъ милостыню, бѣднымъ помогалъ, въ благотворительныя заведенія дѣлалъ пожертвованія; теперь все это было оставлено, не было побужденій къ хлопотамъ и издержкамъ; и въ церковь никогда Трофимъ Семеновичъ не заглядывалъ,

не нужно было подкупать, ни умаливать какого-то Бога, въ чаяніи снисхожденія къ своимъ грѣхамъ. Ѣда и питье во всѣхъ видахъ и обстановкахъ; роскошные обѣды и ужины, повара искуснѣйшіе, вина лучшаго достоинства, сервировка изящнѣйшая, при столѣ своя музыка! Жилъ Трофимъ Семеновичъ во все свое удовольствіе. Но не очень долго прожилъ онъ послѣ окончанія сорокалѣтняго срока: однажды послѣ веселаго ужина отправился онъ по обыкновенію спать и утромъ уже не проснулся. Кончина внезапная и, конечно, легкая! Его богатый гробъ повезли на кладбище Александроневской лавры; за гробомъ слѣдовала толпа дармоѣдовъ, посѣщавшихъ прежде обѣды и ужины покойника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово, въ которомъ высоко превознесъ добродѣтель усопшаго. Проповѣднику вѣрили, да и самъ онъ былъ убѣжденъ, что говоритъ правду. Никто не имѣлъ причины сомнѣваться. О преступленіи, совершенномъ Трофимомъ Семеновичемъ въ юные годы, никто не зналъ, и до сихъ поръ не знаетъ о немъ никто, кромѣ насъ съ вами, благосклонные читатели.

Н. Костомаровъ.

Написано по-малорусски въ 1840 г.
Переведено по-русски въ 1876 г

Найдутся, быть можетъ, читатели, которые не зададутъ себѣ труда вникнуть въ глубину мысли, лежащей въ основаніи этой легенды. Ихъ, быть можетъ, непріятно поразитъ то, что выведенный въ этой легендѣ злодѣй не только не испытываетъ никакой ощутительной кары за свое преступленіе, но во всю жизнь пользуется земнымъ благополучіемъ и вмѣсто кары, которая, по собственному его ожиданію, должна придти на него въ сорокалѣтній срокъ, окончательно успокаивается, достигши полнаго отрицанія вѣры въ Божество и въ будущую жизнь. Не есть ли, скажутъ, это проповѣдь безвѣрія, матеріализма, не есть ли это оправданіе крайней разнузданности порока, не ждущаго отъ высочайшаго міроправящаго Разума себѣ достойнаго возмездія? Тѣхъ,

которые бы искусились такъ взглянуть на этотъ разсказъ, мы просимъ о слѣдующемъ.

Во первыхъ—обратить вниманіе на мысль, высказанную схимникомъ, что земное благополучіе можетъ посылаться и въ наказаніе грѣшнику, когда у него нѣтъ побужденія къ истинному покаянію и исправленію, и что видимое отсутствіе кары на землѣ можетъ быть признакомъ, что грѣшнику уготована вѣчная кара по кончинѣ земного бытія.

Во вторыхъ: выведенный въ нашей легендѣ грѣшникъ не остается безъ кары, но то кара предуготовительная для дальнѣйшей кары, ожидающей его въ будущей жизни, кара духовная, и потому съ перваго раза неуловимая. Герой легенды въ молодости искушается дьявольскою (по народному разсказу—Придыбалка есть бѣсъ въ человѣческомъ образѣ) проповѣдью отрицанія, выраженною довольно грубо и цинично, сообразно тому кругу, въ которомъ происходятъ событія. Черезъ сорокъ лѣтъ, когда должно было его постигнуть обѣщанное въ видѣніи Божіе наказаніе, внушается ему другая проповѣдь отрицанія—вульгаризованное ученіе Фейербаха и Бюхнера; она окончательно наноситъ ему духовную гибель. До тѣхъ поръ сорокъ лѣтъ сряду боялся онъ кары, и этотъ страхъ тянулъ его къ покаянію, но грѣшникъ не послушалъ внушеній таинственнаго голоса этого страха—не принесъ истиннаго покаянія и оттого не избѣжалъ въ сорокалѣтній срокъ обѣщанной кары. Въ этотъ именно моментъ онъ дошелъ до полнаго отрицанія, послѣ котораго не оставалось уже ни страха, ни возможности покаянія. Въ этомъ-то состояла окончательная кара, постигшая его на землѣ: тяжелѣе такой кары не могло быть, потому что за нею слѣдуетъ неизбѣжно уже кара вѣчная.

Мысль, господствующая въ этой легендѣ, совершенно сообразна съ священнымъ писаніемъ, въ которомъ не разъ указывается, что если мы не видимъ грѣшнику наказанія на землѣ, то это должно насъ располагать къ смиренному сознанію нашего ничтожества, препятствующаго намъ видѣть пути Божіи. Малороссійскій народъ усвоилъ себѣ такой взглядъ, что показываетъ какъ настоящій разсказъ, сохраненный нами въ основныхъ чер-

тахъ сообразно народной редакціи, такъ и многія народныя легенды съ такимъ же смысломъ, какъ напримѣръ, разсказъ о томъ, что Христосъ, путешествуя съ апостоломъ Петромъ по землѣ, богачу, не принявшему ихъ въ домъ, посылаетъ бочку золота, а у бѣдной вдовы, угостившей ихъ молокомъ въ своей убогой хаткѣ, приказываетъ волку съѣсть ея единственную корову, и все это потому, что бѣдной вдовѣ въ будущей жизни уготовано вѣчное блаженство, а скупому и злому богачу—вѣчное отверженіе.

Прим. автора.

Въ № 4-мъ «Кіевской Старины» редакція, помѣстивъ замѣтку г. В. Б—ма объ этой легендѣ въ обработкѣ Н. И. Костомарова и гр. Л. Н. Толстого, сдѣлала отъ себя примѣчаніе, что, желая облегчить читателямъ возможность сравненія того, какъ различно представляется двумъ авторамъ психологія преступника, избѣгнувшаго ожидаемаго наказанія, она рѣшаетъ напечатать какъ разсказъ Н. И. Костомарова не въ сокращеніи Л. Н. Толстого, а въ полномъ видѣ, такъ и прибавленную къ нему нашимъ маститымъ беллетристомъ послѣднюю главу. Глава эта (14-я въ разсказѣ гр. Л. Н. Толстого) связывается съ предыдущимъ изложеніемъ тѣмъ, что, на замѣчаніе сына Трофима Семеновича: «Жаль, что человѣчество стольковѣко въ не могло освободиться отъ этой брехни и теперь еще не освободилось» (см. стр. 382),—старикъ отвѣчаетъ: «Но я освободился». И, дѣйствительно, онъ освободился отъ всякаго страха. Послѣ этихъ словъ и помѣщена заключительная глава гр. Л. Н. Толстого, которую мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

Ред.

Въ эту-же первую ночь, съ 12-го на 13-е августа, когда онъ, послѣ разговора съ сыномъ, легъ одинъ спать въ своей комнатѣ, началось его наказаніе. Нѣтъ Бога. нѣтъ души, нѣтъ наказанья! Какъ хорошо! Какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасно мучалъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказалъ Александръ. Борьба за существованіе—вотъ законъ. И другого нѣтъ. И мнѣ

Богъ далъ быть побѣдителемъ! Богъ далъ?—все остается эта глупая привычка. Не Богъ какой-то далъ, а я сумѣлъ быть побѣдителемъ—вотъ и хорошо. И всякій борись, а кто поборолъ, пользуйся своей побѣдой. Я поборолъ и пользуюсь. Хорошо мнѣ было жить, только воспоминаніе отравляло. Я понимаю, что имъ завидно. (Онъ воспомнилъ слова схимника). Имъ завидно, каждому хочется, а хочется, такъ борись. Самъ борись, а не жди, чтобъ тебѣ дали.

Вотъ и Александръ. Онъ вспомнилъ, какъ Александръ на дняхъ говорилъ ему, что положенныхъ ему 20 т. въ годъ мало. Онъ просилъ прибавить еще 10 т., и, когда я отказалъ, онъ былъ недоволенъ. Положимъ, онъ разсчитываетъ имѣть все, когда я умру, и, вдругъ, Трофиму Семеновичу ясно пришло въ голову, что сынъ долженъ желать его смерти. Борись, чтобъ быть побѣдителемъ. Я боролся, убилъ купца, ихъ смерть мнѣ была нужна, и я взялъ ихъ жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть нужна? Онъ остановился и привсталъ на постели. Чья смерть? Моя! Да, я ему стою на дорогѣ. Сколько-бы я не давалъ ему, ему лучше, чтобъ я умеръ, и онъ-бы былъ хозяинъ. И Трофимъ Семеновичъ сталъ вспоминать взгляды и слова сына и во всемъ онъ видѣлъ то, что сынъ желаетъ его смерти. И не можетъ не желать. А если желаетъ, и онъ образованный человѣкъ, безъ суевѣрій, такъ онъ долженъ убить меня. Положимъ, онъ не захочетъ погубить себя. Но есть ядъ. И, вдругъ, ему вспомнился разговоръ сына о старинныхъ ядахъ такихъ, которые убиваютъ такъ, что слѣдовъ нельзя найти. А если у него будетъ этотъ ядъ, то какъ-же онъ не дастъ мнѣ? Онъ долженъ дать. Онъ говорилъ уже, что я запускаю дѣла, онъ говорилъ, что можно сдѣлать больше. Да, стаканъ чаю—и готово. Подкупить людей, повара. Они всѣ продажны. Онъ сталъ вспоминать своего камердинера—щеголя. Этому дай 1000 рублей—и готово, а повару тоже. Трофимъ взволновался, думая это, и чтобъ успокоиться, хотѣлъ выпить стаканъ сахарной воды, стоявшій на столикѣ у его кровати. Онъ взялъ въ руку стаканъ, на днѣ было бѣлое. Кто знаетъ, что это? Нѣтъ, не обманетъ, сказалъ онъ и вылилъ воду и пошелъ къ

рукомойнику, и выпилъ воды оттуда. Да, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Бороться, такъ не зѣвать. Буду осторожнѣе. Буду пить и ѣсть то, что будетъ ѣсть жена. Да и она тоже. Она знаетъ, что ей пойдетъ 7-я часть. А ея бѣдные родные давно требуютъ отъ нея. Да, война—такъ война. Надо такъ поставить себя, чтобъ имъ не было выгоды въ моей смерти. Надо написать завѣщаніе такое, которое-бы лишило ихъ всего, чтобъ смерть моя была невыгодна имъ. Да, завтра сдѣлаю это и объявлю имъ.

Онъ хотѣлъ заснуть, но мысли не давали ему спать. Онъ сталъ сочинять завѣщаніе. Надѣлъ халатъ и туфли, подошелъ къ столу и сталъ писать начерно завѣщаніе, въ которомъ онъ отдавалъ все состояніе на богоугодныя заведенія. Окончивъ это, онъ хотѣлъ лечь; но тутъ пришла ему мысль о лакеѣ, о дворникѣ. Онъ самъ переносился въ душу лакея и говорилъ себѣ—что если бы я былъ бѣдный лакей съ 15 р. жалованья въ мѣсяцъ и за 5 комнатъ отъ меня спалъ бы богачъ съ деньгами, и я бы твердо зналъ, какъ я знаю теперь, что нѣтъ Бога, нѣтъ и суда,—что бы я сдѣлалъ? Я сдѣлалъ бы то, что я сдѣлалъ съ купцомъ. И на Трофима Семеновича нашелъ страхъ. Онъ опять всталъ и сталъ запирать свою дверь, но задвижка не держала, и онъ задвинулъ дверь кресломъ, привязалъ его полотенцемъ къ ручкѣ, и на кресло поставилъ кресло, чтобъ оно загремѣло. Только тогда онъ затушилъ свѣчу и легъ спать. Заснулъ онъ утромъ и проспалъ такъ поздно, что жена обезпокоилась и пошла отворить дверь. Кресла упали, загремѣли. Трофимъ Семеновичъ вскочилъ испуганный, блѣдный. Кто? что? Караулъ!—даже закричалъ. Онъ долго не могъ опамятоваться. Ему при пробужденіи показалось, что его пришли убивать. Когда онъ опомнился, то сказалъ, что онъ изъ осторожности загородилъ и постарался скрыть свой страхъ; но сколько онъ ни старался скрывать, съ этого дня и домашніе и прислуга стали замѣчать въ немъ большую перемѣну.

Прежде онъ бывалъ веселъ, бывалъ и сердитъ, бывалъ и добръ, бывалъ и унылъ, когда думалъ о своемъ грѣхѣ. Прежде онъ однихъ людей не любилъ, другихъ любилъ, особенно дѣтей—внуковъ. Теперь-же онъ всегда былъ одинаковъ, всегда былъ мол-

чаливъ, остороженъ, на всѣхъ смотрѣлъ подозрительно и со всѣми даже съ дѣтьми, былъ одинаково холоденъ.

Завѣщаніе сдѣлалось для него съ этого времени главнымъ занятіемъ. Долго не могъ онъ сдѣлать такого, какое ему хотѣлось сдѣлать. Всѣ приказные, которые пріѣзжали къ нему за этимъ дѣломъ, не могли угодить ему. Онъ писалъ, переписывалъ, и перемѣнялъ.

Въ пищѣ онъ также сталъ особенно требователенъ. Иногда самыя вкусныя и любимыя его кушанья онъ оставлялъ, не отвѣдавъ ихъ, часто отказывался отъ обѣда и приходилъ въ серединѣ стола и бралъ у сына, дочери или жены начатую тарелку и тогда только ѣлъ. Вино онъ покупалъ самъ особо и держалъ въ своей комнатѣ въ шкафу. Дѣлами онъ сталъ заниматься меньше, но когда и занимался, всегда скрывалъ отъ домашнихъ свои барыши и то, сколько онъ получаетъ. Состояніе, деньги, которыя доставляли ему прежде столько радости, теперь только мучали его. Онъ старался уберечь ихъ отъ другихъ и чувствовалъ, что уберечь ихъ нельзя противъ такихъ людей безъ Бога, какимъ онъ самъ былъ.

Онъ чувствовалъ, что если всѣ узнаютъ то, что онъ зналъ, и что знаетъ его сынъ, что Бога и суда нѣтъ, то тогда никакія силы не сохранятъ его. Его убьютъ, отравятъ, отнимутъ состояніе обманомъ или силою. Одно было спасеніе—не показывать людямъ того, что онъ знаетъ, что нѣтъ Бога и суда, а, напротивъ, внушать имъ это всѣми силами.

И потому еще послѣдняя перемѣна, которая сдѣлалась съ Трофимомъ Семеновичемъ послѣ 12 августа была та, что онъ сталъ особенно набоженъ, такимъ, какимъ еще не былъ во всю свою жизнь. Онъ не пропускалъ ни одного поста, ни среды, ни пятницы, не пропускалъ чи одной службы, не пропускалъ никогда случая внушать своимъ семейнымъ и своимъ знакомымъ и своей прислугѣ того, что есть Богъ и его законъ, и что тѣ, которые не будутъ соблюдать его, тѣ погибнутъ и будутъ жестоко наказаны въ будущей жизни. Онъ внушалъ даже сыну своему объ этомъ,

дѣлая видъ, что онъ забылъ все, что говорилъ съ нимъ или, что раскаивался въ этомъ.

Съ самаго того срока 12-го августа, когда онъ увѣрился въ томъ, что ему бояться нечего и некого, что Бога нѣтъ, и что теперь ничто ему не помѣшаетъ жить вполнѣ въ свое удовольствіе, отпали всѣ его удовольствія: изъ всѣхъ удовольствій сдѣлались мученія.

Страхъ убійства, отравленія, обмана, самыхъ страшныхъ преступленій въ своей семьѣ и между своими домочадцами не оставляли его. Онъ подозрѣвалъ всякаго человѣка во всѣхъ самыхъ ужасныхъ замыслахъ и боялся и ненавидѣлъ всякаго человѣка—и жену, и сына, и дочь, и всѣхъ существующихъ. Даже маленькіе внуки его, которыхъ онъ прежде любилъ, теперь казались ему злыми звѣрьками. Ему казалось, что они такъ-же ненавидятъ его, какъ онъ ненавидѣлъ людей.

Чтобъ спасаться отъ своего страха, онъ дѣлалъ, не переставая, два дѣла: первое—скрывалъ все отъ всѣхъ, всѣхъ обманывалъ хоронилъ концы, принималъ мѣры осторожности отъ всѣхъ людей, тогда какъ никто не думалъ ничего замышлять противъ него. Другое дѣло его было то, чтобы обманывать людей и внушать имъ то, что есть Богъ, есть добродѣтель, есть судъ Божій. Онъ считалъ, что его спасеніе въ томъ, чтобъ увѣрять людей въ томъ, во что онъ самъ не вѣрилъ. Состояніе его, которое все увеличивалось, уже не радовало, но пугало его. Семейные были его врагами. Простыхъ радостей—ѣды, питья, сна—и тѣхъ у него не было. Онъ во всемъ подозрѣвалъ злые противъ себя замыслы.

Такъ прожилъ несчастный Трофимъ Семеновичъ еще болѣе 10-ти лѣтъ. Другимъ, со стороны, были видны его странности, но никто не видалъ его страданій. А страданія его были велики; особенно были велики его страданія тѣмъ, что онъ не могъ ждать отъ нихъ облегченія и въ смерти. Онъ мучился, страдалъ самъ, не зналъ зачѣмъ, и все-таки боялся смерти, потому что зналъ, что послѣ смерти ничего не будетъ, окончится его жизнь навсегда, и поправить эту жизнь онъ не могъ ни въ жизни, ни въ смерти.

Такъ промаялся Трофимъ Семеновичъ 13-ть лѣтъ, и одинъ разъ, придя отъ обѣдни и, позавтракавъ у себя въ комнатѣ и, выпивъ вина, запертаго у него въ шкапу, онъ легъ спать и больше не проснулся.

Смерть внезапная, и конечно легкая. Богатый гробъ Трофима Семеновича повезли на кладбище Александро-Невской лавры. За гробомъ шла толпа дармоѣдовъ, ѣздившихъ на богатые обѣды и ужины богача-золотопромышленника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово и много говорилъ о добродѣтели, благочестіи и счастливой жизни усопшаго. Никто, кромѣ Бога, не зналъ ни о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога.

Гр. Л. Н. Толстой.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.

(Продолженіе [1]*).*

П и щ а.[2])

Новый годъ; зимніе праздники и будни. Печеніе хлѣба. Масляная, застольныя присловья и триндолки. Великій постъ. Приготовленіе кваши. Свѣтлый праздникъ и праздничный столъ. Весенніе, лѣтніе и осенніе мясницы и посты. Рождественскіе праздники, колядки и щедривки.

Три зимніе праздника выдѣляются въ народныхъ понятіяхъ изъ ряда прочихъ:

Що первее свято—святее ро́жество.
А другее свято—святый Васылій,
А третее свято—самъ Иванъ Хрестытель.

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 4.

[2]) Настоящій очеркъ тѣсно соединенъ съ предыдущимъ о жильѣ, такъ какъ и самое жилище изобрѣтено человѣчествомъ, вѣроятно, для защиты огня (Ю. Липпертъ. Истор. культ. I, 117); но такъ какъ мнѣ приходилось уже въ разное время на страницахъ Кіевской Старины, сборниковъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества и др. передавать о столѣ на крестинахъ и покрестинахъ (въ Народ. обряд. и пѣсн. Луб. у Харьк. 1897 г. 24, 27), объ угощеніи на досвиткахъ (Ib., 61), о свадебныхъ хлѣбахъ и кушаньяхъ (Свад. пѣсни въ Луб. у. 1890 г., 23, 24), объ угощеніи на рекрутскихъ проводахъ (Прощан. рекрута. Кіевъ 1897 г. 1 и 2), о тризнѣ (Нар. обр. 170) и о кормѣ рабочихъ (Рабоч. пѣсни. Кіевъ 1895 г., 3)—то въ настоящемъ дополнительномъ очеркѣ излагается мною какъ обычное будничное питаніе мѣст-

Поэтому на новый годъ существуютъ тѣ же обыкновенія, что и въ другіе указанные праздничные дни. Женщина не идетъ въ эти дни рано утромъ за водой; самъ хозяинъ долженъ первый принесть воду, подобно тому какъ у великоруссовъ, по мѣстамъ, на новый годъ старшій мужчина приноситъ воду для обрядового приготовленія каши [1]). Затѣмъ уже идетъ хозяйка и, погружая ведра, привѣтствуетъ рѣку или колодезь: Добрый день тоби, водо Уляно, а земле Тетяно! Поздравляю я тебе съ симъ праздникомъ, съ новымъ годомъ и Васыллямъ! Господы благословы твоимъ духомъ святымъ и преспоры на всяке время (с. Волчокъ). Добрыдень тоби, колодязе Романе, а ты, водо Уляно, а ты, земле Тетяно! Прыйшла я до тебе воды браты и Господа Бога на помичъ прызываты. Якъ до тебе прыбувае вода изъ гиръ, изъ яривъ, изъ жерелъ, шобъ такъ до мене усе добро прыбувало (с. Губское). Добрыдень тоби, водо Уляно, а земле Тетяно, а колодязю Прокопе! А вы, зори зоряныци! Васъ на неби тры сестрыци: одна вечирня, одна полунишня, а одна свитова. Освищаете небо и землю и очыстить воду сюю (с. Литвяки). На новый годъ женщины не должны еще заходить въ чужія хаты до выхода изъ церкви или, по крайней мѣрѣ, до прихода посыпальниковъ, иначе хозяевъ тѣхъ хатъ постигнутъ болѣзни и неудачи: «Не буде фортуны никоторои». Во многихъ семьяхъ хозяинъ до прихода «посыпальныкивъ» самъ «обсіе свою господу», для чего, прійдя съ утрени, беретъ въ сѣняхъ приготовленную съ вечера рукавицу со всякимъ зерномъ: житомъ, пшеницей, ячменемъ, просомъ, гречкой, овсомъ и коноплей, входитъ въ хату и, разсѣвая сѣмена, говоритъ: «На щастя, на здоровья, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю. Здрастуйте! изъ новымъ го-

---

наго крестьянина въ теченіе года, такъ и праздничныя обыкновенія, имѣющія отношеніе къ пищѣ, преимущественно не отмѣченныя еще этнографами. Въ концѣ приводятся новые варіанты колядокъ и щедривокъ, исполнители которыхъ, получая гонораръ пищевыми припасами, являются, такимъ образомъ, участниками праздничнаго стола.

[1]) Сахаровъ. Сказаніе рус. народа. Народ. дневникъ. С.-Петерб. 1885 г., 3.

домъ, изъ Васыллямъ будьте здорови!» Подошедшіе посыпальники, выражая такія же пожеланія, поютъ еще изрѣдка старую посыпальную пѣсню:

А въ поле, поле
Самъ Господь ходе;
Маты Марія
Йисты носыла,
Йисты носыла,
Бога просыла.
Ходыть Илія
На Васылля,
Носыть палію
Жытнюю.
Сюды махне,
Туды махне,
А за нымъ жыто
Кущамы росте!
— Дядько, шажокъ,
Титко, перижокъ!

(Отъ А. Боярской, с. Литвяковъ). [1])

Новый годъ раздѣляетъ еще одну особенность другихъ годовыхъ праздниковъ: какъ хлѣбъ и пироги, такъ и всѣ кушанья должны быть приготовлены заранѣе, наканунѣ, и только разогрѣты предъ обѣдомъ, причемъ хозяйка, приготовляя кушанья, должна непремѣнно положить по три кусочка мяса въ каждое. Возвратясь изъ церкви, хозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу, кадитъ ладаномъ и все семейство, безъ исключенія, садится за общій столъ, состоящій изъ борща съ свинымъ мясомъ, рѣдко куринымъ, и локшины съ мясомъ же или молокомъ,—хотя бы въ данной семьѣ, по многочисленности членовъ ея или по преданіямъ, женщины по буднямъ обѣдали не за общимъ столомъ, а отдѣльно на полу

[1]) Вар. Сахаровъ. Нар. дневн. 5., Маркевичъ. Обычаи, повѣр., кухня малор. 1, Чубинскій Тр. эксп. III. 452.

(доскахъ у печи) и невѣстки прислуживали стоя [1]). Отпивая водки, хозяинъ произноситъ: Спасыби Богу, що диждалы нового году уси жыви, здорови, благополучни. Дай Богъ новый годъ проводыть и великодня диждать. Дай Богъ щобъ по сёму году Господь хлибъ уродывъ. Царство небесне помершимъ, прыставшимъ душамъ и родытелямъ хай легко згадается, а намъ дай Богъ на здоровья.

Послѣ обѣда хозяинъ, какъ всегда, благодаритъ Бога установленной молитвой: «Спасыби тоби, Боже, за хлибъ за силь». Вскорѣ появляются переодѣтые парни и разыгриваютъ святочный фарсъ, изображающій ухаживанье стараго волокиты (машкара) за молодицей или дѣвушкой (Меланкой). Мѣстами за ними слѣдуетъ также чучело коня или козы. Меланку со свитой одаряютъ паляницами, колбасами и мелочью [2]).

Наканунѣ крещенія такъ-же кто нибудь изъ мужчинъ приноситъ воду съ рѣки для приготовленія вечери, которая непре-

---

[1]) Молодыя невѣстки во многихъ семьяхъ мѣстами ѣдятъ еще стоя (см. В. Щ. Пища и питье крест. малор. въ Этногр. Обозрѣн. 1899 г. №№ I и II., 306. У многихъ племенъ, между прочимъ у сербовъ, грековъ, армянъ, женщины не садятся за столъ, а обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ, какъ и у насъ; у другихъ за столомъ сидятъ только отецъ и мать, прочіе члены семьи стоятъ или ѣдятъ на полу). C. Gaberland. Ueber Gebrauche und Aberglauben beim Essen въ Zeitschr. fur Völkerps und Sprachwis. 1888. II, 134—136, 148.

[2]) Какъ посыпаніе зернами, такъ и святочный фарсъ имѣютъ вѣроятно отдаленную связь съ классическими обыкновеніями обхода римскими мальчиками, изъ которыхъ одинъ былъ въ маскѣ, домовъ въ январскія календы (М. Дикаревъ въ Кіев. Стар. 1899 г. X, 35) съ святочными плясками и играми римскихъ замаскированныхъ мужчинъ и женщинъ (Ширяевъ. Маски въ Сѣверѣ 1893 г, 2759, 2766, 2767 и 2772) и съ ношеніемъ чучела съ кобыльей головой у славянъ и нѣмцевъ. (Вс. Миллеръ. Всемір. сказка въ Рус. Мысли 1893 г. 11; 212). Неизвѣстно, когда именно и какимъ путемъ зашелъ въ Лубенскій уѣздъ указанный фарсъ; любопытно только, что итальянское слово maschera (арабское maskhára—смѣхъ, греческое μασχαρας) напоминая нашу машкару, имѣетъ тотъ-же двоякій смыслъ: какъ маски, такъ и замаскированнаго лица.

мѣнно должна состоять въ этотъ день изъ семи блюдъ (стравъ): рыбнаго борща, супа или галушекъ, жареной соленой, а не свѣжей, рыбы, капусты, гороха, кути и озвару. Всѣ эти кушанья изготовляются не въ обыкновенныхъ большихъ горшкахъ (варильныкахъ, золійныкахъ), а въ маленькихъ (горщятахъ, стовбырочкахъ). Хозяинъ самъ ставитъ горшокъ съ кутьей, обернутый рушникомъ, на покутя въ сѣно, приговаривая: «скилькы въ сёму горшку кутенятъ, щобъ стилькы я имивъ у своимъ хазяйстви телятъ, лошатъ, ягнятъ, поросятъ, гусятъ и утятъ. По возвращеніи кого либо изъ членовъ сёмьи съ освященной водой (вечирнею), хозяинъ, привѣтствуя семью словами: «добрывечиръ! изъ постомъ будьте здорови!» и, перекрестившись, пьетъ самъ и даетъ воды семьѣ, а затѣмъ кропитъ жилье и вездѣ на луткахъ и дверяхъ пишетъ кресты, причемъ отвѣдываетъ большого пирога съ капустой, горохомъ или фасолей и говоритъ: «хреста вшысну, пырога вкусну». Этимъ же пирогомъ начинаютъ вечерю [1]). На слѣдующій день всѣ постные остатки доѣдаются предъ обѣдомъ, такимъ же, какъ на новый годъ.

Какъ извѣстно гребень, подобно всѣмъ рабочимъ орудіямъ, выносится изъ избы въ коморю на святки. Обратный вносъ его въ хату на такъ называемый рождественскій или риздвяный день, т. е. первый такой же день, въ какой было Рождество, сопровождается особымъ праздникомъ «опровоженя святокъ». «Гребинь уводятъ для того, щобъ святкы протяглысь».

На риздвяный день въ чью нибудь избу собираются сосѣдки, разодѣтыя въ плахты и бѣлыя сорочки. Хозяйка вноситъ гребень въ хату и ставитъ его на покутя. Жинки говорятъ: «спасыби, Господы, що диждалы празныкы проводыты! Господы благословы намъ сей гребинь окрасыты! Дай, Боже, щобъ радисно прялося и щобъ веселылося»! Съ этими пожеланіями женщины начинаютъ наряжать гребень какъ дѣвицу: умотаютъ его въ плахту, красную

[1]) О другихъ обыкновеніяхъ на голодную кутю: приглашеніи къ ужину мороза и объ изгнаніи кути въ моихъ «Рождественскія святки 22, 23».

или зеленую запаску, подвяжутъ червонымъ поясомъ. Верхушку (зубья, пелюстки) повяжутъ платкомъ, увѣнчаютъ калиной, васильками, барвинкомъ, гарусомъ (жычками) и лентами. «Стоить винъ на покути, ажъ горыть, мовъ молода». Окончивъ уборъ гребня, женщины пьютъ и слегка закусываютъ, приговаривая: «будьмо здорови! Дай, Боже, щобъ гребинь увивши изъ сёго гребня прялось и моталось, щобъ и нытка не рвалась, щобъ напрялы и поткалы и обилылы и пошылы и здорови поносылы» (д. Шеки) или такъ: «будьмо здорови! Дай, Боже, на здоровья, на благополучія и нашимъ дитямъ и всему мырови хрещеному. Дай, Господы, вамъ, хазяечка, щобъ на сёму гребинькy и прялось и хотилось и щобъ не дрималось и нищо не болило. Щобъ вамъ Господь послявъ спихъ, якъ у молодои людыны смихъ» (с. Вовчокъ). Затѣмъ жинки съ пѣніемъ несутъ гребень въ трактиръ и тамъ его пропиваютъ, т. е. оставляютъ (заставляютъ) шинкарю, а сами идутъ по хатамъ для сборовъ муки, сала, колбасъ, огурцовъ, сметаны. Собравъ эти припасы, женщины возвращаются за гребнемъ въ шинокъ, говоря: «ходимъ выкупымъ, треба на чимсь прясты», берутъ въ складчыну водку и собираются опять въ ту хату, гдѣ разбирался гребень, ставятъ его на покутя и гуляютъ всю ночь. Хозяйка одѣляетъ собесѣдницъ калиной и жичками. Первая съѣдается, вторыми перевязываютъ заболѣвшія руки, приговаривая: «якъ у сёго гребинька не болять ни ёго руки, ни ёго зубы, то хай такъ и въ насъ нищо не болыть».

Съ риздвянымъ днемъ оканчиваются зимніе праздники и настаютъ будни съ ихъ будничными заботами, изъ которыхъ первая—печеніе хлѣба [1]), соединенное съ слѣдующими обрядовыми правилами. Нельзя печь хлѣба противъ большихъ праздниковъ,

---

[1]) Первоначальной пищей человѣчества была каша, потомъ ячный хлѣбъ (Regnier. Aikerbau Altun 186), въ видѣ прѣсной лепешки; квасной же хлѣбъ появился позже въ Египтѣ и затѣмъ черезъ Грецію и Римъ переданъ другимъ европейскимъ народамъ (Ю. Липпертъ. Истор. культуры 57), поэтому слѣдующія малорусскія пищевыя названія сходны съ восточными и классическими: каша, санскр. каш—тереть (Н Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обр. и пѣсн. 51), кулишъ—kullestis.

также противъ пятницы и недѣли. Если крайность заставитъ спечь, то приготовляется лишь ограниченное, необходимое для питанія количество. «Не можна на недилю заводыть багато хлиба», иначе можетъ постигнуть несчастіе, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

У недилю никому не можна багато хлиба пекты, тилькы скилькы пожыве, абы пойилы у недилю. У жинкы було багато дитей и стала вона напикать на жныва, прыйихала съ поля у субботу увечери тай учыныла дижу. У недилю вранци встала вона, пишла до кумы сирпыка позычать, колы прыйде—у печи въ пеи горыть. Вона пишла куми хвалыться, що въ печи горыть, колы прыйде—вже й дижа замишана. Пишла вона впять до кумы хвалыться, вернулась—колы вже й покачано. Пишла вона впять до кумы, прыйшла, колы посаженый у пичъ хлибъ; изнову вона йде до кумы, вертается, ажъ хлибъ, повытяганый съ печи, уже на лави, и дидъ сыдыть на покути и труна коло лавы стоить. Дидъ каже:—Напекла хлиба?—Напекла, дидусю.—Пойижъ сёгодни ёго.—Не пойимъ, порозношу по людяхъ.—Ни, сама пойижъ.—Ни, не пойимъ.—Ну, надивай свое те, що на смерть, та лягай у труну. Вона пишла, вбралася, понадивала те, що на смерть, каже: у мене дытына маленька на печи лежыть, возьму іи зъ собою.—Ни, тилькы попрощайся. Вона лягла у труну, дидъ закрывъ труну и хто знае де й дивсь. Люде йдуть зъ церквы, прыйшовъ іи чоловикъ до-дому, колы труна въ хати. А винъ излякався, ставъ іи одкрывать, колы не одкрывается, винъ ставъ рубать, одпылювать—кровъ иде,—крычыть жинка. Винъ тоди повизъ скризь

родъ хлѣба у египтянъ и евреевъ (Regnier 315) греческое κολις, лат. culeus, литовск. kulle—мыска (J. Van den Gheyn. Essais de mythol. et de philol. comparée 310) паляница—греческ. πέλανος (М. Дикаревъ въ Кіев. Стар. 1899, X, 49), хлибъ—clibanites—хлѣбъ, clibanus—хлѣбная печь; страва,—санскр. tra—кормить; йисты, йимъ—санскр. djam, англійск. to eat (выговаривается um).

по Кіевахъ по велыкихъ, у Ерусалымъ новизъ. Жинка та каже людямъ: «кайтесь, люде добри, на мени, не печить хлиба у недилю, бо я це хлибъ пекла и се мени такъ сталось—молиться Богу за мене гришну» (отъ Е. Пулькиной с. Литвяковъ).

2.

Пекла хазяйка въ недилю паляныци. Тилькы що посажала въ пичъ, выйшла, увійшла въ хату, колы сыдыть жинка, каже: «Выймай уже хлибъ изъ печи». Хазяйка каже: «ще не спикся». — «Уже спикся». Колы выняла, колы вже готове. Розломыла ту паляныцю та жинка, що війшла, каже: «прытулы до серця, чы буде пекты тебе?» Прытулыла та хазяйка соби до серця, потимъ зачала крычать: «о, пече, пече!»—А що, каже та, хорошо, якъ тоби пече? То такъ вы насъ печете у недилю. Хлибъ тамъ и урисъ проты серця, не можна одирвать. И сталы ии по свитамъ водыть, сталы людей прохать: «кайтеся, каже вона людямъ, на мени, не печить хлиба у недилю» (отъ Орленковой, с. Тишокъ).

3.

Вчыныла жинка дижу проты недили и не вкынула соли, замисыла дижу и начала пекты. Испекла вона пятеро хлиба и повыбирала. И прыйшла дивка и взяла первый хлибъ и розломыла той хлибъ, розидрала и прыложыла жинци до грудей и начала вона крычать, а дивка спрашуе: «зачимъ ты проты недили учыняла дижу? Чомъ же ты не посылала? Не годыться разовый [1]) хлибъ пекты, а покачай борошномъ паляныцямы». Жинка пыта: «що жъ вы таке йе?»—«Я свята недилонька и ты должна мене штыть и прыбирать и стать на колинкы и Богу помолыться». Стала та жинка на колина падать и просыть: «свята недилонька помылуй мене!» И та каже: «я на тебе положеніе маю на дитокъ, а щобъ ты лежала у постели годъ цилый. Исказуй другимъ

[1]) Ржаной.

людямъ щобъ воны каялыся и щобъ воны за мене Богу молылыся. (Отъ П. Величкиной, с. Бересточи).

—

Не только нельзя печь хлѣба въ указанные дни, но нельзя въ нихъ также сѣять борошно: «на тимъ свити очи порошыть будуть»; «будешъ на тимъ свити у пылу». Сѣя муку въ обыкновенное время, нужно начертить рукою крестъ [1]) на ней и остерегаться, чтобы не стучать ночвами и не бить объ нихъ руками, иначе будетъ радоваться вѣдьма—повѣрье, подобное встрѣчающемуся въ Харьковской губерніи, гдѣ стукъ ложекъ доставляетъ удовольствіе дьяволу, [2]) и заграничному: силезскому, чешскому, норвежскому, гдѣ стукъ пальцами или ножемъ по столу привлекаетъ вѣдьмъ, дьявола и нужду. [3]) Просѣянное борошно хозяйка сыпетъ въ дижу. Отъ послѣдней также во многомъ зависитъ качество хлѣба, согласно поговоркѣ о дурно выпеченномъ хлѣбѣ: «чы дижа сдижылась, чы хазяйка сказылась». Уже при самой покупкѣ этой важной утвари, имѣющей вѣщее значеніе, [4]) и стоящей обыкновенно на покути, нужно остерегаться, какъ-бы не купить дижа вмѣсто дижи, потому что «якъ дижъ, то хлиба не йижъ». Избѣгая ошибки при покупкѣ начинаютъ считать съ одной клепки: дижа, дижъ, и если на послѣднюю клепку выпадетъ опять дижа, то посуда годится, а если дижъ—нѣтъ. Купленную дижу [5]) намачиваютъ на сутки водою лѣтней температуры (литепломъ) съ гречневой соломой; кипяткомъ-же (окрипомъ) можно

---

[1]) Западноевропейскіе христіане чертятъ крестъ на мукѣ, тѣстѣ, и крестятъ лопату, сажая хлѣбъ. (I. Teirlinck. Le folk. flamand., 73., въ Bibliot. Belges connais. modernes).

[2]) В. Щ. Пища и питье крест. малор. 305.

[3]) C. Gaberland Ueber gebr. und Aberg. beim Essen III. 278. У насъ есть еще такія повѣрія: 1, якъ цокать ножемъ объ стилъ, то ссоръ буде у хати 2, якъ кывать ногою за столомъ, то то—скушеніе.

[4]) Трескъ дижи предвѣщаетъ смерть кого либо въ семьѣ, а лопнувшій на ней обручъ смерть хозяйки. Тоже повѣрье въ сборникѣ Гринченка «Изъ устъ народа», 25.

[5]) Цѣна дижи—отъ 60 коп. до 1 р. 20 к., смотря по величинѣ и матерьялу.

только испортить (запарить) дижу. Неисправную дижу поправляютъ двояко: или опрокидываютъ и дно крестятъ ножемъ, а затѣмъ поливаютъ окропомъ, или же ставятъ на порогъ съ воткнутымъ въ нее ножемъ. [1]) Вчиняютъ хлѣбъ рано «въ досвита, до схидъ сонця» такимъ пріемомъ. Дно дижи натирается солью, затѣмъ въ нее кладется еще горсть соли, [2]) льется вода и бросается для броженія кусокъ закисшаго тѣста (рощыны) или еще лучше размоченныхъ сухарей изъ хлѣба, спеченнаго съ хмѣлемъ (роскрышку). «Безъ роскрышкы хлибъ буде такый, якъ лемишка, а на роскрышци буде пухкый—не треба й дрожей», поясняютъ хозяйки. Въ дижу прибавляютъ еще «литепла и борошна», и закрывъ дижу ожидаютъ результатовъ броженія (Якъ хлибъ пидходыть угору). Когда тѣсто взойдетъ (высходится) и начнетъ осѣдать, хозяйка мѣситъ, пока оно не отстанетъ отъ дижи и отъ рукъ и оставляетъ его еще всходить, послѣ чего уже, помочивъ руки, катаетъ хлѣбы до полученія ими круглой формы. Кто катаетъ хлѣбъ къ себѣ «у того симья буде при ёму, а хто одъ себе, одъ того и Богъ одвернется и ридъ розійдется». Покачанный хлѣбъ не тотчасъ же садятъ въ печь, а оставляютъ еще съ полчаса на столѣ. Его нельзя считать въ это время: «Буде стилькы урону у хазяйстви, скилькы насчытаешъ хлиба». Хлѣбъ нужно садить по правую руку отъ себя и первый скатанный хлѣбъ, помѣченый крестикомъ, первымъ же садить и въ печь. Нельзя садить заразъ на лопатѣ по двое хлѣбовъ, ни свадебныхъ шишекъ, потому что будутъ умирать по двое въ семьѣ. Хлѣбъ печется обыкновенно часа полтора, затѣмъ хозяйка пробуетъ легокъ ли онъ, отходитъ ли мякоть. «Тоди выймать хлибъ, якъ постукать и гуде». Если два хлѣба слились вмѣстѣ, то ихъ разламываютъ или надъ головою неговорящаго ребенка для ускоренія рѣчи или надъ головою дѣ-

[1]) Если хлѣбъ не удался, сѣлъ на скорину, то надъ кухаркой подсмѣиваются: «дижа, дижа! треба до тебе вихтя й ножа; та обмыты, та ладаномъ накадыты, та тоди дижу вчыныты»—намекая на извѣстный анекдотъ о нерадивой хозяйкѣ, желавшей освятить дижу.

[2]) Въ Харьковской же губерніи, приготовляя ржаной хлѣбъ, въ дижу не кладутъ соли. (В. Щ. Пища и питье. 277).

вушки. Перевернувшійся въ печи хлѣбъ свидѣтельствуетъ какъ о близкой смерти, такъ и о предстоящемъ несчастіи. Напримѣръ: «Наложыла я пичъ и натопыла и выкачала. Взяла яма и выбылась, выпало печи и паляныця перевернулась. Черезъ день сыну погу машына обрануила». (Отъ С. Латенковой, х. Тернавщины). Почти также опасно нечаянно или нарочно обернуть хлѣбъ [1]). Если подъ хлѣбомъ мокро, то ожидаютъ дождя. Неудачный хлѣбъ вызываетъ такія замѣчанія: если недопеченъ, то говорятъ «закальця на тры пальця», объ отставшей коркѣ: «хочъ горобцивъ заганяй», а о трещинѣ: «мовъ плугомъ поорано». Помѣченный крестомъ хлѣбъ разламываютъ на двое и кладутъ на покути или на покутнемъ окнѣ для предковъ. «Первый хлибъ—помынкы, винъ душамъ спасеня, пара зъ ёго доходыть до мертвыхъ на той свить». «Пара якъ пиде зъ хлиба, то помершимъ». Его потомъ отдаютъ нищимъ. Не всякій, впрочемъ, хлѣбъ угоденъ предкамъ: тотъ на который дули, вынувъ изъ печи, или обтирали полой, запаской, суконкой, который, наконецъ, садили на капустный листокъ, не годится для поминокъ, что доказывается слѣдующими разсказами.

1.

Жинка готовытся помынать своихъ родныхъ икъ помынальныцямъ. Посажала у пичь пыроги, а ти мертви идуть за стилъ, сидають. А наймычя колыше дытя и выда ихъ, а жинка ихъ небачыть та выбира зъ печи пыроги й кныши и обтыра запаскою. Стала обтырать запаскою и кладе на лаву. А старыкъ изъ-за стола каже: «ходимъ диты, се не для насъ готовытся». Идуть изъ за стола, а хлопець крывенькый иде та зачепывсь за лопату тай упавъ. А наймытъ коло колыскы засміявсь. Жинка та пыта: «чого ты сміешся?»—Хто у васъ, титко, крывый умеръ?—Хлопчыкъ.—Я бачывъ оце воны за столомъ сыдилы та пишлы геть, а хлопчыкъ зачепывсь за лопату та впавъ, а я тымъ засміявсь. А вона: «Якъ

[1]) У валлоновъ обернутый хлѣбъ привлекаетъ дьявола въ домъ. E. Monseur. Le Folkl wallon. 116 въ Bibl. Belge des connais. modernes.

же ты бачывъ?»—За столомъ сыдилы, дидъ прыводывъ. Воны кынчивъ вашихъ такъ дожыдалы, та то, що вы запаскою ихъ обтыралы, такъ воны знялысь и пишлы. Вона заплакала та на другый день стала готовыться другимъ порядкомъ. Годи запаскою обтырать—грихъ, а крыльцемъ. (Отъ Е. Купріевой, д. Шекъ).

2.

Наймыть бувъ у дяка такый негришный, що все бачывъ, николы не лаявся, николы не сміявся. Сивъ винъ пидъ прычкомъ; дячыха выбирала паляныци. Поки вона выбирала и пичимъ не втерала, то ін симъ покійныхъ сынивъ сыдилы за столомъ. А то вона якъ послидню выняла паляныцю, та взяла тай обтерла попереднымъ тай духнула, такъ сыны тоди съ хаты, одынъ крывый попереду тай упавъ на порози, а ти попадалы уси на ёго, а той робитныкъ сыдыть та дывыться. Такъ винъ и усмихнувся. Вона ёго и спрашуе: чого ты сміешся? А винъ каже: «та я такъ».—Ни, ты дурышъ мене, ты щось знаешъ. Прызнайся мени.—Да, каже, бувъ у васъ сынъ крывый?—Бувъ.—Якъ оце вы духнулы на паляныцю и обитерлы попереднымъ, такъ уси покійныкы началы тикать, попереду крывый; спиткнувсь тай упавъ на порози, а ти на ёго попадалы.—Хыба такъ не можна робыть?—Неможна, грихъ. (Отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ).

Приготовленіе кушаньевъ (стравы), какъ и печеніе хлѣба, соединено у крестьянокъ съ различными повѣрьями и примѣтами. Начать съ того, что варящая пищу хозяйка или кухарка, обязанная сама о себѣ позаботиться по пословицѣ: «якъ кухарка зъ голоду вмре, то й пипъ не ховатыме»,—тѣмъ не мепѣе у печи должна стоять впроголодь, а если наѣстся сама, то семья останется голодной. Для того, чтобы выиграть время и топливо, хозяйка утромъ сразу приготовляетъ пищу на весь день, начиная борщомъ, который «найздоровшый, усёму голова». Она лагодыть ёго, т. е. крошитъ овощи, наливаетъ въ горшокъ бураковаго квасу или сыровцу, и солитъ, остерегаясь лихословить и вспоминать нечистаго, иначе борщъ не удастся и въ немъ скупаются демоны. Вкусъ борща за-

висить еще отъ другихъ причинъ, отъ горшка: «якъ яке въ ёго облыччя», но принятаго въ Харьковской губерніи дѣленія этой посуды на горшокъ и горщыцю [1]) въ Лубенскомъ уѣздѣ не наблюдается и на вопросъ о такомъ различіи мѣстныя хозяйки, недоумѣвая, отвѣчали: «оце! такого ще й не чулы». Приготовивъ борщъ, хозяйка зажигаетъ солому въ печи, крестить какъ печь такъ и борщъ, и, приговаривая «Господы благословы!» ставитъ послѣдній на огонь. Когда борщъ закипитъ три раза, [2]) то хозяйка, попробовавъ его, отставляетъ горшокъ въ сторону, обкладываетъ его жаромъ, сама же принимается толочь сало въ «ковчанкѣ» (салотовци) и разминать макогономъ пшено въ макитрѣ, пока оно не обратится въ муку. Замѣчаютъ: «Якъ жинка мне пшоно, та лыже макогинь, то ій чоловикъ лысый буде. [3]) Замявъ борщъ, т. е. выливъ въ него столченное сало и пшено, хозяйка отставляетъ горшокъ—борщъ готовъ. Но хотя борщъ и главное кушанье, всё же самъ по себѣ онъ «удивець», къ нему нуженъ еще «прыварокъ»—каша. Приготовляя послѣднюю, хозяйка смываетъ прежде пшено холодной водой, потомъ горячей, солитъ, приливаетъ воды и ставитъ въ печь. Когда пшено начинаетъ раздуваться (набухать), то «каша сердыться, треба ій помишать, а когда пшено розбухло и каша згусла,—пора ій пидіймать», т. е. перемѣстить сподъ на верхъ и поставить въ жаръ. Если горшокъ съ кашей лопнетъ въ печи, то умретъ скоро варившая ту кашу хозяйка или невѣстка, а если только образуется пустое пространство въ горшкѣ,—то умретъ кто-нибудь въ домѣ. Замѣчаютъ еще: «Горшкы съ печи неможна обтырать суконкою, або запаскою—покійни родытели розійдутся зъ хаты. Дивчыни и молодыци не можна горшка скребты ложкою—буде свекруха

---

[1]) В. Щ. Пища и питье кр. малор., 273.

[2]) Три степени кипѣнія воды передаются въ Лубенскомъ у. такими выраженіями: 1, окрипъ намысто ныже, 2, ударывся въ ключи, 3, перекыдается.

[3]) Также: якъ хто надине мыску на голову жинци, шуткуючи, то чоловикъ облысіе.

скребты голову». Вынувъ горшки съ печи, и разливая кушанья въ мыски, женщина должна сказать: «Господы благословы», иначе черти опять скупаются въ ухѣ,—и затѣмъ отвѣдать блюда для того, чтобы хорошо кормить грудью дитя. [1])

Пища распредѣляется въ теченіе дня такимъ образомъ. Въ 7—8 часовъ бываетъ завтракъ, состоящій изъ капусты, коржей, кулиша или локшины съ саломъ. Въ постный день сало смѣняется или олеей, служащей приправой къ огурцамъ, капустѣ, картофелю, или молокомъ изъ конопляпаго сѣмени, которымъ приправляютъ: ячную кутю, отваренный ячмень (зубци), мятое пшено (по́ливку), или конопляпымъ сѣменемъ съ гречневыми лепешками (плескавкою). За обѣдъ садятся съ 11 часовъ и позже (передъ вечоры), если задержитъ молотьба или другое дѣло. Обѣдъ состоитъ изъ борща съ саломъ и каши со смальцемъ, рѣдко съ молокомъ, а въ постный день изъ борща же съ фасолей, бураками, съ олеей или таранью, и каши, иногда отваренныхъ фасоли и гороха, варениковъ съ картофелемъ, коржей съ горохомъ, примазанныхъ медомъ. На ужинъ довольствуются остатками отъ обѣда, или ухой (юшкою) и галушками.

За пищей также не обходится безъ присловьевъ и замѣчаній. Челядь, напримѣръ, садясь обѣдать, приговариваетъ:« Боже благословы, щобъ жонати не почалы». Если накрошено много хлѣба или каша падаетъ съ ложки на землю, то замѣчаютъ, что у хозяина будетъ много дѣтей; объ опрокинувшемся винѣ говорятъ: «то на помынання, бо горилка сама добрійша вещъ». Другіе полагаютъ, что опрокинутымъ виномъ ангелъ тушитъ пожары. [2]) За обѣдомъ не принято много разговаривать или смѣяться: «Краще умовчать, а то скушеніе. Негодыться черкать надъ трапезою: не-

---

[1]) Первоначально предварительное испробованіе блюдъ женой дѣлалось вѣроятно для избѣжанія отравы. У Ашантіевъ жена пробуетъ предлагаемую мужу пищу, а на Перечномъ берегу и у Макололо отпиваетъ первая вина или пива—изъ боязни отравленія. (C. Gaberland. Ueber gebr. und Aberg beim Essen. II, 148, 149).

[2]) По римскимъ повѣрьямъ упавшій со стола кусокъ предоставляется ларамъ, по древнехристіанскимъ—мертвецамъ. Ib. III, 362, 363.

чыстый духъ заходе у мыску». [1]) Но послѣ неудачнаго или скуднаго обѣда раздаются ироническія похвалы кухаркѣ или скупой хозяйкѣ, не дающей, напримѣръ, пироговъ къ борщу, а отдѣляющей ихъ особо,—въ такомъ родѣ: «Спасыби Богу,—найився ей Богу, нагодувала Явдошка, перепавсь якъ дошка. Найився якъ быкъ, перепався якъ смыкъ. Борщу не йивъ, каши не бачывъ, а мьяса зовсимъ не далы!»

Вошедшій къ обѣду посторонній долженъ привѣтствовать обѣдающихъ словами: «хлибъ-силь!» Онъ считается всегда le bienvenu: «Той, що нагодывсь на обидъ, то достойный, и той достойный, до которого нагодывсь. Якъ увійшовъ чужый, а мы обидаемъ, то якъ же винъ буде намъ у очи глядить, а мы йимо? Годыться и ёго прысогласыть: «просымъ Бога й тебе: сидай обидать». Собравшихся на праздникъ гостей, хозяинъ приглашаетъ къ столу въ такой формѣ: «Богъ благословыть, а хазяинъ велыть—кормиться Господа! Прошу покорно, чымъ багатъ, тымъ и радъ,—звыняйте». Затѣмъ, отвѣдавъ водки и кушанья, «прыгоща» гостей пыть и опорожнять мыскы:—добирайте, чесна кумпанія! Эти пріемы гостепріимства—сколки общечеловѣческихъ обыкновеній, объясняются Габерландомъ въ томъ смыслѣ, что пріемъ пищи самый удобный моментъ для вхожденія вмѣстѣ съ нею и разныхъ чаръ въ открытый ротъ, почему у многихъ народовъ избѣгаютъ во время питанія или всѣхъ вообще людей или, по крайней мѣрѣ, опаснѣйшихъ, особенно женщинъ, а вошедшій случайно, долженъ непремѣнно отвѣдать чего-нибудь, такъ какъ, раздѣляя трапезу, онъ уже не будетъ околдовывать ее изъ боязни повредить чарами самому себѣ. Изъ предосторожности же гость имѣетъ право выждать, пока хозяинъ попробуетъ пищу первымъ. Затѣмъ у многихъ народовъ умѣренность гостей представляется обидной хозяину, а опьяненіе и объяденіе, напротивъ,—честью. Въ Полинезіи гости должны даже недоѣденные остатки кушаньевъ уносить съ собою. Притомъ остатки признаются жертвой дьяволу

---

[1]) По нѣмецкимъ повѣрьямъ также не должно разговаривать, пѣть, бормотать, когда другой ѣстъ. Ib. 261.

и вѣдьмамъ; [1]) поэтому вездѣ въ Африкѣ и Америкѣ необходимо, чтобы остатковъ отъ стола не было. [2])

Кромѣ обыкновенныхъ гостей, на мясницы являются еще и сваты и, подавая хлѣбъ-соль, просятъ: «Нате вамъ, тату хлибъ и силь, а намъ дайте дочку». Сватовъ угощаютъ и за могорычемъ приговариваютъ: «Дай, Боже, щобъ зъ сёго могорычу до бильшого; щобъ сей попыть та ще купыть!» На самомъ же весилли молодыхъ привѣтствуютъ такою рѣчью: «Дай, Боже, нашимъ молодымъ на викъ, на здоровье, а ворогамъ на безголовье. Посылай, Господы, нашимъ молодымъ счастя и викъ довгый, и розумъ добрый. Щобъ воны одно одного почыталы и ридъ свій не забувалы. Щобъ диждалы всёго добра и въ поли, и въ доли, щобъ Господь хлибъ родывъ и скотыну плодывъ!»

Затѣмъ привѣтствуютъ отдѣльно каждаго члена семьи: отца:—Здрастуй, тату нашъ! Идемо до тебе на оченашъ; молодую:—Поздравляемъ тебе зъ червоною головою; молодого:—А тебе зъ жинкою молодою; мать:—А тебе, мамо, зъ блызнятамы.

Заговѣны, оканчивающія зимнія мясницы, получили названіе «нижкове пущання» отъ захоложенныхъ свинныхъ ногъ (драглей) [3]). Теперь они не соединяются уже съ такимъ изобиліемъ, какъ во времена Квитки, на какое изобиліе намекаетъ лишь мѣстная сохранившаяся поговорка: «розсилась, якъ на пущання». Теперь небольшіе кружки распиваютъ въ этотъ день полквarты водки и больше съ обычными пожеланіями: «дай, Боже, щобъ сей день опроводыть, святого посту диждать и велыкодня. Спасыби Богу, шо заговилы въ добримъ здоровьи, дай Боже, розговиться благополучно».

Поѣдаютъ блины (млынци) съ саломъ или масломъ, пироги съ печенкой или сыромъ, свинину, курицу. Существенно только, чтобы въ этотъ день къ столу было мясо. Молодежь такъ-же схо-

---

[1]) Ib. II, 148—151, 166—168., III. 363, 366—369.

[2]) Липпертъ. Истор. культ. 18.

[3]) У Маркевича (Обычаи, повѣр. 153) ошибочно сказано будто бы не праздникъ, а самое блюдо называется «нижкове пущання».

дится на досвитки, поставляя: дѣвки—съѣстные припасы, парни—водку и музыку. Такое сборище называютъ: «коржи, пекты коржи».

И масляная проходитъ безъ особой пышности. Бабы не прядутъ всю недѣлю; въ понедѣльникъ онѣ «наставляють масницю»—т. е. пьютъ въ складчину водку; пьютъ такимъ же образомъ «якъ опровожають масницю», на масляне пущання. Въ столѣ преобладаетъ молочное: блины, пироги съ сыромъ, главное масляничное блюдо—вареники, молочная каша, молочный кисель. Выпивая, бабы приплясываютъ, поютъ тридолки (трендычки) и пьяницкія пѣсни и приговариваютъ слѣдующее:

Зъ ма́сницею поздоровляю, дай, Боже, щобъ другои диждять.

Дай, Господы, усёго луччого: у поли урожаю, у хати счастя.

Дай же, Боже, щобъ все гоже; що негоже—поправъ, Боже!

Дай, Господы, благополушно, щобъ не було ни холодно, ни душно.

Казавъ старець по мызынный палець.

Недопившей говорятъ: На що-жъ вы мени на слёзы оставляете?

Присутствующая вдова отзывается: Отій нещасній удовыци; сама на печи, ногы на полыци.

Пыйте бо, пыйте—у кого въ рукахъ, у того въ устахъ.

Дай, Боже, сю попыть,

Та ще й купыть!

1.

Музыканты мои,
Вы заграйте мени,
Бо я бидна сырота
Веселого жывота.

(м. Снѣтинъ).

2.

Чарочка моя малесенькая!
Ни сучечка ни пенечка

Выпьемо, серденько,
До денечка.

(с. Литвяки).

3.

Ой выпьемо до дна—
Горилочка добра,
Выпый, выпый, тай поставъ,
Щобъ насъ нихто не заставъ.

4.

И чарка нова,
И горилку бъ пыла,—
Хылю, хылю не тече,
Коло серця пече.

5.

Пыйте люды горилочку,
А вы, гусы, воду,
Горе мени на чужыни
А безъ свого роду.

(Отъ кр. Уст. Косенковой, м. Снѣтина)

6.

Ой, выпыймо, родыно,
Щобъ памъ жыто родыло;
И жытечко и овесъ,
Що зибрався ридъ увесь.

Вар. второй такой же куплетъ у Конощенка—Украинськи писни. Одесса 1900, 7, № 3-й.

7.

У насъ на вгороди два купцыкы мняты,
Сбирается ридъ до роду: хоче погуляты:

У насъ на вгороди два кущыка пору,
Сбирается ридъ до рида гуляты не впору;
У насъ на вгороди два кущыка пыжма,
Сбирается ридъ до роду гулять середъ тыжня.
У насъ на вгороди зацвилы нагидкы,
Сбирается ридъ до роду напыться горилкы;
У насъ на вгороди зацвилы волощкы,
Сбирается ридъ до роду погулять хоть трошкы.

(Въ 1896. отъ кр. м. Снѣтина Домникіи Ивахненковой, 60 л.).

8.

Въ понедилокъ празныкъ,
А въ вивторокъ и такъ не робыты,
А въ середу горилочку пыты,
Ай у четверъ похмылятыся,
А въ пьятныцю поправлятыся,
А въ субботу чаши мыты,
Увесь тыждень не робыты.

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Николаевки Степаниды Векленковой).

9.

Ой, добра, добра чужа горилка,
Выпыймо, кумо, для понедилка.
Зложымось, кумо, шагивъ по сорокъ,
Выпыймо, кумо, щей у вивторокъ.
Поженемъ, кумо, до череды
Да выпьемо, кумо, за для середы.
Помыймо, кумо, мыскы та ложкы
Та выпьемо, кумо, у четверъ трошкы.
Продаймо, кумо, рябу ягныцю
Та выпьемо, кумо, щей у пьятныцю,
Зложымо, кумо, усю роботу
Та выпьемо, кумо, щей у субботу.

(Отъ кр. м. Снѣтина, Агафіи Шевченковой).

10.

Ой, выпыймо, кумо, тутъ:
На тимъ свити не дадуть.
Хочъ дадуть, не дадуть—
Такъ выпыймо, кумо, тутъ.
И выпыла й выхылыла,
Сама себе похвалыла,
Бо я панського роду—
Пью горилку якъ воду.
Хылю, хылю не тече,
Коло серденька пече.
На здоровьячко пылось,
Но запасочци лылось,
Щей по довгій поли
На здоровьячко мени.

(Въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Пелагеи Рѣзниченковой). Вар. въ Этногр. мат. Гринченка. Ш., № 557, 290.

11.

Ой выпьемо, кумцю,
Выпыймо по рюмци,
Бо якъ пидемъ, на той свитъ
Тамъ и рюмокъ такихъ нитъ.

12.

Я до тебе, кума моя, не гулять прыйшла,
Я до тебе, кума-жъ моя, работáть прыйшла,
Изъ дныщечкомъ, гребеныщечкомъ,
Напыймося горилочкы соби ныщечкомъ.

13.

Прыйшовъ кумъ до кумы
Конопелечокъ мнять.

Винъ мнявъ, прымынавъ,
Намынаючы, казавъ:
Кумко, голубко, кумко моя,
Хто-бъ тоби намынавъ, якъ бы не я?
Прыйшовъ кумъ до кумы
Полотенечка ткать.
Винъ ткавъ, натыкавъ,
Натыкаючы, казавъ:
Кумко, голубко, кумко моя,
Хто-бъ тоби выткавъ, якъ бы не я?

(Отъ козачки с. Волчка Лукины Хомулиной).

14.

Буду пыты пытушечкы,
Пропыла моточокъ изъ вытушечкы;
А ще за те я не заплатыла,
Що пропыла моточокъ изъ мотовыла.
У шыночокъ иду—оснивку несу,
А за мною дытынята несуть клубенята.
Ой пыймо, чоловиче, та пыймо,
Кобыльчыну пропыймо,
Нехай вона не гыгыче,
Чужои стрихы не смыче;
Нехай вона не гыгоче,
Головонькы не клопоче.

(Въ 1895 г. отъ кр. м. Снѣтина, Прасковьи Лысенковой).

15.

Та пропывъ батько волыка,
А маты зъ станка коныка
Ой, Боже мій! та не лаймося,
Та ходимъ до-дому тай порадьмося,
Та ще щось пропьемъ [1]).

[1]) Припѣвъ повторяется за каждымъ двустишіемъ, въ самомъ концѣ: «Та вже ничого пропывать».

Та пропывъ батько корову,
А маты прудку ворону.

—

Та пропывъ батько подушкы,
А маты зъ горшкомъ галушкы.

—

Та пропывъ батько индыка,
А маты ходыть трендыка.

(Въ 1891 г. отъ кр. д. Шекъ Ф. Матвѣенковой).

16.

Щось у лиси гукае,
Петро батька шукае:
Идить тату до-дому,
Пропье маты худобу
И качалку, и рубель,
И повисмо конопель,
И сиру лошыцю,
И сина копыцю,
И коныка тупака,
И пивныка спивака,
И юпку чорну,
И кожушанку нагольну.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Настасіи Шерстюковой).

17.

Щось у лиси гукае,
Дочка батька шукае:
— Идить тату до-дому,
Пропье маты худобу
Изъ попамы, изъ дякамы,
Съ хорошымы козакамы.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. сел. Литвяковъ Олены Кунаковой).

18.

Будемъ пыть, будемъ пыть—горилочка добра,
Будемъ спать, будемъ спать, ажъ до полудня.
А у мого мыленького ажъ три ямы жыта,—
Колы-бъ же я, Господы, та не була быта,—
Въ одній макъ, въ другій такъ, а у третій нычогисенько,
А я пью горилочку тай не боюсь никогисенько.
Одчыняй мени, муже, одчыняй своій коханци,
Не прыйшла я изъ вечора та прыйшла уранци.
Ой ты не поповычъ, а я не попивна,
Не бый мене пьяною, побый на похмилля,
Бо якъ будешъ пьяну быть, я не буду знаты,
А якъ побьешъ на похмилля—буду памятаты.

(С. Вильшанка, отъ Вѣричъ).

19.

Ой ный та не лый,
Любы жинку та не бый.
Буду пыть, буду лыть,
Буду любыть, буду й быть.

(м. Спѣтинъ).

20.

Чи я-жъ тоби не казала:
Не беры-жъ ты мене,
Бо я роду шалёного,
Не навчышъ ты мене;
Бо я й роду шалёного,
А ты й не такого,
Пыла-бъ же я горилочку,
А ты й не одъ того.

(Д. Шеки. Ф. Матвѣенкова).

21.

Ой бувъ та нема,
Пойихавъ на ричку,
Колы бъ ёго чортъ узявъ,
Одминыла бъ свичку.
(Отъ кр. м. Снѣтина Пр. Лысенковой).

22.

Ой бувъ та нема,
Та вбыла кобыла;
Та не давъ мени Богъ,
Кого я любыла.
Тай давъ мени Богъ,
Кого я не знала,
Тай за той перебиръ,
Що перебирала.
Полюбыла коваля
Тай педоля моя:
Я й думала кучерявый,
Ажъ и чуба нема;
Хоть йе трошкы
Такъ не кучери:
Уже мени шолудыви
Надокучылы.
(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ Ф. Матвѣенковой).

23.

Спыть жинка и не чуе,
Що чоловикъ въ шынкъ мандруе.
Нехай вона спыть:
Я тымъ часомъ одягнуся,
Тай на вовну потягнуся.
Якъ горилкы я напьюся,
Биса жинкы не боюся.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Березоточи Татьяны Пироговой, 20 л.).

24.

А хто горя не знае,
То хай мене спытае,
Бо я зъ горемъ обидала,
Такъ я ёго розвидала.

(м. Снѣтинъ).

25.

Горе намъ, та не намъ,
А нашимъ ворогамъ.
Воны тилькы знають,
Що насъ осуждають.

26.

Прыйшла смерть, прыйшла смерть
Одъ самого Бога.
Ой, де ій взять—
Гуляе небога.

(с. Литвяки).

—

На первой недѣлѣ великаго поста, въ жыловый понедилокъ совсѣмъ не бываетъ обѣда. Только и ѣдятъ: рѣдьку, хрѣнъ, жиляныки (коржи), «щобъ закрипыться, щобъ жыловымъ буты». По мѣстамъ мелкіе хозяева, сговариваясь о супрягѣ, т. е. кому съ кѣмъ вмѣстѣ орать, выпиваютъ водки; попадаются также пьяницы, слѣдующіе старому обычаю полоскать въ этотъ день зубы водкой, чтобы ничего скоромнаго во рту не оставалось[1]); большинство однако не пьетъ водки или весь постъ или покуда отговѣется.

[1]) Откуда и самый понедѣльникъ этотъ называется полоскозубъ. (Чубинскій Тр. III., 8).

Въ жыловый понедѣльникъ не принято работать, «щобъ не побывало пальцивъ», а женщинамъ заходить въ чужія избы. Скудный постный столъ разнообразится нѣсколько квашей, приготовляемой такимъ способомъ. Въ макитру или чавунъ льютъ тепловатую воду, бросаютъ туда же вишневаго листу, горсть солода (муки изъ согрѣвающаго жита), горсть гречневой, двѣ горсти ржаной муки, разводятъ смѣсь кипяткомъ и мѣшаютъ, прибавляютъ еще кипятку и солоду и ждутъ пока кваша окиснетъ [1]). Не всякому и не всегда удается кваша. Удачнѣе приготовляетъ ее женщина, «у котрои довги пяты». «Дивци совсимъ не можна робыть квашу, бо долю втопыть у квашу». «Якъ увійде у хату хорошый чоловикъ, не удается кваша, а якъ увійде хто печепурный — удается». Если приготовлять одновременно квашу и хлѣбъ, что-нибудь одно не удастся. Нельзя дѣлать квашу на первой недѣлѣ поста, а только на второй, нельзя такъ-же приготовлять ее по пятницамъ и воскресеньямъ, какъ видно изъ слѣдующаго. «Наробыла жинка проты недили кваши и накрыла на лави скатертынкою, а сама спаты лягла и заснула. Колы чуе: лепъ, лепъ по стини ополонынкомъ, ажъ трычи и сказало: «йе квага, та логы нема!» Такъ жинка та встала перехрыстылась и зариклася до вику робыть квашу проты недили». (Отъ П. Величкиной, с. Бересточи). Изготовляя квашу, приговариваютъ:

Сытыся, квашо, медыся, патокою берыся, добра вдавайся, медомъ полывайся!

Удавайся кваша солоденька, якъ медокъ, а кысленька, якъ вынце!

Тоби въ церкви не бувать, святыхъ тоби не выдать, тутъ тоби солодать.

Солодысь, солодысь, щобъ маленьки поросята напылысь.

Ишовъ грекъ, писъ меду глекъ та въ нашу квашу. А ты, квашо, робыся и медыся, выномъ становыся и панамъ годыся.

Ишовъ грекъ та писъ меду й вына глекъ та спиткнувсь на пенёкъ, а въ нашу квашу выно та медокъ. Солодысь и добрысь, а бильшъ окропу не сподивайсь.

---

[1]) Такъ-же у Чубинскаго. Тр. Экси. VIII. ч. III. 440, 441.

Ишовъ пасишникъ зъ пасики, нисъ улыкъ на плечи зъ медомъ та выномъ, спиткнувсь на пенёкъ, а въ нашу квашу выно та медокъ. И медыся, и солодыся, и намъ знадобыся.

Ишовъ чернець по-пидъ горою та нисъ кушинъ меду зъ собою, та спиткнувсь на пенёкъ та высыпавъ намъ у квашу медокъ.

Прыйшовъ козакъ пидъ викно, щобъ наша кваша була, якъ выно.

Нелюбящіе кваши шутятъ:

Прыйшовъ козакъ (або выпнякъ) зъ выпныци, щобъ наша кваша була у помійныци.

Ходывъ выпнякъ по выпныци,
Носывъ квашу въ помійныци.
Бигла кваша черезъ выпныцю
Та впала въ помійныцю [1]).

На четвертой недѣлѣ великаго поста (на хрести) пекутся пшеничные кресты съ отмѣткой для каждаго члена семьи. Въ средину этихъ крестовъ задѣлываютъ листья барвинка и нитки заполочи. Сотлѣвшія нитки, пожелтѣвшій, почернѣвшій листикъ барвинка предвѣщаютъ скорую смерть владѣльцу креста, зеленый—долгую жизнь. Сѣятелю также пекутъ особый крестъ съ копѣйкой въ срединѣ. Обычай требуетъ бросить эту монету въ церкви въ кошелекъ послѣ посѣва пшеницы. Наканунѣ Благовѣщенья приготовляется обѣдъ съ рыбой и пирогами и съѣдается на самый этотъ праздникъ, на который многіе совсѣмъ не топятъ. Послѣдніе три дня страстной недѣли такъ-же не готовятъ обѣда, довольствуясь хлѣбомъ, капустой, огурцами, а старыя женщины, ничего не ѣвшія весь постъ по пятницамъ, воздерживаются и эти дни отъ пищи [2]).—«Бо вже недалечко червоне яечко».

Большая радость крестьянину дождаться прекраснаго весенняго праздника. О счастливыхъ, жизнерадостныхъ людяхъ выра-

---

[1]) Вар. у Чубинскаго. Тр. I, в. I, 110.

[2]) Также у Свидницкаго (Патриченка)—Великдень у Подолянъ. Основа 1861 г. № X, 50.

жаются даже: «ходыть такый (або така), якъ на велыкдень». Но и приготовленія къ празднику, ложащіяся всею своею тяжестью на хозяйку, такъ-же велики. «Жинци найскрутнійше велыкдень». Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ заботъ о чистотѣ жилища и бѣлья всей семьи, женщина должна почти безъ участія мужчинъ изготовить сложный пасхальный столъ, состоящій изъ различнаго рода пшеничныхъ хлѣбовъ, яицъ, молочныхъ и мясныхъ блюдъ. Для пасхи въ Лубенскомъ уѣздѣ предпочитается вообще озимая голоколосая пшеница, такъ называемая, стрыжена, або гладенька, перородокъ сандомирки [1]). «Зъ озимои пшеныци биле тисто, тягутиме, а зъ ярои жовте». Однако за невозможностью достать озимой пшеницы, довольствуются кущовкой—ярой съ продолговатымъ, бѣлымъ зерномъ [2]). Она представляетъ извѣстныя выгоды. «Зъ ярои пшеныци выще тисто буде, дужче вгору жене». Предъ праздникомъ всякая пшеница должна быть очищена отъ ржи и ячменя и смыта; затѣмъ обыкновеннымъ перемоломъ нельзя ограничиться, необходимо еще шеретовать пшеницу,—что обходится дороже. Подъ шеретовкой понимаютъ предварительное обдергиваніе, очищеніе пшеницы отъ шелухи посредствомъ высоко поднятаго камня. За обыкновенный помолъ отходитъ мельнику 12-я, а за помолъ съ шеретовкой—10-я мѣра. Муку на пасху просѣваютъ на густое сито «щобъ булъ пылокъ, пухъ»; просѣянная же сквозь рѣдкое сито мука (межиситка) годна лишь для паляницъ. Однако, однихъ такихъ внѣшнихъ условій успѣшности приготовленія пасокъ еще недостаточно, нужны, кромѣ того, и внутреннія, заключающіяся въ искусствѣ самой хозяйки, притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ при обыкновенномъ печеніи хлѣба. «Не по муци, а по хозяйци. Котра́ тямуща, то зробыть изъ жытнёго пшеныче, а котра́ не тямыть, та зъ пшеныпшёго жытне зробыть». Иной бѣднягѣ выпадаетъ на долю развѣ слабое утѣшеніе: «Не вдалысь паскы, та вдалысь паляныци». Во избѣжаніе такихъ случайностей

---

[1]) Остистая пшеница почти вышла изъ обихода.

[2]) Другой сортъ ярой пшеницы арнаутка «окъ празныку негодытся, у ей чорна кожа, жовта мука».

иногда подгороднія хозяйки предпочитаютъ покупать пасхи на базарѣ (съ 25—70 коп.) вмѣсто пасхъ собственнаго приготовленія. Большинство хозяекъ, начиная печь пасхи съ четверга «страшной недили», надѣваютъ чистую рубашку, и сыплютъ въ макитру пшеничной муки и вскипяченной воды или молока. Такая жидкость называется опарой [1]). Въ остывшую опару вливаютъ дрожжи [2]) и оставляютъ ее; хозяйка-же принимается за цидъ, для чего, размявъ качалкой пшеничныя высѣвки, кладетъ и въ нихъ дрожжи и, процѣдивъ, добавляетъ воды и выливаетъ въ опару. Въ эту смѣсь хозяйка добавляетъ муки и даетъ подходить: мѣситъ и опять оставляетъ тѣсто бродить, а затѣмъ уже рѣжетъ его накрестъ, приговаривая: «Господы! благословы своимъ духомъ святымъ и преспоры!» и выдѣлываетъ пасхи по двумъ традиціоннымъ образцамъ: высокимъ, нѣсколько расширеннымъ кверху, столбикомъ, какъ и самая посуда-поставецъ, тазокъ, или обыкновенной круглой булкой. Сверхъ паски кладется крестъ изъ двухъ полосъ тѣста, перекрещивающихъ верхушку хлѣба. На самомъ верху помѣщаютъ маленькую шишку такой же формы, какъ и свадебная, или голубчика. Шишка прикрѣпляется къ паскѣ вѣточкой освященной вербы, а вокругъ вершины еще кладутъ бахрому зубцами изъ тонкой полосы тѣста. Въ пасху втыкаютъ изюмъ и сливы. Иногда кладутъ еще въ средину пасхи яичницу или сыръ, «щобъ паска була непорожня». Выраженіе это основано на искаженіи смысла словъ пасхальной стихиры: «пасха непорочная, пасха великая». Но такая пасха не надежна, можетъ выйти глевкою, почему хозяйки признаютъ за лучшее ограничиваться масломъ. Выдѣланныя пасхи ставятся или на полъ (доски) на подушку, застланную чистой простыней или на столъ, который не должно двигать. «Тамъ воны пидходять, наростають». Когда пасхи высходятся, хозяйка разсы-

---

[1]) Въ старину опара была извѣстна далеко не всѣмъ. Многія хозяйки выливали въ дижу горшокъ кулишу, солили и учиняли.

[2]) Дрожжи дѣлаются изъ хмѣля и ржаного тѣста. Броженіе производятъ споры грибка cryptococcus fermentum (В. Григорьевъ. Руков. къ ботан. Моск. 1864 г. III изд., 367).

пастъ горсть муки по черипо, бросаетъ другую въ огонь и ждетъ, пока пламя стихнетъ; затѣмъ, очистивъ печь отъ посуды, обматываетъ пасхи чистыми тряпками и, проговоривъ: «Господы благословы! духъ святый зъ намы», трижды креститъ печь лопатой, ставитъ туда пасхи: высокія въ поставцахъ, круглыя на сковородѣ, потомъ закрываетъ (загнитыть) печь заслонкой. При этомъ иная хозяйка говоритъ: «Паскы въ пичъ, а вы, хлопци та дивчата, не сыдить та замижъ идить. Паскы выпикайтеся, а вы замижъ поспишайтеся!» Другая машетъ лопатой во всѣ углы хаты, приговаривая: «Буду въ пичъ паскы сажаты, а вы, тарканы, блощыци, стоногы, причъ зъ моеи хаты! Тарканы, стоногы! выходьте зъ свитлыци въ темныцю». Затѣмъ хозяйка, поднявъ лопату вверхъ широкимъ концемъ, восклицаетъ; «пидходь хлибъ у печи, якъ сонечко въ неби!» Настаетъ опасное время. Хозяйка бережетъ пасхи «якъ свою душу, щобъ воны не засмалылысь, не порепалысь», такъ какъ дыра въ срединѣ пасхи предвѣщаетъ смерть семьянина [1]), а трещина—убыль въ хозяйствѣ: «щось трисне». Никто не долженъ стучать въ это время, особенно дверью, или часто ходить мимо пасокъ. Крайне нежелательна въ это время женщина съ дурнымъ взглядомъ. Одновременно съ пасхами приготовляютъ обыкновенные булки и бухани, калачи—продолговатые, плетеные хлѣбы, стульни—свернутые коржи, пироги съ мясомъ, печонкой и сыромъ; послѣдніе «зъ очыма», т. е. сырь видѣнъ по краямъ, и еще особую просфору съ отпечаткомъ крестика, который носятъ на шеѣ.

Въ составъ праздничнаго стола входятъ окрашенныя яйца въ большомъ количествѣ, отъ 50—300, такъ что иногда въ хозяйствѣ остается лишь немного ихъ для угощенія гостей яичницей. Въ чистый четвергъ моютъ яйца, въ пятницу ихъ галунятъ, т. е. погружаютъ въ растворъ квасцовъ, въ субботу красятъ, вбрасывая въ красную краску (кирку), оранжевую (жовтогарячу) изъ лука, желтую, сдѣланную изъ смѣси квасцовъ, гречневой половы и полевой пехворощи (Artemisia Scoparia. Walst et Kit),

[1]) Тоже замѣчаніе встрѣчается въ сборникѣ Гринченка (Изъ устъ нар. 25).

зеленую—изъ весенней травы (рясту) особенно изъ голубыхъ пролѣсковъ (Scilla bifolia. L.) и темную—въ черный сандалъ (бразолію). Красный цвѣтъ любимый: «Господь показавъ святыть червону крашанку, бо усяке радіе червоному». Можно святить яйца, окрашенныя и въ другіе цвѣта, кромѣ темнаго, «бо нечыстый радуется».

Писанокъ [1]) въ Лубенскомъ уѣздѣ уже почти не дѣлаютъ, да и прежде дѣлали немного «дитямъ похизуваться»,—способомъ, указаннымъ въ изслѣдованіи профессора Н. Ѳ. Сумцова. [2]) На мѣстныхъ писанкахъ встрѣчались орнаменты: геометрическій (безконешныкъ, зубцы, картата, ламане дерево—спираль, хрестыкова, гречкивочка—андреевскіе крестики, крывулечкамы) астральный (зиркова) и растительный (виноградъ, рожа, слывкова, соснова, яблукова). Животнаго орнамента, вообще, не принятаго въ Малороссіи, [3]) не встрѣчалось и на мѣстныхъ писанкахъ; встрѣчалась ли свастика (croix gamées) [4]), точно неизвѣстно: показанія о ней противорѣчивы, а личныя воспоминанія неясны.

О писанкахъ существуетъ слѣдующее повѣрье: хоть цилый годъ вылежыть пысанка и зовсимъ высохне, а на велыкдень буде повна.

Главнымъ мяснымъ блюдомъ воскреснаго стола бываетъ свинина въ видѣ жаркого, сала и колбасъ. Поросенки, очень вздорожавшіе, рѣдко теперь появляются на столѣ въ противоположность пятидесятымъ годамъ, когда, напротивъ, они встрѣчались вездѣ [5]).

---

[1]) О происхожденіи писанокъ приходилось слышать слѣдующее замѣчаніе: «Богъ давъ червону крашанку, а нечыстый каже: спышу ще й кращу и выдумавъ пысанку».

[2]) Писанки. Кіевъ 1891. Въ изслѣдованіи этомъ выяснено, что обыкновеніе красить яйца и одаривать ими извѣстно было персамъ и римлянамъ; вѣрнѣе, однако, допустить, что къ восточнымъ славянамъ оно дошло изъ Византіи съ христіанствомъ. Въ красный цвѣтъ красили яйца въ воспоминаніе о крови, пролитой Спасителемъ и Предтечей (6, 7, 9); рисуются писанки при помощи воска и жестяныхъ кисточекъ разнымъ орнаментомъ (19, 20, 29—46).

[3]) Отличія червонор. и южно-рус. орнам. Кіевъ. 1877 г. 6.

[4]) Интересный символъ плодородія, благословенія, благоденствія. Comte Goblet d'Alviella La migration des symboles. Paris. 1891., 68.

[5]) Маркевичъ. Обыч., повѣр., кухня малор. 5.

И птицы, кромѣ голубей, не рѣжуть къ великодню; она уплачиваетъ подать яйцами. «Гришка курку ризать, що вона дае крашанкы. Вона яечко покрасыла».

Предъ разсвѣтомъ, когда заблаговѣстятъ къ обѣднѣ, хозяинъ или взрослый сынъ идетъ къ церкви со всѣми предметами, подлежащими освященію: саломъ, колбасами, мясомъ, рыбой, [1]) масломъ, сыромъ, пасхой, просфорой, кускомъ хлѣба, [2]) пшеномъ [3]), макомъ, [4]) пшеницей, гречкой, [5]) перцемъ, [6]) хрѣномъ, [7]) солью, [8]) квасцами, [9]) ладаномъ, [10]) восковою свѣчой, [11]) шнуркомъ или ленточкой (стежкою) [12]). Обыкновенно вся семья идетъ въ церковь, а хату запираютъ. Возвратясь изъ обѣдни «съ свяченымъ», хозяинъ первымъ входитъ въ хату, говоритъ: «Христосъ воскресъ!» куритъ ладаномъ и зажигаетъ восковую свѣчу. Разговляются сначала просфорой, потомъ пасхой, крашанками и т. д. Отпивая водки, хозяинъ приговариваетъ: «Христосъ воскресъ! желаемъ доброго здоровья, щобъ Господь дававъ хорошу весну, дощи». Всю свѣтлую недѣлю не полагается поминать мертвыхъ. Имъ оставляютъ

---

[1]) Согласно легендѣ: «Рыбу святять, бо Маты Божа зйила ивреберця рыбы и тоди прыйшла звистка: твій Сынъ воскресъ—и рыба та ожыла». Подробнѣе у Чубинскаго. Тр. экспед. I., в. I, 67.

[2]) Его даютъ ѣсть больнымъ людямъ и животнымъ.

[3]) Прибавляютъ къ корму цыплятъ.

[4]) Имъ осыпаютъ корову въ предупрежденіе порчи.

[5]) Ее бросаютъ въ воду и даютъ умываться больнымъ глазами (хто не дуже очамы зарыть).

[6]) Ѣдятъ въ предупрежденіе слѣпоты.

[7]) Закапываютъ въ мѣстахъ произрастанія осота (Cirsium arvense. Scop), растенія демоническаго происхожденія (Чубинскій. Тр. I, в. I, 81), для уничтоженія его.

[8]) Ѣдятъ при боли желудка.

[9]) Засыпаютъ бѣльма скоту.

[10]) Подкуриваютъ отъ испуга (переполоха).

[11]) Ее зажигаютъ на погостѣ (цвинтарѣ) при освященіи пасхи.

[12]) Носятъ въ предупрежденіе слѣпоты. Почти тѣже предметы освящаются и въ Харьковской губ. (В. Щ. Пища и пит. Малор. 317).

только «тайну мылостыну», т. е. пасху и крашанки въ церкви. Пасха эта потомъ раздается нищимъ и странникамъ. [1]).

На первый день свѣтлаго праздника принято посѣщать бабу и родителей. Входя, посѣтители христосуются съ ними, поздравляютъ съ праздниками и подаютъ крашанки, булку, калачи, колбасу и водку. Праздничный столъ обыкновенно съѣдается въ три дня и замѣняется потомъ обыкновенными скоромными обѣдами, по возможности, съ мясомъ и молокомъ; пасхи же стоятъ всю недѣлю день и ночь на столѣ. Остатки освященныхъ кушаньевъ собираютъ въ мыску и бросаютъ на воду. [2]).

Передъ дарной недѣлей опять красятъ яйца, имѣющія особое поминальное значеніе: «Изъ крашанкы найкращи помынкы. у яечку сорокъ помынкивъ»;—также пекутъ булки и пироги. Три булки, нѣсколько пироговъ и крашанокъ идетъ на панихиду; затѣмъ послѣ служенія—обѣдъ: борщъ, локшину, молочную кашу, сметану, кныши, пироги, узваръ и водку выносятъ на гробкы. Каждый садится у родныхъ могилъ. Сначала кадятъ ладаномъ, потомъ пьютъ и закусываютъ, приглашая и прохожихъ раздѣлить тризну. Попивая, приговариваютъ: «Царство небесне, вишный покой прыставшимъ душамъ: всимъ родытелямъ, сродныкамъ блызькимъ и далекимъ. Лéгко имъ лежать, перомъ землю держать. Посылай, Господы, имъ царство небесне и поставъ мылостыну малу за велыку передъ душею».

Весною, послѣ свѣтлаго праздника, питаніе довольно скудно. На завтракъ бываетъ хлѣбъ съ солью, или остатки кислой капусты и огурцовъ, также пшеный или ячный кулишъ (кашдерь, дубовый). На обѣдъ—борщъ съ зеленью, хмѣлемъ (Humulus lupulus L.), щавелемъ (Rumex acetosa L.), крапивой (Urtica dioica L.), лободой (Atriplex hortensis. L.) и ботвой (Beta vulgsris L.)

---

[1]) См. въ моихъ «Нар. обряд. и пѣсни Луб. у». 171 и «Замѣт. о малор. демонол». Кіевъ 1899 г. 2.

[1]) Вѣроятно, обыкновеніе это заимствовано, какъ и самая пасха, отъ евреевъ, у которыхъ такъ-же не дозволяется оставлять никакихъ остатковъ отъ пасхи. C. Gaberland. Ш. 366.

и каша съ саломъ, молокомъ или олеей. На полдникъ, начинающійся съ 23 апрѣля, дается только хлѣбъ съ зеленымъ лукомъ, а на ужинъ уха или галушки.

Мясо: курица или цыпленокъ бываетъ только на Троицу, когда родственники приходятъ въ гости. Въ четвергъ на зеленыхъ святкахъ, «на росавчынъ великдень» матери, терявшія некрещенныхъ дѣтей (росавокъ, русалокъ), угощаютъ сосѣднихъ ребятишекъ молочной кашей, пирогами или варениками, маленькими коржиками и разведеннымъ медомъ (кануномъ).

Въ первый понедѣльникъ Петровки старѣйшія бабы, одѣвшись въ плахты, собираются къ хозяйкѣ у которой есть корова, говоря: «Нумъ наставлять петривку, щобъ глечыкы не сбигалы». Посреди стола ставятъ онѣ пустой кувшинъ (глечыкъ), вѣнчаютъ его вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, натыкаютъ травами и подвязываютъ красной запаской. Потомъ складываются на водку (гуртову), распиваютъ ее, покусывая коржи и приговаривая; «Дай, Боже, щобъ наши коровы булы дійни, збирни, щобъ глечыки не збигалы, щобъ вершокъ хороше стоявъ», или: «щобъ наши коровы на нашу ходылы и найидалысь и по-багату молока носылы; щобъ мы глекы налывалы, по-багато вершка збиралы, щобъ сыроваткою не пидходылы». Подгулявъ, распѣваютъ петривку, лучше сказать пародію на эти прелестныя пѣсни, въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

Малая ничка петривочка,
Та не выспалась наша дивочка.
До череды гнала тай задримала,
На килочкы ногы позбывала.
Дывніи люде хуторяны,
Що воны сёму дыву дывувалы!
Ще я бачыла ще й дывнише:
Що ракъ-неборакъ цивкы суче,
А муха-горюха йисты варыть,
А комарь джыцыть, воду тащыть.

(Отъ М. Кривоносовой, с. Литвяковъ).

Петривка еще скуднѣе предыдущихъ мясницъ, потому что прошлогодніе запасы вышли, а новые еще не поспѣли. «Якъ оліи нема — шабашъ». Даже борщъ замѣняютъ часто однимъ сыровцомъ, приготовляемымъ такъ: въ кадушку (дижку) бросаютъ: сухари, особые хлѣбы изъ песѣянной муки (млынаи) или только муку и наливаютъ кипяткомъ, потомъ туда же прибавляютъ нѣсколько ложекъ тѣста изъ дижи и ждутъ, покуда жидкость выбродится (выграется) [1]); тогда сыровцомъ наставляютъ борщъ всю весну и лѣто до созрѣванія бураковъ, и ѣдятъ невареннымъ съ примѣсью лука и укропа (холодець). Лѣтнія мясницы, наступающія послѣ Петра и Павла немногимъ лучше поста. «Якъ у кого коровына, то не ввирытся, а якъ нема, то однаково, що истъ». Только съ конца лѣта начинается улучшеніе въ столѣ при помощи овощей и фруктовъ. Къ обѣду вмѣсто каши варится часто тыква, горохъ, фасоль, кукуруза. На полдникъ къ хлѣбу прибавляютъ: огурцы, сливы, дыни, арбузы, лѣспыя груши:— «Спасивка-ласивка». На Спаса (6 августа) освящаютъ въ церкви: медъ, грушы и яблоки. Люди, терявшія дѣтей, въ память о нихъ раздаютъ фрукты чужимъ дѣтямъ у самой церкви или дома. На обѣдъ въ этотъ день бываетъ борщъ съ рыбой, пироги или вареники съ фасолью или картофелемъ. Особенность обѣденнаго стола «на головосика» (29 августа, усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя) заключается въ томъ, что борщъ въ этотъ день замѣняютъ супомъ для того, чтобы головки капусты видомъ своимъ не напоминали отрубленную голову. Нельзя также ничего рѣзать въ этотъ день: ни арбуза, ни хлѣба, ни рубить капусту. По повѣрью, приведенному Маркевичемъ [2]), на срубленной въ этотъ день капустѣ видна кровь; а женщина, срубивъ головку капусты, увидѣла вмѣсто нея голову своего ребенка [3]). По одинаковымъ

---

[1]) Съ примѣсью хмѣля и мяты къ сыровцу получаютъ брагу.— Въ статьѣ В. Щ. «Пища и пит. малор.» 280, приведено повѣрье, что въ сдѣланномъ въ четвергъ (кромѣ «чистаго») сыровцѣ. купается дьяволъ.

[2]) Обыч., пов., кух. 18.

[3]) Чубинскій. Тр. экси. III. 254.

же основаніямъ великороссы не варятъ 29 августа щей [1]). Съ 1 сентября, когда дни становятся короче, отмѣняется полдникъ. Народная память крестьянъ с.с. Волчка и Бересточи сохранила старую поговорку на этотъ случай: «за Семена не бувае полудня: кобыла зайила въ вивси полудень». Въ поговоркѣ этой заключено воспоминаніе о хлѣбномъ духѣ или божкѣ, скрывающемся при концѣ жатвы въ послѣдней полосѣ или послѣднемъ снопѣ, особенно часто изображаемомъ во Франціи въ видѣ кобылы. Въ Берри, напримѣръ, полдневный (médion) отдыхъ жнецовъ на полѣ называется voir la jument [2]). Около этого же времени хозяйки начинаютъ квасить бураки для замѣны сыровца болѣе вкуснымъ бураковымъ квасомъ. Нельзя скребти бураковъ на третьей лунной четверти, вблизи мертваго тѣла, и женщинѣ въ менструаціяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ квасъ былъ бы горькимъ и бураки сгнили бы. Нужно квасить на первой четверти (якъ на остерби мисяць) такимъ пріемомъ. Дижку, назначенную для бураковъ, слѣдуетъ накурить ладаномъ, на дно ея положить крестикъ изъ гречаной соломы и кусочекъ ржаного хлѣба, потомъ очищенные (поскребены) бураки, налить водой и накрыть кружкомъ; потомъ снимаютъ только пѣну. Не хорошій признакъ, если бураки побѣлѣютъ (зминятся): «Або хто буде болить, або вмре, або-жъ буде случай». Поправляютъ обезцвѣченный квасъ, бросая въ него первый спеченный, еще горячій хлѣбъ, и мѣшая лопатой трижды навкрестъ. Позже, съ Покровы, послѣ нѣсколькихъ морозовъ шаткуютъ капусту, иногда съ помощью сосѣдокъ. «Якъ на другу кватырю поверне, тоди шаткувать капусту: вона хороша буде». Кадушку относятъ въ погребъ, тамъ окуриваютъ ладаномъ, застилаютъ дно листьями капусты, потомъ хозяйка набиваетъ туго порѣзанную капусту въ кадь и солитъ. Разомъ съ капустой кладется перецъ, лавровый (лавривъ) листъ, яблоки, груши, изрѣдка ар-

---

[1]) Даль. О повѣр. рус. нар. 102.

[2]) J. Van den Gheyn Essais de mythol. et de philol. comp. 63.—L. Marillier. „M. Frazer et la Diane de Nemi". Рецензія въ Revue de l'ist. des relig. Paris. 1892. T. XXV. 83.

бузы. При помощи заготовленныхъ, такимъ образомъ, запасовъ «Пелыпивка» проходитъ въ пищевомъ отношеніи лучше другихъ постовъ до самаго Рождества. Кутю наставляютъ «непочатою» водою въ новыхъ горшкахъ наканунѣ святвечера, потому что ячныя зерна долго разваривaются. «Кутя кыпыть безъ путя» [1]). Во время кипѣнія дѣвушки, а не женщины, должны мѣшать кутю ложкой. Тогда же наставляютъ и узваръ. Ужинъ съ рыбой и разными пирогами приготовляется на самый святвечиръ [2]). Самъ хозяинъ ставитъ кутю и узваръ на покутя въ сѣно. Предъ ужиномъ онъ же куритъ ладаномъ и зажигаетъ восковую свѣчу.

Ужинъ начинаютъ съ нѣсколькихъ зеренъ кути, потомъ хозяинъ, отпивъ водки, произноситъ: «Дай, Боже, на викъ, на здоровья, на благополучіе. Легко згадается усимъ роднымъ, де хто жывый повертается. Царство небесне батькамъ и матерямъ, дидамъ и бабамъ и всимъ родытелямъ [3]). Часть ужина дѣти (вечерныкы) относятъ старшимъ родственникамъ, кумамъ, бабѣ; часть оставляютъ на ночь усопшимъ родичамъ. «Якъ не положыть нычого, а одни тилькы мыскы, ложкы, то тарабанытыме усю ничъ» [4]).

---

[1]) О кутѣ есть такое же повѣріе, какъ о кашѣ: «Якъ кутя верхъ выведе, то добре, а якъ западе—на вмируще».

[2]) Рождественскіе праздники изложены мною здѣсь сжато въ виду существованія двухъ сочиненій о празднованіи ихъ въ Лубенскомъ у.; 1, М. Т. Симонова «Риздвяни святки» въ Основѣ 1861 г., 2, моихъ «Рождеств. святки въ сѣв. части Луб. у.».

[3]) Вар. у Номиса. Укр. прык. 226.

[4]) Жертвенное и поминальное значеніе кути доказывается прежде всего самимъ родомъ зерна, изъ котораго она приготовляется—ячменемъ, издавна употреблявшимся при религіозныхъ церемоніяхъ (Regner. Arkezbau der Alten. 184); затѣмъ помѣщеніемъ кути на сѣнѣ, подобно тому, какъ древне-индѣйскія жертвенныя кушанья ставились на священную траву (C. Gabezland. Ueber Gebr. und Aborgl beim Essen. 371); сходными обыкновеніями различныхъ народовъ, наприм. римлянъ, приносившихъ жертвы предкамъ во время календъ, нонъ и идъ каждаго мѣсяца, и удѣлявшихъ ларамъ часть трапезы (Спенсеръ основ. соціол. I, 317, примѣч.), оставленіемъ части рождественскихъ блюдъ душамъ и духамъ во Франціи, Богеміи, Силезіи и Сербіи (Gaberland 272). Между прочимъ по древнѣйшимъ египетскимъ вѣрова-

Рождественскій обѣдъ состоитъ изъ борща и локшины со свининой [1]), какъ и всѣ послѣдующіе обѣды до новаго года. Это время оживляется хорами дивчатъ, распѣвающихъ слѣдующія колядки и щедривки.

1.

Пане́ господарю! що на твоимъ двори
Тры столы стояло, тры кныгы лежало,
Тры свичи палало, тры святихъ сыдило,
Тры кныгы чыталы, трое святъ казалы.
Що первое свято—святое ро́жество,
А другее свято—святый Васылій,
А третее свято—самъ Иванъ Хрестытель.
Святое ро́жество намъ радость прызнесло,
Святое Васылля на многое лито,
Иванъ Хрестытель воду освящае,
Воду освящае, людей очыщае.
Пане господарю! ты не самъ собою,
Не самъ собою зъ дитками, зъ женою.
Зъ диткамы, женою, зъ усимъ своимъ родомъ.
Ой, радуйся земле, свите веселыся:
Сынъ Божій народывся!

(Въ 1900 г. въ с. Шершневкѣ). Варіантъ у Чуб. (Тр. эксп. III, № 67, стр. 337) кратче.

2.

Ой, у Ерусалыми рано задзвонылы.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ,

ніямъ мертвецы, лишенные жертвы, отнимаютъ пищу насильно, а не находя ее, поѣдаютъ грязь и нечистоты (Dr. A Windemann Die Toten und ihre Reiche im Glauben der alten Aegypter Leipzig. 1900. 25).

[1]) Свинина у римлянъ была праздничнымъ и поминальнымъ кушаньемъ, у грековъ жертвеннымъ въ культѣ Деметры (Reynier. Ackerbau. 262. Липпертъ. Истор. культуры. 82).

Добримъ людямъ на здоровье.
Що дива Марія сына й уродыла,
Вона й уродыла та й не охрестыла.
Прыйихалы паны зъ чужои стороны
Та й сталы гадаты: яке ёму имя даты?
Далы ёму имя святее Илля.
Матка сёго имя та й не возлюбыла.
Далы ёму имя пресвяте Васылля.
Матка за се имя поблагодарыла.

(Въ 1900 г. отъ коз. с. Юсковецъ, Горпины Сеньковой).

3.

Жыдивськый край, жыдивщына
Туды збиралася вся жыдова.
Радылы раду жыдивську,
Якъ намъ Христа уловыть.
А вловывшы умертвыть?
Вапною умывалы,
Ожыною вытыралы,
А шепшыною пидперезалы.
Терновый винокъ на голову клалы.
На древо роспыналы.
Гвоздямъ рукы прыбывалы,
А пидъ древомъ кровъ спускалы.
Анголы чаши пидставлялы,
Хрыстовои крови въ землю не пускалы.
Прыйшла къ ёму Божая Маты,
Божая Маты, дива Марія.
«Ой, сыну мій и Боже мій!
Чы на викы жъ ты помираешъ?»
— Маты моя, дива Марія,
Я не навикы помираю,
За праведни души страсть прыймаю.
Прынявъ Хрыстосъ мукы й раны

За праведни души хрыстіяны.
Алилуй, алилуй! Господы помылуй!

(Записана въ 1895 г. отъ кр. х. Тернавщины, Софіи Писаренковой). У Чубинскаго въ Труд. экспед. т. III, № 90, 366, варіантъ гораздо кратче.

4.

Ой, вы вечоры,—ой дежъ вы булы?
Ой дежъ мы булы?—на Осіянськихъ горахъ.
Аминь, аминь, алылуя.
Ой, вы вечоры, що-жъ вы робылы?
Що-жъ мы робылы?—кружа кружылы,
Кружа кружылы, церкву строилы.
Церкву строилы зъ трёма банямы,
Зъ трёма банями, зъ трёма й гробамы.
Що въ первомъ гроби Ісусъ Хрыстосъ лежыть,
А въ другимъ гроби—святый Мыколай,
А въ третимъ гроби—дива Марія,
Аминь, аминь, алылуя дива Марія!
Надъ Ісусомъ Хрыстомъ свичи палають,
Надъ Мыколаемъ та й незгасаютъ,
Надъ Маріею рожа процвила.
А съ тіи рожи та вылитавъ птахъ.
Не есть же то птахъ, ой то сынъ Божый!
Аминь, аминь, алылуя сынъ Божый!
Ой, то сынъ Божый людей намножывъ!
Аминь. аминь, алылуя людей намножывъ.

(Отъ кр. м. Снѣшина Николая Ивахненка).

5.

Добрывечиръ пане-господару!
Благословить Хрыста славыть.
Ой, янголы, арханголы!
На святый вечиръ Меланію.

Меланія пребагата
Дай на церковъ срибла-злата.
Не жалила бъ удилыты,
Щобъ було церковъ оббилыты,
И за отця, и за неньку,
И за себе, молоденьку.
Боронь Боже наше стадку,
Щобъ не було вамъ упадку;
Якъ вы дасте намъ удвое,
То Богъ дасть вамъ ажъ утрое!

(Въ 1900 г. въ с. Шершневкѣ).

6.

Ой, добрый вечиръ, пане хазяинъ!
Мы навидалы хорошого сына у тебе.
Соколе ясный, панычку красный, Мыколо!
Нема дома десь у гетмана;
Десь у гетмана городъ городыть.
Загородывъ тры городочкы:
Що первый городъ, що изъ царямы,
А другый городъ—изъ панамы,
А третій городъ—изъ мужыкамы.
Що изъ царямы медъ-выно пыты,
А изъ панамы сады садыты,
А зъ мужыкамы хлиба робыты.
Мы жъ тебе, Мыколко, не понижаемъ,
Съ празникомъ рожествомъ поздоровляемъ.

(Отъ коз. м. Лукомья, Катерины Норовой).

7.

У нашого пана та выросло древо:
Сребряне гилля, а золота кора.
Тамъ панъ хазяинъ ходыть, ружо заряжа;
Ружо заряжа, сокола стреля.

— Ой, не стреляй ты мене, пане хазяину!
То я тоби стану въ велыкій прыгоди:
Якъ будешъ женыться, то я твою мылу
Крылечкамы вкрыю
Тебе молодого, коня вороного.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Пятигорецъ Варвары Карпенковой). Вар. въ моихъ Рожд. святкахъ сѣв. части Луб. у., 18.

8.

По-за садомъ, садомъ,
Садомъ-виноградомъ,
Дивка Мотрушка садъ садыла;
Садъ садыла, выномъ полывала;
Выномъ полывала, ще й Бога прохала:
Роды, Боже, яблучка й оришкы.
Яблучкамы пидкыдатысь,
Оришкамы осыпатысь.

(Въ 1900 г. отъ кр. м. Снѣтина Даріи Сизоненковой, 18 л.) Болѣе подробный варіантъ у Н. Маркевича: Обычаи, повѣрья, кухня малорос. Кіевъ. 1860 г., 26, 27.

9.

Ой, мосту, мосту,
Калына въ лысту.
Калыно моя!
Луженькы вода поняла.
А тамъ стояла шынкивля нова,
Та тамъ у неи тры козакы пье.
Що первый же пывъ—коныка пропывъ,
А другый же пывъ—сидельце пропывъ,
А третій же пывъ—перснычокъ пропывъ.
Перснычокъ узяла, сама надила;
Коныка взяла, братику ддала.
Сидельце взяла, батеньку ддала.

(Отъ Н. Щербиневой). Чуб. т. 3, № 118, стр. 391—вар. отдаленный.

10.

Ой, выйды, дядьку, щось тоби Богъ давъ.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Прывела корова полового быка,
Прывела вивця чорного барана.
Половымъ быкомъ у Крымъ ходыты,
У Крымъ ходыты силь возыты,
А чорнимъ бараномъ вивци плодыты.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!

(Отъ кр. м Снѣтина Николая Ивахненка).

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гоголь какъ художникъ.

Личность Гоголя представляетъ высокій, разносторонній и почти неисчерпаемый интересъ и во многомъ является любопытной психологической загадкой, разрѣшеніе которой, при всей трудности, необыкновенно завлекательно. Не только любитель и знатокъ литературы, но и моралистъ, медикъ, психологъ, каждый въ своей сферѣ изученія найдетъ себѣ обильную жатву въ судьбѣ и сочиненіяхъ Гоголя. Если иныя стороны его замкнутаго и необщительнаго характера могутъ представляться не вполнѣ симпатичными для нѣкоторыхъ, то трудно назвать другое имя, съ которымъ было бы связано столько важныхъ и любопытныхъ психологическихъ вопросовъ, и которое напоминало бы о такой трагической судьбѣ великаго генія. Но этого мало: всѣмъ памятенъ роковой конецъ Гоголя, а сколько горя испыталъ онъ при жизни, сколько на него сыпалось ожесточенныхъ упрековъ и безпощадной брани за изображеніе темныхъ сторонъ жизни! Но въ настоящую минуту насъ занимаетъ Гоголь какъ художникъ и къ обзору его литературной дѣятельности мы и обратимся.

Трудно было сначала Гоголю, какъ и многимъ молодымъ людямъ, опредѣлить свое призваніе. Первые шаги часто бываютъ ошибочны; не избѣгнулъ и Гоголь этой почти общей участи. Великіе писатели также не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія и не всегда сразу находятъ настоящую дорогу. Не странно ли, что Крыловъ дебютировалъ въ литературѣ ходульными ложно-

классическими пьесами? Гоголь, еще далекій отъ мысли считать литературу своимъ призваніемъ, началъ сперва писать стихи вслѣдствіе потребности излить свои чувства и юношескія мечты. По смерти отца онъ пишетъ маленькое стихотвореніе «Непогода», которое было внушено ему его горемъ, а спустя нѣкоторое время увлекается случайно попавшейся ему книгой и пишетъ «Ганца Кюхелгартена».

Гоголю тогда еще, очевидно, не приходила мысль черпать матеріалъ для своихъ сочиненій изъ окружающей жизни; онъ былъ занятъ собственнымъ внутреннимъ состояніемъ, и вмѣсто того, чтобы написать небольшое лирическое стихотвореніе, задумалъ украсить свои юношескія изліянія нарядной рамкой, которою и послужилъ для него заимствованный сюжетъ. Первый блинъ вышелъ комомъ, и Гоголь поспѣшилъ предать огню этотъ плодъ своей музы. Послѣ этого, совершенно случайно, уже переселившись въ Петербургъ, подъ вліяніемъ матеріальной нужды, замѣтивъ, что въ столицѣ многихъ интересуетъ все малороссійское, онъ рѣшился воспользоваться такой счастливой возможностью выпутаться изъ затруднительнаго положенія и пишетъ «Вечера на хуторѣ», которымъ ни тогда, ни послѣ не придавалъ особеннаго значенія. Теперь ему уже не нужно было ходить за вдохновеніемъ въ чужую страну; онъ просто выбираетъ центромъ дѣйствія своихъ разсказовъ знакомыя съ дѣтства родныя Сорочинцы, Миргородъ, Диканьку, и рисуетъ близкій ему, простой малороссійскій бытъ. Здѣсь передъ читателемъ проходятъ уже разнообразные и чрезвычайно живые и занимательные типы: безпечный и лѣнивый украинецъ, отчасти комикъ по натурѣ, статный, бравый паробокъ, удалый, отчаянный запорожецъ, обаятельная своей свѣжей, дѣвственной красотой молодая дѣвушка и ворчливая, отцвѣтшая старуха и въ добавокъ иногда еще запоздалая кокетка, типы винокура, головы, дьячка,—вообще міръ совершенно демократическій. Уже въ «Вечерахъ», въ этомъ благоухающемъ вешнемъ цвѣткѣ Гоголевскаго творчества, мы видимъ смѣлую кисть мастера, а бьющая ключомъ, захватывающая веселость юности невольно плѣняетъ читателя: съ истинно поэтиче-

скимъ воодушевленіемъ авторъ рисуетъ картины Днѣпра и украинской ночи, и дѣда своего разсказчика, и безподобнаго дьячка Ѳому Григорьевича, «который всегда приметъ васъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна, за которое онъ платилъ въ Полтавѣ чуть не по шести рублей за аршинъ» и «отъ сапогъ котораго никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя». И вообще «Вечера» такъ и дышатъ свѣтлымъ юморомъ. Неподражаемо рисуетъ Гоголь наивное изумленіе кузнеца при въѣздѣ въ столицу: «съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ домы устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господъ, въ крытыхъ суконъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства!» подумалъ кузнецъ. «Я думаю, каждый, кто ни проѣдетъ по улицѣ, то и засѣдатель, засѣдатель! А тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ—когда не городничіе, то, вѣрно, коммиссары, а можетъ быть, еще и больше». Или: «кузнецъ уже хотѣлъ было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ только медъ да сало и тому подобное; но почувствовалъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока и рѣшился замолчать». Здѣсь на каждомъ шагу оригинальная поэзія и беззаботный смѣхъ, пока еще не омраченный скорбью о людской пошлости.

Но жизнь полагаетъ свою тяжелую руку и на генія, такъ же, какъ и на обыкновенныхъ людей, и въ «Миргородѣ», продолженіи «Вечеровъ», при такой же роскоши богатой фантазіи чувствуется уже другое настроеніе, и каждый изъ четырехъ разсказовъ, составляющихъ книгу, окрашенъ какимъ-то траурнымъ колоритомъ, при чемъ печаль соединяется обыкновенно съ какимъ-то трогательнымъ раздумьемъ, которымъ явно побѣждается веселый юморъ. Вспомнимъ похороны Пульхеріи Ивановны: «Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашенкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ» и проч. Это описаніе послѣ словъ: «покойницу понесли, наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ»

производитъ невыразимо грустное впечатлѣніе, Еще болѣе трогательны предсмертныя заботы Пульхеріи Ивановны о любимомъ мужѣ: «смотри мнѣ, Явдоха, когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя». Но особенно трогательны послѣ этого слова автора: «бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставила сирымъ и безпріютнымъ».

Изучая Гоголя, мы восхищаемся его необычайно оригинальнымъ и глубокимъ дарованіемъ, представляющимъ неистощимый источникъ эстетическихъ наслажденій, но особенно хороши у него тѣ мѣста, въ которыхъ затрогивается задушевное чувство и гдѣ читателемъ невольно овладѣваетъ грустное раздумье. Съ ранняго дѣтства и до гробовой доски не мирился Гоголь съ тѣмъ безотчетнымъ существованіемъ, которымъ такъ легко удовлетворяется великое множество людей, и всю жизнь онъ, какъ могъ и умѣлъ, искалъ лучшей и болѣе достойной цѣли, страдая отъ тяжелыхъ нравственныхъ мукъ, и это безпокойное исканіе идеала и составляетъ самую привлекательную черту его личности и творчества. Онъ осмѣивалъ житейскую пошлость, но не злымъ, безпощаднымъ смѣхомъ, а сокрушался о ней въ душѣ и имѣлъ полное право сказать, что онъ смѣется сквозь слезы. Если бы Гоголь не жилъ такой богатой внутренней жизнью, то не могли бы его сочиненія такъ сильно дѣйствовать на чувство и такъ глубоко затрогивать за живое. Но, рисуя окружающую дѣйствительность со всею ея пошлостью и недостатками, онъ вовсе не относился къ ней безучастно, и за всѣми изображаемыми имъ мелочами жизни въ его произведеніяхъ всегда сказывается тонко и глубоко чувствующая личность автора, что и даетъ такую чудную жизнь его созданіямъ. Читая Гоголя, мы любуемся его не-

обыкновенной наблюдательностью въ изображеніи лицъ и явленій жизни. Но главное, что всему придаетъ смыслъ и значеніе, благодаря чему мелочи повседневной жизни не остаются только ничтожными и смѣшными, заключается, конечно, въ живомъ отношеніи автора къ человѣку къ его душевному міру, хотя бы и порочному и пошлому, и въ его по истинѣ прекрасномъ смѣхѣ сквозь слезы. Эта задушевность автора незамѣтно передается читателямъ и волшебнымъ свѣтомъ озаряетъ кучу мелкихъ наблюденій, которыя иначе никогда не получили ни такой магической силы. Юморъ Гоголя возбуждаетъ не только смѣхъ, но и жалость и глубокое участіе къ человѣку. Приведемъ примѣры. Въ повѣсти «Портретъ» прекрасное описаніе картинной лавочки, возвращенія художника домой, описаніе его убогой обстановки и студіи, появленіе квартальнаго и проч.; но вамъ невольно сообщается глубокая сердечная скорбь автора за сбившагося съ истиннаго пути художника, и особую красоту особый, смыслъ всему придаютъ тонкіе трагическіе штрихи, вкрапленные въ описаніе будничнаго комизма повседневной жизни. «Художникъ ловилъ всякій оттѣнокъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами»—говоритъ Гоголь, разсказывая о томъ, какъ онъ рисовалъ портретъ молоденькой барышни—аристократки, — «и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери: «ахъ, зачѣмъ это? Это не нужно», говорила дама: «у васъ тоже... вотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно, какъ темныя пятнычки», Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составляютъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются, и что это ему только такъ кажется. «Но позвольте здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской», сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили». Какъ прелестна здѣсь эта встрѣча комическаго съ самымъ настоящимъ трагизмомъ: мы уже присутствуемъ при началѣ нравственнаго паденія способнаго художника

дѣлающаго, ради денегъ и славы первую уступку людской пошлости, за которой не замедлятъ послѣдовать и другія, а затѣмъ ему останется только катиться внизъ по наклонной плоскости, и мы уже предвидимъ его жалкій конецъ. Описывая далѣе обманчивый внѣшній, хотя и громкій успѣхъ художника, Гоголь снова юмористически рисуетъ пошлость, но читателю уже ясенъ трагическій смыслъ повѣсти. Наконецъ наступаетъ сильный трагическій моментъ передъ картиной молодого художника, который добросовѣстно обработалъ свой талантъ, и въ душѣ Черткова вдругъ жаркимъ пламенемъ вспыхнуло позднее раскаяніе, когда дѣла поправить было уже нельзя, и ему осталось только содрогаться и страдать отъ сознанія, что легкомысленно и безжалостно онъ загубилъ свое дарованіе. Вообще, если позволительно употребить старинное, любимое выраженіе Бѣлинскаго, паосъ Гоголя заключался или въ восторженномъ очарованіи, какъ, напр., въ «Днѣпрѣ», или же въ чувствѣ содроганія, когда ему, по выраженію Шекспира, за человѣка становилось страшно. Трагическія ноты у Гоголя всегда вдругъ озаряютъ нарисованную картину новымъ чуднымъ блескомъ. Обыкновенно отмѣчаютъ, вслѣдъ за Бѣлинскимъ, лирическія мѣста въ поэмѣ «Мертвыя Души», но ихъ не мало и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ и особенно въ «Тарасѣ Бульбѣ». Таково, напр., размышленіе Тараса передъ трупомъ убитаго сына, начинающееся словами: «и погибъ казакъ!» Или въ «Шинели»: «Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главу сильныхъ міра сего!» Сколько здѣсь прекраснаго, гуманнаго чувства, и какъ сильно это лирическое мѣсто въ повѣсти!

Въ подобныхъ мѣстахъ Гоголь захватываетъ читателя, и хотя и во все остальное время онъ не остается безучастнымъ къ героямъ разсказа, но здѣсь онъ, такъ сказать, поднимаетъ завѣсу и прямо говоритъ отъ своего лица, какъ и при изображеніи раскаянія одного изъ болѣе порядочныхъ и добрыхъ сослуживцевъ бѣднаго Акакія Акакіевича въ безсердечномъ обращеніи съ нимъ: «И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ»...

Больше и ярче всего бросается въ глаза въ сочиненіяхъ Гоголя его сокрушеніе о людской пошлости и нравственномъ ничтожествѣ; такъ всегда и понимали его «смѣхъ сквозь слезы»; но порой встрѣчаются у него и просто слезы, уже не соединенныя съ смѣхомъ, когда онъ выражаетъ сочувствіе незаслуженному горю, и эти мѣста у него также прелестны. Такъ, превосходно его описаніе чувствъ матери въ первой главѣ «Тараса Бульбы», и также въ слѣдующихъ строкахъ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, гдѣ тоже изображается материнское горе: «Не по одному козаку взрыдаетъ старая мать, ударяя своими костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между ними одного милѣйшаго изъ всѣхъ». Правда, это чудное мѣсто было внушено Гоголю народной козацкой думой «о выходѣ на линію» и другою «Ивась Коновченко», но, какъ самостоятельная переработка разныхъ пѣсенъ, оно также свидѣтельствуетъ о характерѣ творчества Гоголя. Какъ трогательно передано здѣсь чувство повтореніемъ нѣсколькихъ простыхъ, но многозначительныхъ словъ и какой яркій образъ создается благодаря двумъ-тремъ выразительнымъ эпитетамъ: «ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси» и «распознавая каждаго въ очи»—выраженія, которыхъ нѣтъ въ названныхъ думахъ--здѣсь цѣлая картина; а простой, заурядный

эпитетъ «сердечная» какъ усиливаетъ впечатлѣніе! И какъ это трогательное изображеніе несчастной матери погибшаго козака, промелькнувшее среди суровыхъ и грозныхъ картинъ битвы, вноситъ въ разсказъ живое разнообразіе и дополняетъ уже произведенное на читателя впечатлѣніе! Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы Гоголь прекрасно изображаетъ глубокое раздумье Остапа и Андрія по поводу полученнаго каждымъ изъ нихъ образа изъ дому отъ матери. Еще выше и сильнѣе трагическій тонъ—въ тѣхъ строкахъ, гдѣ раздумье молодыхъ казаковъ вдругъ переходитъ въ раздумье самого автора и послѣднее выражено съ такой силой, задушевностью и глубокой поэзіей, что невольно хватаетъ за сердце. Тутъ, вдругъ, словно молніей, на мгновеніе озаряется вся картина, и затѣмъ, послѣ чудной вспышки лиризма, авторъ снова возвращается къ прежнему спокойному тону повѣствованія. Вотъ все это мѣсто: «надѣли на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припоминая старую мать. Что-то пророчитъ и готовитъ имъ это благословеніе? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой, на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же... Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно передъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы не распознавая въ очи другъ друга, голубка—не видя ястреба, ястребъ—не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей погибели»... Также въ другомъ мѣстѣ поэмы: «но не вѣдалъ Тарасъ, что готовитъ Богъ человѣку завтра». Напомню еще превосходное описаніе смерти Кукубенка въ «Тарасѣ Бульбѣ»: «и хлынула ручьемъ молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стекляномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги: поскользнулись тутъ же у входа и разбили дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его про лучшій случай въ жизни, чтобы, если приведетъ Богъ на старости лѣтъ встрѣтиться съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть съ нимъ вмѣстѣ прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человѣкъ». Наконецъ, есть у Гоголя

такія мѣста, гдѣ изъ обѣихъ основныхъ стихій его поэзіи, лиризма и юмора, первый беретъ рѣшительный перевѣсъ и заходитъ такъ далеко, что наконецъ нарушается обычное равновѣсіе этихъ элементовъ даже въ ущербъ реальному изображенію. Такъ въ превосходной патетической сценѣ между Андріемъ и папочкой не вполнѣ натуральны эффектныя и длинныя тирады ими произносимыя,—такъ, покрайней мѣрѣ, полагали нѣкоторые критики, но тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ иное достоинство: здѣсь мы имѣемъ дѣло какъ бы съ отрывкомъ изъ прекрасной лирической поэмы и не достаетъ только стихотворнаго размѣра. Такіе же элементы поэмы по высокому подъему настроенія мы находимъ и во многихъ другихъ мѣстахъ «Тараса Бульбы», начиная съ неподражаемаго изображенія обаянія, произведеннаго на душу Андрія въ костелѣ звуками органа. «Величественный ревъ органа наполнилъ вдругъ всю церковь; онъ становился гуще и гуще, разростался, перешелъ въ тяжелые раскаты грома, и потомъ вдругъ, обратившись въ небесную музыку, понесся высоко надъ сводами, своими поющими звуками, напоминавшими тонкіе дѣвичьи голоса, потомъ опять обратился въ густой ревъ и громъ, и затихъ. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа подъ сводами, и дивился Андрій съ полураскрытымъ ртомъ величественной музыкѣ». Религіозное чувство Гоголя, производящее сравнительно слабое впечатлѣніе въ «Перепискѣ съ друзьями», кромѣ прекрасной статьи «Свѣтлый праздникъ», въ увлекательной формѣ передано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Тараса Бульбы», напр. въ описаніи смерти Кукубенка: «и вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли къ небесамъ. Хорошо будетъ ему тамъ. «Садись, Кукубенко, одесную Меня!»—скажетъ ему Христосъ: «ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ Мою церковь».

Всѣ такія лирическія мѣста имѣютъ большое значеніе и какъ одно изъ средствъ проникнуть во внутренній міръ автора, такъ какъ въ нихъ несомнѣнно отражаются самыя сильныя и интимныя его чувства. Между произведеніями Гоголя и внѣшними фактами его біографіи со временемъ будетъ перекинутъ

мость, но предварительно должны быть тщательно изучены внѣшніе факты, чтобы получить прочную почву для выводовъ, а затѣмъ уже можно попытаться на основаніи лирическихъ мѣстъ и вообще произведеній, глубже проникнуть въ душу поэта. О Гоголѣ, какъ и о другихъ писателяхъ, сохранилось множество воспоминаній, но недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что, даже при безусловно полной добросовѣстности авторовъ,—а это не всегда бываетъ,—они неизбѣжно получаютъ субъективную окраску и очень часто страдаютъ односторонностью и случайностью впечатлѣній, и вообще, мы имѣемъ здѣсь дѣло не непосредственно съ самимъ Гоголемъ, но видимъ его сквозь призму посредника, третьяго лица. Но и здѣсь также есть опасность увлечься апріорными, т. е. недостаточно обоснованными и провѣренными соображеніями, почему и слѣдуетъ къ такимъ выводамъ приступать съ особенной осторожностью и лишь послѣ самаго обстоятельнаго изученія внѣшнихъ фактовъ. Все это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Гоголь сталъ собственно въ непосредственной формѣ высказывать свои взгляды и убѣжденія только въ послѣдніе годы своей жизни, сперва въ личной перепискѣ, а затѣмъ и въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». До изданія этой книги Гоголь говорилъ съ публикой исключительно художественными образами, а потому она была совершенно не посвящена въ его міросозерцаніе. Когда же она наконецъ была введена въ его внутренній міръ, то всѣ были изумлены и поражены. Контрастъ показался слишкомъ разительнымъ: въ первой половинѣ литературной дѣятельности Гоголь являлся глубоко чувствующимъ и замѣчательно наблюдательнымъ и оригинальнымъ художникомъ—и вдругъ выступилъ утомительный и сухой резонеръ. Получалась какая-то двойственность, теперь уже достаточно разъясненная, но для современниковъ совершенно непонятная. Еслибы предположить, что Гоголь не дожилъ бы до «Переписки съ друзьями», то недоумѣніе потомства было бы еще труднѣе разсѣять, и можетъ быть, казалось бы совершенно невѣроятной рѣзкая разница между характеромъ его произведеній и писемъ; и наоборотъ, еслибы Гоголь вздумалъ по какому-нибудь случаю высказывать свои

убѣжденія раньше пресловутой «Переписки», то онъ былъ бы для всѣхъ несравненно понятнѣе.

Но возвратимся къ произведеніямъ Гоголя.

Въ комедіяхъ Гоголя мы находимъ новый, еще почти небывалый элементъ. Имѣя достойнаго предшественника только въ лицѣ Грибоѣдова, создавшаго, впрочемъ, единственную капитальную вещь, онъ вступилъ на поприще изображенія въ драматической формѣ ежедневной жизни. Мелочность и пошлость еще рельефнѣе выступаютъ въ комедіи, нежели въ повѣсти. «Что если въ самомъ дѣлѣ городничій потащитъ меня въ тюрьму?» говоритъ Хлестаковъ. «Что жъ, если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купчихой»; или его знаменитое: «удалимся подъ сѣнь струй». А какова Марья Александровна въ «Отрывкѣ»: «Губомазова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ говоритъ, и нарочно такъ, чтобы я слышала,—а я сижу третьею: «я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Я рада, что мой Алексисъ не носитъ этого скверная фрака». Ужъ какъ онъ хочетъ, а я употребляю всѣ старанія, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть черезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ!» Или это наивное восхищеніе почтмейстера въ «Ревизорѣ» описаніемъ бала въ одномъ изъ задержанныхъ имъ у себя писемъ: «Жизнь моя, милый другъ, течетъ, говоритъ, въ эмпиреяхъ; барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ! «Съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ!». Въ «Утрѣ дѣлового человѣка» Иванъ Петровичъ и Александръ Ивановичъ, якобы дѣловые люди, поспоривши о томъ, кто какую карту сбросилъ, собираются вмѣстѣ ѣхать за разрѣшеніемъ спора къ своему общему знакомому и, вѣроятно, сослуживцу Лукьяну Ѳедосѣевичу. А какъ живо изображеніе хлопотуна Кочкарева и робкаго, нерѣшительнаго Подколесина, безпардоннаго Яичницы и жеманной Агаѳьи Тихоновны, а въ «Игрокахъ» заманиваніе мнимаго молодого Глова расторопнымъ и продувнымъ пронырой Утѣшительнымъ! Богатство и разнообразіе типовъ въ комедіяхъ Гоголя изумительны. Другіе наши

величайшіе драматурги отмежевали себѣ какую-нибудь одну сферу: Грибоѣдовъ изобразилъ, хотя и геніально, только московское общество двадцатыхъ годовъ въ своемъ «Горѣ отъ ума» (остальныя его произведенія имѣютъ мало значенія), Островскій, главнымъ образомъ, купечество; у Гоголя же спеціализаціи въ его пьесахъ нѣтъ.

Наконецъ,—«Мертвыя Души», главное созданіе нашего писателя. Великій восторгъ, но вмѣстѣ и глубоко грустное чувство возбуждаетъ воспоминаніе объ этомъ произведеніи. Здѣсь во всемъ блескѣ раскрылся талантъ автора, нарисовавшаго въ первомъ томѣ грандіозную картину необыкновенной яркости; талантъ автора достигаетъ здѣсь полной зрѣлости; съ другой стороны, тѣже «Мертвыя Души» были могилой его таланта или, по выраженію Аѳенкова, «подвижнической кельей, изъ которой его вынесли бездыханнымъ». Съ годами все серьезнѣе и глубже смотритъ Гоголь на свое творчество: отъ веселыхъ, игривыхъ «Вечеровъ на хуторѣ» онъ перешелъ къ болѣе глубокому и выше стоящему въ художественномъ отношеніи «Миргороду» и къ петербургскимъ повѣстямъ, затѣмъ въ «Ревизорѣ» рѣшилъ собрать въ одну кучу все дурное, что есть въ Россіи, чтобы разомъ посмѣяться надъ всѣмъ; наконецъ, въ «Мертвыхъ Душахъ» сначала хотѣлъ показать «съ одного боку всю Русь», съ ея хорошими и дурными сторонами, наконецъ, расширилъ сюжетъ и задачу произведенія до невѣроятной степени и сталъ соединять съ нимъ такія неимовѣрныя мистическія надежды, что даже такой могучій талантъ, какъ его, не могъ выдержать. Во всякомъ случаѣ этимъ великимъ произведеніемъ Гоголь хотѣлъ принести пользу своимъ соотечественникамъ, и въ «Мертвыхъ Душахъ» больше нежели гдѣ-либо, изображая недостатки и пошлость людей, онъ глубоко скорбѣлъ и, конечно, имѣлъ полное право сказать знаменательныя слова: «И долго еще мнѣ опредѣлено чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы».

Самый герой поэмы—человѣкъ, не возбуждающій никакихъ симпатій; Плюшкинъ—тѣмъ менѣе; но авторъ не только представляетъ ихъ въ томъ отталкивающемъ видѣ, какого они заслуживаютъ, но даетъ читателю возможность заглянуть глубже въ ихъ прошедшую жизнь и внутренній міръ и показываетъ намъ, почему человѣкъ могъ такъ низко пасть. Мы смѣемся надъ Чичиковымъ и презираемъ его, но вѣдь надо вспомнить весь ужасъ обстановки его дѣтства. «Жизнь при началѣ взглянула какъ-то кисло, непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ. Страшно представить себѣ это! «Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ—больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу, вѣчное сидѣніе на лавкѣ съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ». А это по истинѣ убійственное наставленіе отца Чичикова, который въ своей бѣдной, низменной жизни не видалъ радости, а о существованіи какихъ-нибудь идеальныхъ стремленій никогда и не подозрѣвалъ: «Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а болѣе всего—угождай учителямъ и наставникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ, а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ». Какой несправедливый, возмутительный и глубоко-грустный взглядъ на жизнь передаетъ отецъ своему сыну на прощаньѣ, можетъ быть, на вѣкъ! И какъ этотъ человѣкъ, никогда-то во всю жизнь не видавшій отрады, забитый и измученный,—какое горькое и невѣрное вынесъ онъ представленіе о жизни и о людяхъ, которыхъ, въ сущности, безъ исключенія, считаетъ подлецами, хотя, можетъ быть, и не отдаетъ себѣ въ томъ

яснаго отчета. Сыну онъ хотѣлъ добра, а сдѣлалъ великое зло. «Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ». Слова эти въ устахъ отца въ торжественную минуту разлуки съ сыномъ ужасны; насколько выше и справедливѣе взглядъ народа, выраженный въ простой пословицѣ: «не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей». Казалось бы, такое чудовищное наставленіе не могло и запасть въ душу десятилѣтняго ребенка, но развращающій ранній практицизмъ уже былъ имъ унаслѣдованъ отъ отца и ужасное сѣмя пало на благопріятную почву. А сколько ужаса и сосредоточенной грусти въ этихъ строкахъ о Плюшкинѣ: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. И пылкій же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно!» Эти слова поэтъ относитъ ко всѣмъ людямъ и къ разнымъ возрастамъ, но преимущественно они относятся къ юношеству, едва вступающему на трудную жизненную дорогу.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Окончаніе [1]).

Съ наступленіемъ весеннихъ дней 1839 г. Кіевская 2-я гимназія вступаетъ въ новый фазисъ жизни, продолжавшійся слишкомъ 15 лѣтъ.

Если въ первомъ періодѣ, не смотря на всѣ затрудненія, создаваемыя Зимовскимъ, она напрягала свои усилія къ тому, чтобы дѣйствовать въ духѣ любви къ своимъ питомцамъ, потому что безъ нея рѣшительно не возможенъ успѣхъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, или, какъ выразился въ своей запискѣ словами апостола Павла Милашевичъ: «если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звучащая или кимвалъ звенящій», то во второмъ періодѣ она пошла по иному пути, стала держаться другого направленія, въ основаніи котораго лежала не любовь, а строгость, стремившаяся къ поддержанію формальнаго порядка и внѣшней дисциплины, и относившая нравственное вліяніе къ области пустыхъ, безплодныхъ мечтаній.

Проводникомъ во 2-ю гимназію этого новаго направленія былъ, извѣстный въ свое время въ Кіевѣ, ординарный профессоръ Университета св. Владиміра, докторъ правъ, Савва Осиповичъ

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г., № 5.

Богородскій. Это былъ человѣкъ большого ума и образованія, но въ немъ не доставало той сердечной теплоты, безъ которой на педагогическомъ поприщѣ нельзя сдѣлать и шага. Во внѣшнихъ его пріемахъ проглядывалъ слѣдъ грубаго семинарскаго воспитанія, дававшаго всякому чувствовать, что предъ нимъ директоръ и профессоръ. Какъ энергическій администраторъ, онъ, можетъ быть, принесъ и большую пользу въ этомъ отношеніи, но какъ педагогъ, онъ не годился никуда. На гимназію онъ смотрѣлъ такъ, какъ нѣкогда на Францію Людовикъ XIV, приснопамятное изреченіе котораго слишкомъ хорошо извѣстно, чтобъ напоминать о немъ. Онъ первый изъ директоровъ 2-й гимназіи завелъ державшійся потомъ очень долго обычай появляться въ гимназію какъ можно рѣже и своимъ появленіемъ наводить трепетъ на заведеніе. Вѣсть о его приближеніи, подобно грозному феномену, производила всеобщее смятеніе: все суетилось, чего-то взадъ и впередъ бѣгало, а ученики, глядя на эту суматоху, въ страхѣ ждали, что то будетъ, что то будетъ? Наконецъ, гроза прошла; еслибъ заглянуть тогда въ душу молодыхъ людей, то оказалось бы, что въ ней шевелятся недобрыя чувства и между ними первое—чувство презрѣнія къ наставникамъ и къ надзирателямъ, суетливостью доказывавшимъ полную свою несостоятельность.

Твердо вѣруя, что не онъ въ гимназіи, а гимназія въ немъ, Богородскій старался устранить какъ можно подальше отъ участія въ ея дѣлахъ всѣхъ членовъ Педагогическаго Совѣта и ограничивалъ ихъ дѣятельность однимъ лишь пунктуальнымъ, и слѣд. механическимъ, исполненіемъ своихъ требованій и требованій Округа. Въ силу такого образа дѣйствій Педагогическій Совѣтъ заснулъ при немъ глубокимъ летаргическимъ сномъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока не разбудило его магическое прикосновеніе Пирогова. Ни откуда не видно, чтобы въ наставшій періодъ времени его занимали какіе-нибудь вопросы педагогическаго или дидактическаго свойства, которыми такъ богата школьная жизнь и которые чуть не ежедневно бросаются въ глаза и напрашиваются на размышленіе. Не видно, хотя засѣданія его случались въ иные годы очень часто. Такъ въ 1840 г. ихъ

было 33, въ 1842-мъ, [1]) въ 1843-мъ и въ 1844-мъ году по 35, въ 1845-мъ г.—31, въ 1846-мъ—28, въ 1850-мъ—26, въ 1852-мъ—24, въ 1854-мъ—27. [2]) При всемъ томъ, эти засѣданія очень мало касались внутренней жизни 2-й гимназіи: они составлялись обыкновенно для свидѣтельствованія суммъ и приходо-расходныхъ книгъ гимназіи, для производства испытанія на званіе учителя какого-нибудь училища (уѣзднаго или приходскаго), для назначенія перевода учениковъ въ высшій классъ или для того, чтобъ кого-нибудь изъ нихъ исключить изъ гимназіи за дурное поведеніе, очень рѣдко для выслушанія и принятія «къ руководству и исполненію» предложеній Попечителя и только дважды для распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ.

Такое равнодушіе къ образованію и воспитанію юношества должно было неминуемо повлечь за собою упадокъ гимназіи какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, что, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительно и случилось.

Заколдованный кругъ, начерченный сильною рукою профессора уголовнаго права, такъ тѣсно обхватывалъ всѣхъ его преемниковъ по управленію 2-ю гимназіею до Н. М. Гренкова включительно, что если-бы кто изъ нихъ и сдѣлалъ попытку выйти изъ него, то очутился-бы въ непріятномъ и даже весьма неудобномъ положеніи. Установились опредѣленныя привычки, поборотъ которыя при господствовавшемъ тогда административномъ режимѣ края не въ силахъ была директорская власть. Перемѣна «modus-vivendi» зависѣла отъ комбинацій высшей власти и могла наступить не раньше времени Пирогова. Вотъ почему до этого времени всѣ, за Богородскимъ слѣдовавшіе, директоры (Трахимовскій, Ригельманъ, Стеблинъ-Каменскій и Гренковъ) шли по старому пути, держась направленія, созданнаго ихъ предшественникомъ, хотя, быть можетъ, и сами тяготились своимъ положеніемъ. Какъ-бы то ни было, только духъ 2-й гимназіи до второй

---

[1]) Протоколовъ за 1841 г. не сохранилось.

[2]) Въ остальные годы число засѣданій колебалось между 9 и 17-ю.

половины 50-хъ годовъ былъ именно тотъ, который оставленъ въ наслѣдство сошедшимъ со сцены Богородскимъ.

Изъ шести инспекторовъ 2-й гимназіи, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ періодъ времени отъ 1840 по 1856-й годъ, вниманіе сосредоточивается преимущественно на двухъ: П. Н. Іеропесѣ и Г. Э. Траутфеттерѣ. Первый былъ ревностный помощникъ Богородскаго въ дѣлѣ утвержденія между учащимися строгой дисциплины, желавшій довести ее до высшей степени совершенства; второй показалъ примѣръ, какъ можно управлять учащимися, не прибѣгая къ слишкомъ крутымъ и строгимъ мѣрамъ. Къ этимъ двумъ типамъ болѣе или менѣе приближались всѣ прочіе инспекторы, изъ коихъ болѣе выдающимися слѣдуетъ признать П. О. Науменка, дѣйствовавшаго въ духѣ Траутфеттера, и Н. М. Гренкова, прослывшаго въ свое время за одного изъ самыхъ суровыхъ инспекторовъ во всемъ Округѣ. Онъ былъ потомъ директоромъ 2-й гимназіи (съ 1855 по 1860 г. и вторично въ концѣ 1861 года).

Личный составъ преподавателей этого періода времени во 2-й гимназіи обновлялся чаще всего притокомъ такихъ дѣятелей, за которыми издавна утвердилось названіе золотой посредственности, хотя нельзя сказать, чтобы на горизонтѣ ея по временамъ не восходили свѣтлые образы такихъ преподавателей, которые съ честью могли занимать предоставленное имъ мѣсто. Таковы были: 1) И. В. Вернадскій, извѣстный впослѣдствіи ученый политикоэкономъ, 2) К. И. Гиршъ, трудившійся надъ исторической географіей Россіи—оба не долго украшавшіе собою 2-ю гимназію: первый перешелъ на ученое поприще, а второй сошелъ въ могилу, поэтому послѣ нихъ едва-ли остался замѣтный слѣдъ, 3) А. А. Николаевскій, воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, былъ искренно преданный своему дѣлу учитель, чему доказательствомъ его учебникъ «Исторія русской литературы», къ сожалѣнію, не напечатанный, хотя историко-филологическій факультетъ Университета св. Владиміра, разсмотрѣвъ его, далъ отзывъ, что онъ можетъ быть «принятъ за руководство въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ преподается этотъ предметъ». Бывшіе его ученики утверждаютъ,

что онъ отлично велъ преподаваніе русской словесности, но только лишь въ дни, когда позволяло ему его здоровье, сильно надломленное страданіемъ легкихъ, причинившимъ ему преждевременную смерть. 4) Послѣ него преподаваніе русской словесности перешло къ М. К. Чалому, котораго, со словъ его бывшихъ учениковъ, пельзя назвать иначе, какъ талантливымъ и знающимъ преподавателемъ своего, предмета, подтвержденіе чему находимъ въ циркулярахъ Пироговскаго времени. 5) В. Я. Шульгинъ, о которомъ и говорить нечего, ибо кто не знаетъ этого профессора-художника, увлекавшаго воображеніе своихъ слушателей изящнымъ калейдоскопомъ лицъ и событій и силою своего ораторскаго таланта? Конечно, онъ былъ украшеніемъ 2-й гимназіи. Исторію послѣ перехода его въ Университетъ св. Владиміра одинъ за другимъ преподавали сперва И. В. Лашнюковъ (1851—1853), пользовавшійся потомъ извѣстностью даровитаго профессора въ Нѣжинскомъ лицеѣ, а за нимъ И. О. Самчевскій, даровитый не менѣе своего предшественника, но съ теченіемъ времени вслѣдствіе болѣзни сдѣлавшійся раздражительнымъ и совершенно охладѣвшій къ своимъ обязанностямъ. Литературные труды его, частью педагогическаго, частью ученаго содержанія—не мало говорятъ въ его пользу. Такъ, онъ въ качествѣ члена Кіевской археографической Коммиссіи издалъ двѣ лѣтописи: а) Самуила Величка и б) Грабянки и напечаталъ двѣ педагогическія статьи въ циркулярѣ по управленію Округомъ за 1862 и 1863-й годы. [1]) Вообще, нужно сознаться, что во 2-й гимназіи въ разсматриваемое время наиболѣе везло преподаванію двухъ предметовъ—русской словесности и исторіи. Изъ преподавателей другихъ предметовъ заслуживаютъ быть упомянутыми: Байеръ, преподававшій сперва нѣмецкій языкъ, а потомъ математику, старавшійся поставить во 2-й гимназіи свой предметъ такъ, чтобъ его знали всѣ ученики, и съ этою цѣлью устраивавшій въ послѣобѣденные часы періодическія репетиціи, Малербъ,—хорошій учитель французскаго языка и М. Самчевскій, преподаватель географіи.

---

[1]) 1862 г. № 7 и 12; 1863 г. № 4 и 5.

Младшими надзирателями какъ въ гимназіи, такъ и въ общихъ квартирахъ назначались преимущественно отставные военные, между которыми находимъ не только капитановъ, но даже одного подполковника. Это—Веселовскій (1844—1846).

Кромѣ военныхъ надзирательскую обязанность несли еще обыкновенно бывшіе учителя приходскихъ училищъ, между которыми чаще всего попадаются люди, учившіеся нѣкогда въ низшихъ классахъ духовной семинаріи. Изъ этого разряда надзирателей выдѣляется только одинъ—И. И. Романовскій, окончившій полный курсъ семинаріи. Единственное, что можно обо всѣхъ ихъ сказать, это—то, что они, за исключеніемъ развѣ Романовскаго да еще двухъ-трехъ, столь часто мѣнялись, какъ мѣняются въ волшебной панорамѣ картины: рѣдкій изъ нихъ былъ больше года. Такая подвижность ихъ, безъ сомнѣнія, должна была вести къ ослабленію надзора, потому что каждому вновь поступающему нужно было начинать съ приспособленія къ новому дѣлу.

Начало второго періода жизни 2-й гимназіи ознаменовалось весьма важнымъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ,—учрежденіемъ общихъ ученическихъ квартиръ. Событіе это находится въ связи съ тою политическою агитаціею, которая не задолго передъ симъ стала проникать въ среду учащейся молодежи юго-западнаго края. Обнаруженные въ 1838 г. симптомы ея заставили мѣстную администрацію принять рѣшительныя мѣры къ ея пресѣченію. Такъ какъ агитація избрала однимъ изъ своихъ центровъ Кіевскій Университетъ, то онъ былъ немедленно на нѣкоторое время закрытъ, а наиболѣе скомпрометированные студенты были удалены изъ него и высланы изъ Кіева; но Университетомъ дѣло не ограничилось: взялись и за гимназію. Еще раньше учебное начальство было озабочено вопросомъ о частныхъ ученическихъ квартирахъ и желало поставить ихъ на такую ногу, чтобы онѣ вполнѣ соотвѣтствовали воспитательнымъ цѣлямъ учебныхъ заведеній; но не придумало ничего существеннаго. Теперь этотъ вопросъ получилъ окончательное рѣшеніе, отлившись въ форму *общихъ ученическихъ квартиръ*. Высочайшая воля на учрежденіе ихъ послѣдовала

23 апрѣля 1840 г. [1]). Главнѣйшая цѣль ихъ состояла въ охраненіи учащихся отъ вліянія на ихъ образъ мыслей внѣшнихъ условій. Первоначально онѣ устроены были въ домахъ, нанятыхъ гимназическимъ начальствомъ у частныхъ лицъ и дѣлились по размѣрамъ платы на три разряда. По предложеніямъ директора 2-й гимназіи Богородскаго, утвержденнымъ Попечителемъ Округа, княземъ Давыдовымъ, въ каждомъ разрядѣ должно было помѣщаться 35 воспитанниковъ, изъ коихъ $^1/_{10}$ находилась на безплатномъ содержаніи; въ первомъ разрядѣ плата за содержаніе полагалась въ 70 р. с. въ годъ, во второмъ разрядѣ—90 р. с. и въ третьемъ—110 р. с. Безплатныхъ учениковъ въ первомъ и третьемъ разрядахъ полагалось по 5, а во второмъ—6 [2]). Расходы по содержанію были вычислены такимъ образомъ: а) на продовольствіе 40 учениковъ перваго разряда пищею, на прислугу, освѣщеніе и мытье бѣлья 1540 р. с. б) на 41 учен. второго разряда на тотъ-же предметъ 2255 р. с., в) на 40 учениковъ третьяго разряда—2640 р. с.; всего—6435 р. с.; г) на наемъ трехъ домовъ—1457 р. с.; д) на отопленіе, полагая 65 саж. дровъ, по 6 руб. ка каждую и по 75 к. за пилку,—438 р. 75 к.; е) на постройку мебели и прочіе расходы при первоначальномъ устройствѣ ихъ—610 р. 32 к. и ж) на непредвидѣнные расходы 200 р. с.; всего 9141 р. 7 коп. [3]).

Непосредственный надзоръ за общими квартирами, кромѣ директора и инспектора, имѣли: 1) старшій надзиратель, [4]) избиравшійся изъ учителей гимназіи, 2) два (впослѣдствіи больше) младшіе надзиратели и 3) комнатные старшіе. Для занятій съ учениками низшихъ классовъ назначались изъ учениковъ стар-

---

[1]) Дѣло 1840 г. № 3 и № 154.

[2]) Въ концѣ 1846 г. было учреждено еще 4-е отдѣленіе съ платою 40 р. с. въ годъ, но оно существовало только до конца 1847 г. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. апрѣль.

[3]) Дѣло 1840 г. № 227.

[4]) Допол. къ Сбор. Пост. 1840 г. іюня 12. Сбор. Распор. II (1840 г. ноябрь 11).

шихъ классовъ репетиторы съ платою по 30 р. с. въ годъ на безплатномъ содержаніи. Каждому младшему надзирателю полагалось 200 р. с. въ годъ. Вознагражденіе старшаго надзирателя зависѣло отъ числа учениковъ и отъ усмотрѣнія начальства.

Кромѣ обыкновенныхъ правилъ, касающихся содержанія, успѣховъ и поведенія учениковъ общихъ квартиръ, особою инструкціею директору требовалось: 1) чтобы въ общія квартиры были помѣщены «всѣ ученики, жившіе доселѣ въ наемныхъ квартирахъ. Впрочемъ, если къ приведенію сего въ исполненіе встрѣтятся неотвратимыя препятствія, то можно помѣщать ихъ у учителей и чиновниковъ гимназій и даже, въ крайнихъ случаяхъ, оставлять у пансіонеросодержателей, но съ строгимъ соблюденіемъ правилъ относительно ихъ выбора и утвержденія. Это разрѣшеніе, однакожъ, не должно быть никому извѣстно и можетъ имѣть приложеніе только подъ видомъ частнаго изъятія. 2) Надзиратели квартиръ должны быть непремѣнно изъ русскихъ чиновниковъ благоблагонадежныхъ. 3) Если бы ученики пожелали брать частные уроки, то надлежитъ строго наблюдать, чтобы къ преподаванію сихъ уроковъ допускались лица, имѣющія на то право и притомъ извѣстныя по благонадежности. 4) Репетиторами равно какъ и старшими въ квартирахъ должны быть преимущественно назначаемы ученики русскаго происхожденія. 5) Разговорный языкъ въ общихъ квартирахъ долженъ быть непремѣнно русскій», но достигать этого нужно, «не прибѣгая къ средствамъ явнаго принужденія». 6) Кромѣ осмотра книгъ и тетрадей, дѣлаемыхъ комнатными старшими, надлежитъ пересматривать оныя со всею внимательностью не только надзирателямъ, но инспектору два раза, а директору хотя одинъ разъ въ недѣлю. 7) Надзиратели квартиръ должны непремѣнно знать, съ кѣмъ и какую ведутъ переписку ученики. 8) Надзиратели должны непремѣнно находиться при свиданіи учениковъ съ посторонними лицами и не дозволять имъ разговаривать не въ слухъ или на языкѣ, для нихъ непонятномъ, кромѣ сего надлежитъ наблюдать, чтобы къ свиданію съ учениками допускались только родственники или лица, принимающія въ нихъ близкое участіе. Дабы ученики не развлекались частыми посѣще-

ніями посторонних лицъ, признается за лучшее назначить для сего одинъ день въ недѣлю; въ другіе же дни могутъ приниматься только родители, не живущіе въ городѣ, но пріѣзжающіе туда на время, или родственники заболѣвшаго ученика. 9) При отпускѣ учениковъ изъ квартиръ надлежитъ быть весьма разборчивымъ и не дозволять имъ вовсе посѣщать такихъ лицъ, кои по какимъ-либо причинамъ могутъ имѣть вредное на нихъ вліяніе. 10) Директоръ и прочія лица, имѣющія надзоръ за общими квартирами, должны обращать преимущественное вниманіе на нравственность и образъ мыслей воспитанниковъ, стараться пріучать ихъ къ покорности властямъ и внушать имъ преданность къ правительству и любовь къ общему отечеству нашему Россіи» [1]). Само собою разумѣется, что требованія эти исполнялись со всею строгостью [2]) Какъ видно изъ донесенія директора Попечителю, общія квартиры на первыхъ порахъ занимали не совсѣмъ удобное помѣщеніе, но помочь бѣдѣ было весьма трудно во 1-хъ потому, что съ домовладѣльцами былъ заключенъ на три года контрактъ, а во 2-хъ потому, что пришлось-бы увеличить плату за содержаніе, что на основаніи опыта признавалось неудобоисполнимымъ, такъ какъ, по заявленію директора, «нѣкоторые изъ родителей, по истеченіи перваго полугодія, перевели своихъ дѣтей изъ высшаго разряда въ низшій, а другіе вовсе отобрали изъ оныхъ, признавая для себя вносить опредѣленное количество за содержаніе учениковъ денегъ тягостнымъ» [3]) Хотя плата за содержаніе учениковъ въ общихъ квартирахъ была не высокая, тѣмъ не менѣе нѣкоторые родители предпочитали помѣщать своихъ дѣтей у частныхъ квартиросодержателей, а такъ какъ это запрещалось, то они обыкновенно заявляли, что эти квартиросодержатели состоятъ съ ними въ родственныхъ отношеніяхъ и содержатъ ихъ дѣтей безплатно. [4])

---

[1]) Дѣло 1840 г. № 3.

[2]) Въ февралѣ 1841 г. при общихъ квартирахъ была учреждена особая должность казначея. (Сбор. Распор. т. II) съ платою 200 р. с. въ годъ.

[3]) Дѣло 1841 г. № 96. Еврен въ общія квартиры не допускались. Дѣло 1841 г. отъ 15 февр.

[4]) Дѣло 1842 г. № 43.

Впрочемъ такіе родители составляли исключеніе; большинство ихъ отдавало дѣтей своихъ въ общія квартиры, вслѣдствіе чего послѣднія наполнялись учениками въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ предполагалось при ихъ учрежденіи, такъ что Министръ Нар. Пр. могъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1840 годъ сказать, что «мѣра относительно общихъ квартиръ увѣнчалась успѣхомъ свыше всякаго чаянія, какъ я удостовѣрился личнымъ осмотромъ новыхъ пріютовъ обучающагося юношества». [1]) Подтвержденіе словамъ Министерства мы находимъ во 1-хъ въ томъ обстоятельствѣ, что ученики общихъ квартиръ имѣли постоянныхъ руководителей, каковыми въ первое время были: старшіе учителя—Роговичъ и Страшкевичъ и младшіе—Семяновскій и Сигизмундъ, ежедневно отъ $6^1/_2$ до 8 ч. утромъ и отъ 6 до 8 вечера занимавшіеся съ учениками «повтореніемъ пройденнаго въ классахъ и и приготовленіемъ ихъ къ новымъ урокамъ, осматривавшіе ихъ тетради и книги, наблюдавшіе, чтобы ученики назначенное для ученія время употребляли съ пользою, вникавшіе въ ихъ нравственныя качества и, въ случаѣ нужды, принимавшіе мѣры къ ихъ исправленію». [2]) Хотя уставомъ общихъ квартиръ такихъ репетиторовъ и не полагалось, но они были введены по мысли Богородскаго и получали за свой трудъ даже для того времени низкую плату—200 р. въ годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что институтъ такого рода надзирателей долженъ былъ неминуемо подѣйствовать на общія квартиры самымъ благотворнымъ образомъ и жаль, что мы не имѣемъ для этого болѣе точныхъ, числовыхъ данныхъ. Во 2-хъ, число поступившихъ въ эти квартиры съ каждымъ годомъ, можно сказать, увеличивалось. Такъ, въ 1840 г, ихъ было 129, къ 1 января 1844 г.—156; [3]) къ 1 янв. 1845 г.—159; къ 1 янв. 1846 г.—157; къ 1 янв. 1847 г.—170; къ 1 янв. 1848 г.—210; къ 1 янив. 1849 г.—213; къ 1 янв. 1850 г.—185; къ 1 янв.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1841 г. ч. 30.

[2]) За время отъ 1 янв. 1841 г. по 1-е 1843 г. свѣдѣній мы не нашли.

[3]) Дѣло 1840 г. № 227.

1851 г.—205; къ 1 янв. 1852 г,—209; къ 1 янв. 1853 г.—'82 къ 1 янв. 1854 г.—194· къ 1 янв. 1855 г.—178; къ 1 янв. 1856 г.—189; къ 1 янв. 1857 г.—200, и т. д. Эти цифры показываютъ, что противъ предполагавшагося вначалѣ числа (120 уч.), личный составъ учащихся въ общихъ квартирахъ съ теченіемъ времени почти удвоился. Въ 3-хъ, общія квартиры имѣли то преимущество на своей сторонѣ, что онѣ могли давать средства къ содержанію значительнаго числа бѣдныхъ учениковъ, а именно: если платныхъ учениковъ было напр. 150, то при нихъ безплатно содержалось, не считая репетиторовъ, 15 бѣдняковъ. Въ 4-хъ, общія квартиры располагали такими учебными пособіями, какихъ не могла представить никакая другая квартира. Кромѣ библіотеки, ежегодно пополнявшейся новыми литературными произведеніями русскихъ писателей, въ нихъ находились географическія карты, глобусы и др. пособія. Въ 5-хъ, на случай болѣзни ученика, при общихъ квартирахъ открыта была больница съ своею маленькою аптекой, съ своимъ фельдшеромъ, оказывавшая немедленную помощь по указанію гимназическаго врача. [1])

Какъ ни желательно было учебному начальству, чтобы дѣти родителей, живущихъ внѣ Кіева, воспитывающіяся во 2-й гимназіи, жили въ общихъ квартирахъ, тѣмъ не менѣе нужно было дѣлать уступку въ пользу тѣхъ, которые не желали отдавать своихъ дѣтей въ это заведеніе. Между послѣдними были такіе, которые или хотѣли дать своимъ дѣтямъ болѣе роскошное содержаніе, чѣмъ то, которое могли дать общія квартиры, или считали для своихъ дѣтей болѣе полезнымъ жить на квартирѣ какого-нибудь учителя. Отсюда должно было выйти то, что на самомъ дѣлѣ и вышло, т. е. предоставлено было право держать учениковъ и другимъ лицамъ. Право это было, однако, весьма стѣснено различными ограниченіями, изъ которыхъ важнѣйшія слѣдующія: 1) директоръ и инспекторъ могли содержать учениковъ не иначе.

[1]) Свѣдѣнія эти извлечены нами изъ годовыхъ отчетовъ 2-й гимназіи.

какъ съ разрѣшенія Министерства; 2) только тѣ учителя имѣли это право, которые были безукоризненнаго поведенія, добросовѣстно исполняли свои учительскія обязанности и сверхъ того занимали удобное и приличное помѣщеніе. 3) Учитель не могъ содержать болѣе 10 дѣтей, включая въ это число и своихъ собственныхъ, если они живутъ при немъ. 4) Если у учителя болѣе 5-ти пансіонеровъ, или если въ числѣ ихъ находятся не посѣщающіе еще гимназическихъ классовъ, въ такомъ случаѣ для наблюденія за ними въ отсутствіе учителя полагался надзиратель. На обязанность учителей, содержавшихъ пансіонеровъ, возложено было: 1) помнить «что они приняли на себя обязательство замѣнять имъ, по возможности, родителей»; 2) что онъ долженъ предоставить своимъ пансіонерамъ необходимыя учебныя пособія (словари, глобусы и т. д.); 3) что они должны имѣть надъ ними бдительный надзоръ, заботиться объ ихъ здоровьи и проч. Наблюденіе за учительскими пансіонерами ввѣрено училищному начальству, которое обязано было «посѣщать, сколько можно чаще, учительскихъ пансіонеровъ и наблюдать за ихъ успѣхами и благонравіемъ. Оно обязано представлять о нихъ каждые полгода «вѣдомость» Попечителю Округа [1]). Права учителей, содержавшихъ пансіонеровъ, съ теченіемъ времени подвергались еще бо́льшимъ ограниченіямъ, а именно: разрѣшалось держать только недостигшихъ 10-ти лѣтняго возраста и подготовляющихся къ поступленію въ учебное заведеніе; всѣ же ученики, коихъ родители живутъ не въ Кіевѣ, обязательно должны были поступать въ общія квартиры, за исключеніемъ того случая, если-бы послѣднія были совершенно заполнены. [2]) Около того-же времени ученическія квартиры были преобразованы въ закрытое учебное заведеніе. Еще въ 1841 г. дворянство трехъ юго-западныхъ губерній — Кіевской, Волынской и Подольской согласилось жертвовать по 3 коп. въ годъ съ души крестьянъ, которыми владѣло по праву

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1841 г. ч. 35 и Сбор. Распор. т. II (1842 г. іюня 19).

[2]) Дѣло 1848 г. № 22.

крѣпостной зависимости, на учрежденіе въ этихъ трехъ губерніяхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. [1]) Средства эти, собиравшіяся въ теченіи 11-ти лѣтъ, наконецъ, дали возможность открыть при 2-й гимназіи общія квартиры на новыхъ основаніяхъ закрытаго учебнаго заведенія (1851-й г.). Въ немъ обязаны были «жить всѣ ученики 2-й гимназіи, которыхъ родители или воспитатели не живутъ постоянно въ Кіевѣ, и потому нуждающіеся въ наймѣ для себя квартиръ. За полное содержаніе съ одеждою, учебными пособіями, лѣченіемъ въ случаѣ болѣзни и прочимъ, исключая бѣлья, которое ученики должны имѣть отъ родителей, взималось по 125 р. с. въ годъ съ каждаго; сверхъ означенной платы за содержаніе съ воспитанниковъ закрытаго заведенія взималась установленная плата за обученіе и на первоначальное обзаведеніе по 20 р. единовременно. Всѣ воспитанники закрытаго заведенія были свободны отъ сбора суммы на разъѣзды врача». [2])

Что касается надзора за учениками въ стѣнахъ 2-й гимназіи и внѣ ихъ, а также системы наказаній за проступки учениковъ, то сравнительно съ прежними распоряженіями въ этомъ отношеніи въ разсматриваемый періодъ не было сдѣлано почти ничего новаго; соблюденіе опрятности и форменной одежды, коротко остриженные волосы, запрещеніе выпускать маленькихъ учениковъ въ городъ безъ провожатыхъ и т. п.—предписывалось и теперь такъ точно, какъ и прежде [3]). Единственнымъ нововведеніемъ можно считать слѣд.: «дабы расширить средства къ наблюденію и дать возможность каждому, встрѣтившему ученика въ безпорядкѣ, удостовѣриться въ его имени и заведеніи, къ которому онъ принадлежитъ», попечитель кн. Давыдовъ завелъ такъ называемыя «печатныя марки, наклеивъ оныя на картонѣ съ означеніемъ на нихъ заведенія, имени ученика и класса, въ которомъ онъ находится и учится или нѣтъ греческому языку». Это послѣднее пояс-

---

[1]) Сбор. Пост. т. II отд. II (1841 г. мая 20 и 1852 Окт. 14).

[2]) Дѣло 1851 г. № 8.

[3]) Дѣло 1839 г. № 57, 128, 164; 1841 г. № 169; 1844 г. № 119; Дѣло 1845 г. № 4 и др.

неніе нужно для того, чтобы ученики, встрѣчаясь на улицѣ въ классное время, не употребляли ложной оговорки, что они принадлежатъ къ числу неучащихся греческому языку. Каждый ученикъ обязывается не выходить никуда безъ означенной марки ни въ учебные, ни въ праздничные дни. Не имѣющій марки долженъ быть подвергаемъ немедленному строгому наказанію [1]). Наказанія также остались прежнія и, главнымъ образомъ, выражались карцеромъ и розгами [2]).

Обращаясь теперь къ мѣрамъ по учебной части, мы должны остановить свое вниманіе на одной, которая принята была въ 1844 г. (конечно, по распоряженію Попечителя Округа) и практиковалась во 2-й гимназіи до временъ Пирогова,—мѣра эта, имѣвшая цѣлью путемъ соревнованія между учениками въ ихъ успѣхахъ вызвать въ нихъ большій интересъ къ ученію и приведшая какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ, состояла въ томъ, что 1) въ каждомъ классѣ извѣстное число переднихъ скамеекъ (одна или двѣ), окрашенныхъ цвѣтомъ, отличнымъ отъ цвѣта прочихъ скамеекъ, предназначалось *для отличныхъ* и *прилежнѣйшихъ* учениковъ; при этихъ скамейкахъ укрѣплялись столбы, на коихъ красовались бѣлыя дощечки съ соотвѣтствующею надписью (т. е. отличные и прилежнѣйшіе). На первую скамью попадалъ тотъ ученикъ, который въ теченіе мѣсяца не подвергался никакому взысканію, постоянно получалъ по каждому предмету не менѣе $3^1/_2$ и въ среднемъ выводѣ изъ мѣсячныхъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ имѣлъ по крайней мѣрѣ 4. На вторую скамейку помѣщались тѣ ученики, которые въ теченіе мѣсяца рѣдко подвергались замѣчаніямъ или маловажнымъ взысканіямъ, ежедневно получали по большей части преподаваемыхъ предметовъ не менѣе $3^1/_2$, ни въ одномъ предметѣ ни одного раза не получили отмѣтки *0* и въ мѣсячномъ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ имѣли не менѣе $3^1/_2$. Ученикъ, хотя одинъ разъ въ теченіе мѣсяца получившій единицу въ Законѣ Божіемъ, русскомъ

---

[1]) Дѣло 1845 г. № 4.

[2]) Семидневн. донесенія за 1840—1857 г.

языкѣ, русской географіи и русской исторіи, послѣ этого мѣсяца не переходилъ въ отличные, хотя бы онъ имѣлъ требуемый средній выводъ. Ученикъ, получившій болѣе трехъ разъ единицу по одному изъ предметовъ преподаванія, въ теченіе мѣсяца не переводился въ прилежнѣйшіе, хотя бы по поведенію и прочимъ отмѣткамъ и имѣлъ на это право. 3) Въ общихъ квартирахъ отличные и прилежнѣйшіе ученики садились за особеннымъ столомъ, у котораго возвышались столбики съ такою же надписью, какъ и въ классѣ, и пользовались лишнимъ противъ прочихъ учениковъ блюдомъ. 4) Въ церквахъ во время богослуженія для нихъ было отведено отдѣльное отъ другихъ мѣсто. 5) При разбирательствѣ ученическихъ проступковъ показанія лучшихъ учениковъ принимались на вѣру и на основаніи ихъ составлялись приговоры; и только тогда, когда показанія двухъ такихъ учениковъ расходились, производилось подробное дознаніе. Отличный ученикъ, давшій умышленно ложное показаніе, исключался изъ отличныхъ на время до 4-хъ мѣсяцевъ (прилежнѣйшій на 3 мѣс.), пока не пріобрѣтетъ утраченное довѣріе. 6) Разсаживаніе учениковъ на мѣста отличныхъ и прилежнѣйшихъ производилось въ началѣ каждаго мѣсяца. 7) «Отличный ученикъ, три раза переведенный въ прилежные, или два раза исключенный вовсе изъ отдѣленій, не могъ поступить ни въ то, ни въ другое отдѣленіе въ томъ-же классѣ,» а прилежный,—если три раза былъ исключенъ изъ отдѣленія. 8) «Каждое полугодіе предъ вакаціями директоръ назначалъ день для приглашенія мѣстныхъ властей, родственниковъ и всѣхъ желающихъ посѣтителей въ конференцъ-залу для выслушанія списка учениковъ, бывшихъ постоянно прилежными и отличными. Ежегодно послѣ окончанія годичнаго курса ученія и провозглашенія на актѣ именъ учениковъ, постоянно въ теченіе года отличавшихся и прилежныхъ, директоры могли посылать въ редакцію губернскихъ вѣдомостей статью съ поименованіемъ всѣхъ отличныхъ учениковъ, постоянно въ теченіе года сохранявшихъ право на это названіе». При отпускахъ на вакаціи въ заглавіи отпускного билета обозначалось: «отличному или прилежному

ученику такому-то» [1]). Съ тою же цѣлью—поднятія успѣховъ учениковъ во 2-й гимназіи примѣнялось правило, по которому ученикъ, пропустившій безъ уважительной причины болѣе четверти всѣхъ уроковъ, былъ оставляемъ въ томъ-же классѣ на слѣдующій годъ. Къ той же цѣли направлено было измѣненіе прежней системы перевода учениковъ въ высшіе классы и выпуска ихъ изъ гимназіи. Прежде въ высшій классъ переводили учениковъ, имѣвшихъ по сложеніи всѣхъ, какъ годовыхъ, такъ и экзаменаціонныхъ отмѣтокъ и по раздѣленіи ихъ на число предметовъ, въ среднемъ выводѣ не менѣе $2^1/_2$, съ соблюденіемъ одного лишь условія, т. е. чтобы ни въ одномъ предметѣ не было единицы. Средній же выводъ дѣлался такъ: если ученикъ имѣлъ въ среднемъ выводѣ за годъ напр. по Закону Божію $2^7/_{10}$, то эта отмѣтка принималась за *3;* если такой ученикъ получилъ на экзаменѣ 2, то его переводили, потому что средній выводъ изъ 3+2 получался $2^1/_2$. Такимъ образомъ въ высшій классъ переходили нерѣдко ученики съ весьма слабою подготовкою. Этотъ недостатокъ былъ ослабленъ новымъ способомъ производить средній выводъ, состоявшимъ въ томъ, что дроби не отбрасывались, но «принимались въ счетъ, какъ онѣ есть, и только при одномъ окончательномъ выводѣ, опредѣляющемъ право ученика на переводъ изъ класса въ классъ или на полученіе похвальнаго аттестата дробь бо́льшую половины принимать за единицу» [2]). Экзаменъ ученикамъ послѣдняго класса производился въ присутствіи всѣхъ членовъ Педагогическаго Совѣта, изъ которыхъ каждый имѣлъ право ставить испытуемому отмѣтку. Окончательная оцѣнка познаній ученика зависѣла отъ средняго вывода изъ всѣхъ отмѣтокъ, продиктованныхъ ассистентами, причемъ иногда случались странныя явленія, въ родѣ напр. слѣдующаго: директоръ ставитъ 1, учитель того предмета, по которому произведено испытаніе *2,* а ассистенты по *4* и въ среднемъ выводѣ выходило *3*, потому что ассистентовъ—большинство. Случалось и обратно. Отсюда пре-

---

[1]) Цирк. отъ 15 дек. 1844 г.

[2]) Цирк. отъ 15 іюля 1840 г.; отъ 8 авг. 1844 г.

реканія, становившіяся извѣстными Округу, и приведшія къ тому, что судьба ученика на окончательномъ испытаніи попала въ совершенную зависимость отъ воли директора. потому что онъ получилъ право, въ случаѣ разногласія съ учителями, останавливать постановку отмѣтокъ и письменно давать знать объ этомъ Попечителю Округа [1]).

Отъ 1840 до начала 1846 г. ученики 2-й гимназій изучали тѣ же предметы и по тѣмъ же программамъ, которыя введены были въ употребленіе въ первое четырехлѣтіе, и по тѣмъ же учебникамъ. Начиная съ этого времени, мало-по-малу совершаются перемѣны во всѣхъ отношеніяхъ этого рода. Такъ, прежде всего былъ ограниченъ объемъ элементарной математики прекращеніемъ преподаванія начертательной и аналитической геометріи, что повлекло за собою новое распредѣленіе этого предмета по классамъ, а именно: *ариѳметика* оканчивалась не во 2-мъ классѣ, какъ прежде, а въ 3-мъ; въ 3-мъ же начиналась *алгебра* и доводима была до рѣшенія уравненій 1-й степени со многими неизвѣстными; въ 4 и 5 классахъ проходились алгебра и геометрія при 3-хъ урокахъ въ недѣлю; въ 6-мъ классѣ оканчивалась алгебра и была проходима тригонометрія; 7-й классъ служилъ повтореніемъ всего пройденнаго въ предъидущіе годы (при 2-хъ урокахъ въ недѣлю) [2]).

Такое распредѣленіе математики продержалось до $185^5/_6$ года, когда съ введеніемъ въ курсъ гимназическаго образованія естественныхъ наукъ потребовалось новое преобразованіе по всѣмъ вообще отраслямъ гимназической науки. Существенная разница между прежнимъ и новымъ распредѣленіемъ математики заключается въ томъ, что преподаваніе геометріи раздѣлено было на 3 класса, начиная съ 3-го, [3]) отчего произошло, что 3-й классъ былъ непомѣрно обремененъ изученіемъ математики, такъ какъ ученики этого класса при 4-хъ урокахъ въ недѣлю должны были ознакомиться а) съ правилами: тройнымъ, товарищества и смѣшенія,

---

[1]) Цирк. отъ 28 апр. и 30 мая 1844 г.

[2]) Сбор. Распор. т. П (штаты и прилож.).

[3]) Тамъ-же т. Ш (шт. и прил.).

б) съ начальною алгеброю до рѣшенія уравненія 1-й степени и в) съ планиметріею—до пропорціональныхъ линій. Относительно прочихъ предметовъ нужно замѣтить, что перемѣны, какія въ нихъ произошли, обусловливаются отчасти стремленіемъ усилить изученіе родного языка, родной страны и народа, частью—введеніемъ законовѣдѣнія и естественныхъ наукъ. Усиленіе преподаванія русскаго языка привело къ мысли прекратить преподаваніе логики, а усиленіе русской географіи и исторіи произведено было на счетъ преподаванія статистики, которая въ видѣ голыхъ цифръ вошла въ географію. Вновь введенное законовѣдѣніе преподавалось по учебнику Рождественскаго (Руководство къ Россійскимъ Законамъ) [1]) такимъ образомъ, чтобы по своду Законовъ 1842 г. ученики получили знакомство съ основными законами, съ законодательствомъ объ учрежденіяхъ и состояніяхъ, съ гражданскими, уголовными и полицейскими законами [2]). Ограниченіе преподаванія латинскаго языка четырьмя высшими классами и перенесеніе на эти классы всего того, что прежде распредѣлялось на на всѣ 7 классовъ, неминуемо должно было отразиться на серьезности изученія этого предмета, хотя, повидимому, оканчивающіе гимназію и по реформѣ 1849 г. выносили тѣ же свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ, что и прежніе ученики, потому что они проходили то же, что и ихъ предшественники. Такъ, они проходили:

въ 4-мъ классѣ главныя правила этимологіи, переводъ легкихъ статей съ латинскаго на русскій языкъ и легкихъ предложеній съ русскаго на латинскій языкъ;

въ 5-мъ классѣ дополненіе къ этимологіи, главнѣйшія правила синтаксиса, переводы съ латинскаго языка на русскій легкихъ прозаиковъ: Евтропія, Юстина, Корнелія Непота, Веллея Патеркула и нѣкоторыя басни Федра, переводы съ русскаго языка на латинскій предложеній для упражненія въ этимологическихъ и синтаксическихъ правилахъ и, кромѣ того, получали понятіе о латинской просодіи;

---

[1]) Сборн. Распор. т. II стр. 1027.

[2]) Тамъ-же (шт. и прил.).

въ 6-мъ классѣ должно были итти систематическое преподаваніе подробнаго синтаксиса, переводъ и объясненіе римскихъ авторовъ: Саллюстія, Юлія Цезаря, Тита Ливія, Овидія, Тибулла, Проперція, Катулла и переводъ съ русскаго языка на латинскій;

въ 7-мъ же классѣ положено было чтеніе авторовъ съ грамматическимъ и логическимъ разборомъ и необходимыми объясненіями изъ Цицерона—de officiis, pro Archia poëta, изъ Тацита, изъ Виргиліевой Энеиды, изъ Горація—de arte poëtica и нѣкоторыя другія; переводъ съ русскаго языка на латинскій по выбору преподавателя.

Чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли все это было проходимо учителями 2-й гимназіи, мы обратились къ ихъ вѣдомостямъ и нашли, что изъ всего положеннаго они давали своимъ ученикамъ только краткія свѣдѣнія изъ грамматики и упражняли ихъ въ переводѣ изъ Корнелія Непота, Саллюстія (иногда Юлія Цезаря и Цицерона) и очень рѣдко изъ Виргилія и Овидія, а одинъ изъ учителей даже вошелъ съ прошеніемъ объ освобожденіи его совсѣмъ отъ преподаванія латинской просодіи [1]).

Зато преподаваніе прочихъ предметовъ сравнительно съ прежнимъ, было значительно упорядочено; но это упорядоченіе наступило не прежде 1852 г. [2]). Оно состояло въ томъ, что *по Закону Божію*:

въ 1-мъ классѣ требовалось, кромѣ изложенія свящ. исторіи ветхаго завѣта, повтореніе и объясненіе главнѣйшихъ молитвъ и повторялись начатки христіанскаго ученія, т. е. краткая свящ. исторія съ краткимъ катехизисомъ;

въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ классахъ ученики изучали пространный катехизисъ, а ученики 5-го класса—еще «краткое ученіе о богослуженіи вседневномъ, праздничномъ и великопостномъ»;

въ 6-мъ классѣ положена была исторія церкви вселенской и отечественной, а въ 7 классѣ шло повтореніе всего пройден-

---

[1]) Прот. засѣд. 1842 г.

[2]) Сбор. Распор. т. III (шт. и прил.).

наго въ предъидущихъ классахъ [1]). Изъ дѣлъ видно [2]), что во 2-й гимназіи одно время практиковалось иное распредѣленіе Закона Божія по классамъ такимъ образомъ, что изученіе его оканчивалось въ 5 классѣ, 6-й классъ назначенъ былъ для повторенія цѣлаго курса, а что дѣлали ученики 7 класса, остается неизвѣстнымъ.

Преподаваніе *русскаго языка и словесности* подчинилось слѣдующему, сравнительно съ прежнимъ, видоизмѣненію:

въ 1-мъ классѣ (при 4-хъ ур. въ недѣлю) ученики учились читать и писать подъ диктовку, читать по-славянски и заучивали наизусть избранные отрывки;

въ 2-мъ классѣ (при 4-хъ ур.) они занимались тѣмъ же и кромѣ того пріучались дѣлать грамматическій разборъ;

въ 3-мъ классѣ (при 4-хъ ур.) положено было: а) русская грамматика—младшій курсъ, б) чтеніе и письмо подъ диктовку, в) заучиваніе наизусть избранныхъ отрывковъ, г) славянское чтеніе и д) грамматическій разборъ на основаніи правилъ подробнѣе;

въ 4-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) славянская грамматика, чтеніе и письмо подъ диктовку, заучиваніе избранныхъ отрывковъ наизусть, славянское чтеніе и грамматическій разборъ на основаніи правилъ, письменные переводы съ славянскаго и древнерусскаго;

въ 5-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) общая теорія словесности и краткія понятія о сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ, историческія извѣстія о писателяхъ русскихъ и иностранныхъ при чтеніи образцовыхъ отрывковъ, письменный переводъ съ славянскаго и древне-русскаго, опыты въ сочиненіи;

въ 6-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) русская грамматика—старшій курсъ, теорія прозы и поэзіи, практическія занятія, въ 5-мъ классѣ поименованныя;

---

[1]) 2-й классъ остался безъ перемѣны.

[2]) Дѣло 1851 г. № 48.

въ 7-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) исторіи русской литературы, чтеніе писателей, составленіе лекцій (?) и практическія занятія, поименованныя въ 5-мъ классѣ.

Физика начиналась не съ 6-го, а съ 5-го класса; *математическая же и физическая географія* преподавалась въ 7 классѣ. Учитель физики долженъ былъ въ 5-мъ классѣ пройти о свойствахъ тѣлъ, о тѣлахъ твердыхъ и капельно-жидкихъ, въ 6-мъ классѣ объ упругихъ жидкихъ тѣлахъ и въ особенности объ атмосферѣ, о звукѣ, свѣтѣ и теплородѣ, а въ 7-мъ классѣ—о магнетизмѣ и электричествѣ, повторяя при этомъ и прежде пройденное.

Исторія также получила иное распредѣленіе. Прежде въ 3-мъ классѣ преподавалась одна древняя исторія Востока; теперь къ ней прибавленъ «общій очеркъ исторіи русской съ хронологическимъ указаніемъ главныхъ событій» (?); въ 6-мъ классѣ вмѣсто 3-хъ уроковъ назначено 4, потому что кромѣ новой исторіи полагалась еще русская до Петра В.; въ 7-мъ классѣ оканчивалась русская исторія и повторялась всеобщая. 4-й и 5-й классы остались безъ перемѣны.

Въ распредѣленіи *географіи* произведено измѣненіе въ томъ, что обозрѣніе Европы со 2-го класса перенесено на 3-ій, а описаніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи съ 3-го класса перенесено на 2-й и преподаваніе русской географіи растянуто на два класса 4-й и 5-й, а 7-й классъ былъ назначенъ на повтореніе пройденнаго въ низшихъ классахъ, при чемъ черченіе картъ по прежнему оставалось обязательнымъ для всѣхъ классовъ.

По нѣмецкому языку, при 3 урокахъ въ 1—6 классахъ и 2 въ 7-мъ, проходилась грамматика, ученики упражнялись въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій и обратно, грамматическомъ разборѣ, разговорѣ, а также учили наизусть стихотворенія и писали небольшія сочиненія.

По французскому языку при 3 урокахъ къ каждомъ классѣ была почти та же программа, какъ и по нѣмецкому.

На этомъ прерывается доставленный намъ текстъ; судьба остальной части труда Н. С. Тумасова, какъ уже было сказано въ предисловіи, неизвѣстна.

Отрывки изъ автобіографіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго.

Послѣ смерти Александра Матвѣевича Лазаревскаго среди его бумагъ найдено нѣсколько отрывковъ изъ его воспоминаній, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни, и, между прочимъ, записки, въ которыя онъ вносилъ разные выдающіеся случаи, преимущественно кіевской жизни.

Часть его воспоминаній, связанныхъ съ введеніемъ положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи, напечатана въ «Кіевской Старинѣ» еще самимъ покойнымъ подъ заглавіемъ «Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній», [1]) хотя и въ сокращенномъ видѣ. Напечатать ихъ цѣликомъ, какъ и вообще большую часть изъ замѣтокъ Александра Матвѣевича о своей жизни, въ настоящее время не представляется возможнымъ: слишкомъ близко еще то время, о которомъ онъ говоритъ, живы еще тѣ люди, съ которыми ему приходилось въ разное время сталкиваться на жизненномъ пути.

У Александра Матвѣевича всегда было готово желаніе подробно, систематически описать свою жизнь. Свое желаніе онъ неоднократно высказывалъ близкимъ людямъ, ждалъ только, когда онъ «поуправится съ работами» или на досугѣ, у себя

---

[1]) Кіев. Стар. 1901 г. мартъ и апрѣль.

въ Подлипномъ, разберетъ свои замѣтки, приведетъ въ систему то, что онъ помнитъ изъ прошлаго... Но годы проходили за годами, одна работа рождала другую, досуга и въ деревнѣ не было: въ Подлипномъ приходилось кончать то, что начато въ Кіевѣ. Вотъ почему послѣ смерти Александра Матвѣевича остались только отрывки его воспоминаній о разныхъ періодахъ его жизни. до начала его автобіографіи.

Судя по замѣткамъ въ рукописи, начало это написано въ три дня, съ 3 по 5 іюля 1891 года, когда Александръ Матвѣевичъ особенно сильно увлекся, должно быть, мыслью описать свою жизнь. Работа затѣмъ была брошена и больше уже никогда не возобновлялась.

Благодаря любезности семьи покойнаго, мы печатаемъ теперь эти отрывки изъ автобіографіи. Читатели сами увидятъ, на сколько цѣнны, на сколько интересны эти отрывки, и, конечно, раздѣлятъ съ редакціей огорченіе, что Александру Матвѣевичу не удалось привести въ исполненіе свою мысль описать такъ подробно всю свою жизнь. Онъ успѣлъ коснуться только своего пребыванія въ гимназіи, т. е. небольшой частицы своей 68-лѣтней жизни...

Ред.

Родился я въ деревнѣ Гирявкѣ 8 іюня 1834 г., гдѣ и провелъ младенческій свой возрастъ.

Первое мое воспоминаніе относится къ лѣту 1839 года, когда выходила замужъ старшая сестра моя Марья за Я. М. Армашевскаго. Живо помню и теперь пляску дворовыхъ женщинъ въ нашемъ домѣ, сопровождавшую эту свадьбу. Въ то же лѣто женился Ф. А. Лащинскій на М. Н. Юркевичъ, отъ которыхъ въ 1846 году родилась первая моя жена Катерина. Помню, что на сестриной свадьбѣ братъ Яковъ ходилъ хромой, потому что передъ тѣмъ сломалъ ногу, упавъ съ дерева, куда полѣзъ за сорочьимъ гнѣздомъ. Ногу братъ сломалъ совершенно, но взятая въ лубки, она срослась и не помѣшала брату поступить въ кадетскій корпусъ, а затѣмъ служить въ военной службѣ.

Дома прожилъ я безвыѣздно до семи лѣтъ. Нянькой у насъ въ это время была «баба Явдоха», ласковое обращеніе которой съ нами и интересныя сказки привлекали къ ней наши сердца. Особенно умѣла она привлекать наше вниманіе своими разнообразными сказками, изъ которыхъ я особенно любилъ одну, въ которой кто-то кому-то говоритъ: «Парамонъ! бери лёнъ!» Отца за это время я мало помню, такъ какъ онъ почти дома не жилъ, будучи на службѣ въ Конотопѣ. И семью, и хозяйство вела почти исключительно мать. Въ безмѣрной материнской любви, она, желая заставить меня ежедневно молиться Богу, помню, давала каждое утро за это по «шагу». Мать выучила меня первой молитвѣ; она же первая начала учить меня и чтенію. Каждый день вооружался я «указкой» изъ пехворощанаго вѣника и училъ склады. Чтеніе поощрялось тѣмъ, что мать брала меня съ собою иногда на ярмарки—конотопскую и роменскую, на которыхъ покупались игрушки въ родѣ дрожекъ, запряженныхъ парою лошадей съ кучеромъ—бариномъ. Въ гости ѣздилъ я мало, потому что, кажется, рѣдко ѣздила по гостямъ сама мать. Наиболѣе близкія отношенія у нашей семьи были съ Кандыбами, Григоріемъ Петровичемъ и его женой Авдотьей Андреевной. Въ Куриловкѣ мать обыкновенно варила свои варенья, при чемъ я почти постоянно сопровождалъ её при этихъ поѣздкахъ. Всѣ дѣти Гр. П-ча Кандыбы имѣли сверстниковъ въ нашей семьѣ и наоборотъ; такъ старшій изъ дѣтей Кандыбы Петръ былъ сверстникомъ старшаго нашего брата Василія и т. д. Моей сверстницей была дочь Александра, бывшая потомъ замужемъ за салтыководѣвицкимъ Селецкимъ, и это былъ едва-ли не единственный пріятель дѣтскихъ моихъ лѣтъ. Другимъ такимъ сверстникомъ и пріятелемъ была дочь Андрея Андреевича Кандыбы (богача и скупца), тоже Александра, по мужу Тарновская. Сверстниковъ—мальчиковъ у меня вовсе не было, исключая одного дворового мальчика, съ которымъ, впрочемъ, я подружился уже позже, лѣтъ въ десять. Младшій братъ Иванъ, будучи моложе меня двумя годами, былъ малъ, когда мнѣ было 6—7 лѣтъ, а старшій Яковъ въ это время уже учился въ конотопскомъ уѣздномъ училищѣ. Поэтому дѣтство

мое проходило довольно скучно, почему сказки бабы Явдохи такъ привлекали мое дѣтское вниманіе.

Въ 1842 г. въ моей жизни произошло чрезвычайное для моихъ лѣтъ и тогдашнихъ временъ событіе: меня отвезли въ Харьковъ къ брату Ѳедору, харьковскому, въ это время, студенту. Отвезли меня, вѣроятно, для ученія, такъ какъ дома учить было меня некому, а въ конотопское приходское училище отдавать меня было еще рано. Въ Харьковѣ я прожилъ года два, но изъ этого пребыванія тамъ я, кажется, не вынесъ ровно ничего: двадцатилѣтній студентъ былъ плохимъ наставникомъ. Помню, что хозяйки тѣхъ квартиръ, гдѣ братъ за эти годы жилъ, очень участливо относились ко мнѣ въ виду моего дѣтства и безнадзорства. Помню разсказы студентовъ объ ихъ кутежахъ, подробности которыхъ жадно ловило дѣтское ухо...

Харьковская жизнь моя окончилась въ 1844 г. Въ томъ же году меня отдали въ конотопское уѣздное училище, куда я былъ принятъ въ первый классъ. «Штатнымъ смотрителемъ» училища въ это время былъ Иванъ Петровичъ Княгницкій, который, считаясь пріятелемъ отца, обращалъ на меня особое свое вниманіе. Ученіе мое въ Конотопѣ обставлено было, по возможности, заботливо. На квартиру меня помѣстили къ Аннѣ Степановнѣ Яковлевой, которая принимала къ себѣ на квартиру только *аристократовъ*, т. е. дѣтей конотопскихъ панковъ. У нея жили на квартирѣ: Лобода, Коровицкій, Драгомировъ (М. И.), разные Костенецкіе и т. д. У нея же жилъ на квартирѣ одинъ изъ учителей уѣзднаго училища Гасп. Ант. Лѣснобродскій, учитель математики, которому былъ порученъ особый надо мною надзоръ, состоявшій въ томъ, что онъ каждый день спрашивалъ меня заданные на другой день уроки. Пребываніе въ конотопскомъ училищѣ сохранилось въ моей памяти очень отчетливо, и я его опишу подробнѣе, какъ любопытную страницу изъ исторіи нашего начальнаго обученія.

Начну съ хозяйки и хозяина.—Анна Степановна, тучная старуха, лѣтъ подъ 60-тъ, была сестрой тогдашняго конотопскаго городничаго Аф. Ст. Соболевскаго, погарскаго панка, который

изъ военной службы получилъ конотопское градоправительство и жилъ на немъ безбѣдно съ своей семьей. Была у него и сестра, устарѣвшая дѣвица, которую, однако жъ, соблазнилъ брачный союзъ, предложеный ей выслужившимся изъ солдатъ въ офицеры великорусскимъ крестьяниномъ Лукою Яковлевымъ. Лука Яковлевичъ Яковлевъ былъ своего рода типъ. Отслуживъ Богу и Государю двадцать пять лѣтъ и дослужившись подпоручьяго чина, Яковлевъ вышелъ въ отставку и, встрѣтивъ въ Конотопѣ перезрѣвшую дѣву, сестру городничаго и собственницу хорошей усадьбы съ солидными постройками, предложилъ ей бракъ, который и былъ заключенъ. Получивъ, такимъ образомъ, обезпеченный кусокъ хлѣба, Яковлевъ сталъ попивать водочку и, втянувшись въ это занятіе. велъ такую жизнь во время моего квартированія у Анны Ст-ны: съ утра начиналъ пить по рюмочкѣ и къ обѣду былъ уже полупьянъ; съ этого времени начиналъ онъ отпускать разныя шуточки насчетъ супруги; затѣмъ, когда пьянѣлъ совсѣмъ, начиналъ ту же супругу уже бранить и преимущественно «московскою» бранью, при чемъ присутствіе малолѣтнихъ квартирантовъ его не стѣсняло. Супруга, зная буйный нравъ мужа, терпѣливо сносила такое, чуть не ежедневное его времяпрепровожденіе. Въ трезвомъ состояніи Яковлевъ былъ добродушный солдатъ, очень любовно относившійся къ намъ, за что и мы относились къ нему дружелюбно. Анну Степановну мы, дѣти, очень чтили за ея заботы о нашихъ желудкахъ, которые, какъ помню, никогда не голодали. Заботы Анны Степановны о нашихъ желудкахъ простирались до того, что напр., если за обѣдомъ случалась молочная каша, то намъ, дѣтямъ, предлагалось пить, кто хочетъ, воду *до* каши, съ предупрежденіемъ, что *послѣ* каши воды не дадутъ...

Обращаюсь теперь къ наставникамъ. Главный изъ нихъ былъ штатный смотритель Книгницкій, старый холостякъ, опрятный и аккуратный до педантизма, къ своимъ обязанностямъ онъ относился, повидимому, вполнѣ добросовѣстно: часто посѣщалъ классы, слушалъ донесенія о поведеніи учениковъ и довольно нелѣниво наказывалъ выходившія изъ общаго уровня шалости. А таковыя бывали часто и довольно разнохарактерныя, смотря

по различію возрастовъ; когда я былъ въ первомъ классѣ, мнѣ было 10 лѣтъ, но у меня были товарищи и гораздо старше, такъ лѣтъ по 16—17 и 18. Изъ наказаній Княгницкій практиковалъ и розги; но эти послѣднія употреблялись лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Вообще Княгницкій представлялъ изъ себя человѣка, который, не устроивъ собственнаго гнѣзда и имѣя бездну свободнаго времени, отдавалъ послѣднее училищу, находя въ этомъ училищѣ единственное развлеченіе въ жизни. Позднѣе уже, послѣ моего выхода изъ училища, Княгницкій женился на вдовѣ одного изъ конотопскихъ чиновниковъ, полуграмотной женщинѣ, которую, говорятъ, заставлялъ читать вслухъ газеты и выходилъ изъ себя, когда чтеніе выходило дикое. Я уже сказалъ, что Княгницкій считался пріятелемъ отца, что, однако жъ, не мѣшало матери присылать этому пріятелю черезъ меня, когда я возвращался съ праздниковъ изъ дома въ училище, кулёчки съ разными сельскохозяйственными продуктами. Кулёчки эти отбиралъ угрюмый сторожъ училища Несторъ, красивая дочь котораго волновала кровь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ товарищей, которымъ по лѣтамъ приличествовало болѣе жениться, а не учиться.

Учителей у насъ было пять. Законоучитель о. Иванъ Леонтовичъ, священникъ изъ с. Поповки, благообразный и привѣтливый человѣкъ, о которомъ память сохранила одни лишь хорошія впечатлѣнія. Сынъ о. Леонтовича Ѳедоръ, мой одноклассникъ, теперь одесскій профессоръ—юристъ [1]).

Другіе учителя были: полякъ Лѣснобродскій училъ математикѣ, Морозовскій—русскому языку, полякъ Бучинскій—исторіи и географіи и Слюсаревскій—рисованію и писанію. Обо всѣхъ этихъ учителяхъ память говоритъ, что относились они къ своему дѣлу болѣе или менѣе внимательно. Межъ ними не было ни одного, который бы какимъ-нибудь своимъ недостаткомъ возбуждалъ дѣтскій юморъ. Строже всѣхъ и, кажется, и дѣльнѣе былъ Лѣснобродскій, который, между прочимъ, какъ и Княг-

---

[1]) Писано въ 1891 году. Въ настоящее время Ѳедоръ Ивановичъ Леонтовичъ состоитъ профессоромъ Варшавскаго университета. *Ред.*

ницкій, отличался чрезвычайною опрятностью: въ классъ онъ входилъ вымытый и выбритый, какъ на парадъ. Предметъ свой преподавалъ толково; способные мальчики учились у него хорошо; но зато былъ онъ неумолимо строгъ и при этомъ вспыльчивъ. Лѣснобродскій умѣлъ ловко подмѣтить особенности своихъ учениковъ, давалъ имъ свои клички, которыя становились для Лѣснобродскаго нашими вседневными прозвищами. Помню, что я названъ былъ *Капкою*, потому кажется, что у меня изъ-подъ носа часто капало. Въ хорошемъ настроеніи духа и, когда уроки отвѣчались хорошо, Лѣснобродскій умѣлою шуткою съ нами вызывалъ общее довольство. Но бѣда была, когда какой-нибудь лѣнтяй какимъ-нибудь нелѣпымъ отвѣтомъ сердилъ вспыльчиваго поляка. Прежде всего являлись на сцену *пали*, т. е. битье особо сдѣланною для сего лопаткою по ладонямъ наказуемаго «Давалъ пали» какой-нибудь взрослый уже ученикъ, обладавшій для сего достаточною силою. У насъ въ классѣ такимъ раздавателемъ паль былъ Александръ Ельфимовъ, теперь конотопскій купецъ и земскій гласный. Паль давалось отъ двухъ—трехъ и до нѣсколькихъ десятковъ. Ладони у наказаннаго вспухали, какъ *пампушки*.. Болѣе всего паль приходилось на классы Лѣснобродскаго, предметъ котораго былъ труднѣйшимъ, да и учитель былъ требователенъ. Но очень часто вспыльчивость Лѣснобродскаго не ограничивалась палями, а пускались въ дѣло собственныя руки учителя: дралъ онъ въ такихъ случаяхъ за волосы, билъ объ доску, на которой рѣшались задачи, головою, бросалъ на землю, топталъ ногами... Однимъ словомъ, остроумный полякъ приходилъ въ бѣшенство и обращался въ какого-то звѣря, наводившаго на насъ ужасъ... Помню одинъ такой случай, когда это звѣрство обрушилось на мое дѣтское тѣло. Разъ какъ-то пріѣхала мать въ Конотопъ навѣстить меня. Каждый такой пріѣздъ представлялъ для меня несказанную радость: мать крѣпко любила меня, баловала, а я въ Конотопѣ скучалъ. Возвращаясь изъ училища на квартиру, я каждый разъ присматривался, особенно зимою, къ слѣдамъ колесъ и полозьевъ, которые вели въ ворота Анны Степановны, думая среди этихъ слѣдовъ встрѣтить слѣды гирявскаго

экипажа. Въ пріѣздъ матери ученіе шло, разумѣется, плохо, почему Лѣснобродскій и не любилъ этихъ пріѣздовъ. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ матери, я, увлекшись радостью свиданья, не пошелъ къ Лѣснобродскому на квартиру (жилъ онъ въ отдѣльномъ домикѣ, въ саду Анны Степановны) для репетиціи уроковъ. На другой день, въ классѣ, Лѣснобродскій вызвалъ меня къ доскѣ и, придравшись къ какому-то неудачному отвѣту, положительно избилъ меня, пустивъ въ дѣло и свои кулаки. Такія избіенія проходили для Лѣснобродскаго безнаказанно: никто не рѣшался жаловаться, вѣроятно, чувствуя, что у Княгницкаго защиты противъ дѣльнаго и исправнаго учителя найти нельзя было, а родители могли только жаловаться тому же Княгницкому.

Морозовскій былъ, повидимому, добрый человѣкъ; по крайней мѣрѣ, дѣтская память никакихъ горькихъ воспоминаній съ нимъ не связывала. Изъ его ученія помню грамматику Востокова и изученіе на память разныхъ стихотвореній. Стихи мы учили, кажется, только уже во 2-мъ классѣ; въ первомъ учили басни Крылова. Изъ стиховъ, помню, нѣкоторые никакъ не давались дѣтскому пониманію. Напр., никакъ не могъ я уразумѣть смысла Пушкинскаго «Поэта»:

«Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ».

Легче, казалось, давалось пониманіе одъ Державина, но, въ дѣйствительности, и тутъ ни одинъ изъ насъ не могъ бы передать содержанія ихъ. Басни учились легко, и тутъ же подходящіе изъ нихъ стихи пускались въ разговорный оборотъ.

У Бучинскаго, помню, мы исправно зубрили слово въ слово «маленькую Устряловку», очень часто вовсе не понимая выраженій въ родѣ—«удѣльная система падаетъ»... Бучинскій былъ апатичный добрякъ, который, кажется, никогда никого и не наказалъ. Наконецъ, у Слюсаревскаго усердно и безполезно рисовали какіе-то носы, губы и глаза. Доходили нѣкоторые и до головъ, украшенныхъ римскими шлемами.

Для характеристики преподаванія въ училищѣ слѣдуетъ сказать, что для ежедневной повѣрки исправнаго внѣкласснаго при-

готовленія уроковъ, классъ былъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, человѣкъ по пяти въ каждомъ, называемыхъ *ратами*, и надъ каждой ратой былъ поставленъ одинъ ученикъ *авдиторъ*, обязанный передъ началомъ класса спросить уроки у учениковъ своей раты и поставить имъ отмѣтки въ особомъ журналѣ, который затѣмъ представлялся учителю. Учитель спрашивалъ въ свою очередь уроки, повѣрялъ правильность дѣйствій авдиторовъ и, если находилъ, что незнающему ученику были выставлены отмѣтки удовлетворительныя, то наказывалъ и ученика не знающаго урока, и его авдитора. Наказаніе послѣднихъ часто бывало вполнѣ заслуженно, такъ какъ многіе изъ нихъ брали взятки, за которыя и ставили удовлетворительныя отмѣтки. Помню, что у меня въ ратѣ по географіи былъ балованый сынокъ конотопской мѣщанки, право спрашивать уроки котораго выпросилъ у меня мой двоюродный братъ Алексѣй Страшный, (поѣхавшій потомъ искать счастья въ Архангельской губерніи, въ уѣздныхъ судахъ и тамъ навсегда застрявшій), и затѣмъ очень умѣло вымогалъ у него булки и разныя лакомства. Помню, при переходѣ изъ перваго во второй классъ трое насъ, Леонтовичъ, Вятковскій и я, получили въ награду «книги» при чемъ намъ даны были какіе-то французскіе діалоги, завалявшіеся на чердакахъ училища. Экзамены оканчивались «актами», на которыхъ, кромѣ раздачи наградъ, раздавали еще и пироги, конечно, уже всѣмъ ученикамъ, въ изобиліи присылавшіеся въ эти торжественные дни изъ Семеновки тамошнимъ помѣщикомъ Н. Г. Гамалѣемъ, который, будучи почетнымъ смотрителемъ конотопскаго уѣзднаго училища, въ этомъ лишь одномъ дѣйствіи и проявлялъ свое попеченіе о его преуспѣяніи.

Воспоминаніе свое о конотопскомъ училищѣ окончу свѣдѣніемъ о персоналѣ учащихся. Учениками сюда поступали преимущественно дѣти бѣдныхъ панковъ, которые въ то время составляли и главный контингентъ конотопскихъ «присутственныхъ мѣстъ», т. е. разныхъ судовъ, опекъ, канцелярій. Изрѣдка попадали въ училище и дѣти богатыхъ козаковъ, напр. дептовскіе Калиты, бахмацкіе Страшные. Въ мое время былъ и одинъ крѣпостной крестьянинъ, но это былъ сынъ какого-то Гамалѣевскаго

приказчика, готовившійся помѣщикомъ послѣ окончанія училища, также на какую-нибудь дворовую дѣятельность.

Въ уѣздномъ училищѣ я пробылъ до февраля 1846 г., когда изъ 2-го класса неожиданно взятъ былъ домой. Оказалось, что такъ какъ я былъ записанъ кандидатомъ въ кадеты дворянскаго полка, то отецъ съ матерью и рѣшили заранѣе отправить меня туда съ старшимъ братомъ Василіемъ, который въ это время, окончивъ университетъ и скопивъ немного денегъ на «кондиціяхъ», ѣхалъ въ С.-Петербургъ искать тамъ счастья.

Горестное, помню, было мое разставанье съ домомъ. Поѣздка въ С.-Петербургъ, болѣе, чѣмъ за 1000 верстъ, въ тогдашнее время, съ полною увѣренностью, что возвращеніе домой можетъ быть не прежде окончанія корпуса, приводило и меня и мать въ удрученное состояніе. Особенно страдала мать, отпуская въ такую даль на неизвѣстное будущее двѣнадцатилѣтняго своего любимчика. У нея уже былъ одинъ примѣръ передъ глазами: братъ Яковъ, отправленный въ полтавскій кадетскій корпусъ въ 1842 г., оттуда прямо переведенъ былъ въ Спб., гдѣ и находился въ это время въ старшихъ классахъ дворянскаго полка, отсутствуя изъ дома уже четыре года, и не зная, когда судьба дастъ возможность побывать дома. Хорошо помню послѣдніе дни передъ выѣздомъ въ Спб., когда мать, наставляя меня, какъ вести себя, чтобы заслужить у чужихъ людей ласку, между прочимъ, давала мнѣ такой завѣтъ, что, если же мнѣ будетъ очень худо жить между чужими людьми, то, чтобы я тогда по вечерамъ старался смотрѣть на группу звѣздъ, называемую «Большая Медвѣдица» и вѣрить, что въ этотъ же моментъ будетъ и она смотрѣть на тѣ же звѣзды и вмѣстѣ съ тѣмъ выразитъ свою ласку и соболѣзнованіе своему сынку, заброшенному въ далекую чужую сторону.

24 февраля 1846 г. выѣхалъ я изъ благословенной Гирявки на земное странствіе. Братъ Василій ѣхалъ въ Спб., какъ я уже сказалъ, искать счастья и везъ при этомъ съ собою скопленныя учительствомъ у донского богача Себрякова небольшія деньги. Везъ онъ при этомъ съ собою крѣпостного лакея Никифора и собаку Бонгарда, т. е. ѣхалъ въ обстановкѣ, которая говорила о

нѣкоемъ достаткѣ. Достатокъ этотъ отразился и на мнѣ; по крайней мѣрѣ, дѣтскія мои нужды братъ ласково и сердечно удовлетворялъ. Такая обстановка нѣсколько сглаживала впечатлѣніе чужой стороны. Помню, ѣхали мы до Спб. около 2-хъ недѣль, перемѣнивъ теплую зимнюю кибитку на перекладную телѣгу, по случаю заставшей насъ въ дорогѣ весны. За дорогу я привыкъ къ брату, который, будучи старше меня на 17 лѣтъ, сначала казался мнѣ получужимъ человѣкомъ. Впрочемъ, только впослѣдствіи я вполнѣ могъ оцѣнить всю сердечную теплоту этого брата, которому не только я, но и всѣ остальные братья были такъ многимъ обязаны.

Въ Спб. мы пріѣхали въ началѣ марта въ весеннюю слякоть, которая, быть можетъ, и заслонила собою то впечатлѣніе, которое должѣнъ былъ произвести на меня большой городъ, далеко оставлявшій за собою знакомый уже мнѣ Харьковъ. Никакихъ впечатлѣній первое пребываніе въ Спб. въ моей памяти не оставило. Ходилъ по улицамъ, глазѣлъ, разѣвалъ ротъ передъ величиною домовъ, дворцовъ и—только. Особаго влеченія къ осмотру подробностей столичнаго величія не было, конечно, по дѣтской незрѣлости.

Проживъ въ Спб. весну и лѣто, я, однакожъ, мало занимался приготовленіями къ экзамену въ дворянскій полкъ; братъ, развлеченный своими занятіями и новыми знакомствами, лишь слегка понукалъ меня къ этимъ занятіямъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что экзамена въ дворянскій полкъ я не выдержалъ, и остался жить съ братомъ въ Спб., не знаю, съ какою цѣлью; можетъ быть, потому, что возвращеніе въ Малороссію было ужъ очень затруднительно.

Братъ разсчитывалъ первое время добывать средства къ жизни литературнымъ трудомъ; но добывать этимъ путемъ средства оказалось очень нелегко, и братъ сталъ думать о государственной службѣ. Въ это время два брата, Михаилъ и Ѳедоръ, служили въ Оренбургѣ въ коммиссіи, вѣдавшей кочевавшими около Оренбурга киргизами; они стали туда звать и Василія. На этотъ зовъ послѣдній согласился, особенно въ виду того обстоятельства, что въ это же время его *посватали* на довольно зрѣлой дѣвицѣ Не-

плюевой, оренбургской помѣщицѣ, съ которою рѣшено было вѣнчаться въ оренбургской деревнѣ Неплюевыхъ, гдѣ жила мать невѣсты. Лѣтомъ 1847 г. пріѣхалъ въ Спб. одинъ изъ братьевъ невѣсты и повезъ съ собою домой невѣсту съ женихомъ; повезли и меня, потому что негдѣ было меня оставить. Ближайшее знакомство жениха съ невѣстой во время дороги повело къ тому, что, пріѣхавъ въ деревню Неплюевыхъ, братъ рѣшивъ, должно быть, что отъ этого брака добра не видать, уѣхалъ въ Оренбургъ, обѣщая оттуда скоро вернуться, но не вернулся, и бракъ его съ Неплюевой разстроился.

Оренбургъ произвелъ на меня впечатлѣніе гораздо сильнѣе Спбурга. Киргизы, верблюды, зауральскія степи,—всё это вмѣстѣ отпечатлѣлось въ моей памяти такъ, что и теперь могу себѣ представить тогдашній Оренбургъ. Въ Оренбургѣ на службѣ находилось тогда нѣсколько малороссовъ, которые, сходясь вмѣстѣ, составляли довольно дружескій кружокъ, любившій наполнять время воспоминаніями о родинѣ.

Братъ Василій недолго побылъ въ Оренбургѣ. Зимою 1847 г. начальникъ оренбургской коммиссіи, вѣдавшей киргизовъ, генералъ Ладыженскій ѣхалъ въ Спб. по службѣ и забралъ съ собою и брата Василія. Въ Спб. братъ встрѣтился съ Далемъ, служившимъ въ то время у министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, и былъ приглашенъ на службу къ послѣднему. По этому случаю братъ въ Оренбургъ не возвратился, а я, живя у брата Ѳедора, сталъ ждать случая переправиться тоже въ Спб., гдѣ долженъ былъ продолжать жительство при братѣ Василіи. Болѣе полугода пришлось мнѣ прожить еще въ Оренбургѣ. Въ это время я началъ уже почитывать книги, преимущественно старые журналы. Въ это же время попалась мнѣ въ руки исторія Малороссіи, кажется, Бантыша-Каменскаго, прочитывая которую, я сталъ интересоваться исторіей той Малороссіи, названіе которой слыхалъ изъ устъ земляковъ, какъ въ Спб., такъ и въ Оренбургѣ, но хорошенько не понималъ, что это за Малороссія Въ это же время сталъ ко мнѣ ходить учитель, одинъ изъ сосланныхъ въ оренбургскіе батальоны поляковъ, которыхъ вообще было въ это

время не мало въ Оренбургѣ. Помню, что мой учитель хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, которому хотѣлъ и меня выучить, почему, обучая меня ариѳметикѣ и прочимъ наукамъ, говорилъ со мною почти исключительно по-нѣмецки. Помню, что со многими вопросами по исторіи Малороссіи я обращался къ моему учителю поляку, но онъ какъ-то мало удовлетворялъ мое любопытство, представляя изъ себя на видъ полунѣмца. Между тѣмъ Малороссія возбуждала мое любопытство и тѣми малороссійскими пѣснями, которыя пѣли въ Оренбургѣ земляки и изъ которыхъ многія были привезены туда Шевченкомъ, прожившемъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ до его перевода въ Орскую крѣпость. Весною 1848 г. меня въ первый разъ повезли за Уралъ въ степь, гдѣ я и прожилъ нѣсколько дней въ киргизской кибиткѣ, питаясь кумысомъ и какими-то киргизскими яствами. Больше всего понравилась мнѣ ѣзда въ степи верхомъ. Безграничность степи какъ-то упоительно дѣйствовала на воображеніе.

Выбрался я изъ Оренбурга только лѣтомъ 1848 г. въ очень оригинальной обстановкѣ. Изъ Оренбурга ѣхалъ въ Самару какой-то обозъ въ нѣсколько десятковъ подводъ; съ этимъ обозомъ отправилась и семья какого-то майора, перебиравшаяся дешевѣйшимъ способомъ въ Спб. Эта семья взялась доставить въ Спб. и меня. Путешествіе предстояло безконечное... Къ счастію моему, добравшись до Самары, мы встрѣтили тамъ порядочную холеру, которая послужила предлогомъ для прекращенія моего путешествія съ семьей майора, и я остался у университетскаго товарища брата Василія, Арс. Ѳед. Бѣлокрысенка, который служилъ тогда въ самарской удѣльной конторѣ. Бѣлокрысенко только что женился передъ этимъ на дочери служившаго въ Самарѣ финляндца-офицера Луизѣ Адольфовнѣ. Вотъ эта-то послѣдняя и была моимъ добрымъ геніемъ, изъявшимъ меня изъ семьи майора и оставившимъ у себя для ожиданія лучшей компаніи при переѣздѣ въ Спб. Луиза Адольфовна, не смотря на свою молодость (едва-ли ей было въ это время 20 лѣтъ), отнеслась ко мнѣ съ нѣжностью матери, и три-четыре мѣсяца, проведенныхъ мною въ Самарѣ, были однимъ изъ лучшихъ моментовъ моей отроческой жизни.

Лишенный материнской ласки, я ее нашелъ у едва вышедшей изъ отрочества финляндки, которая, будучи сама заброшена судьбой межъ чужихъ людей, можетъ быть, сердцемъ поняла и мое подобное положеніе. Живя въ Самарѣ и ничего не дѣлая, я пристрастился къ уженью рыбы на Волгѣ, гдѣ иногда просиживалъ ночи на плотахъ съ *донной* удочкой [1]). Два-три язя вознаграждали мое рыбацкое терпѣніе и приводили въ неописанный восторгъ. Луиза Адольфовна и выговаривала мнѣ за эти отлучки и въ то же время не хотѣла меня лишать удовольствія, которое могло дѣйствовать только благодѣтельно на воображеніе четырнадцатилѣтняго возраста. Волга съ ея особой, своеобразной жизнью, не могла не развивать отроческаго воображенія. Въ самарской же удѣльной конторѣ служилъ старшій братъ Ар. Ѳедоровича *Бѣлокрысенка* Матвѣй *Бѣлокрысовъ* (такъ по документамъ писались родные братья); служилъ онъ землемѣромъ, поэтому часто долженъ былъ по службѣ ѣздить въ предѣлахъ своей удѣльной конторы; очень часто онъ бралъ меня съ собою при этихъ поѣздкахъ. Разъ помню, при переѣздѣ черезъ Волгу, поднялась буря и наша лодка-паромъ заливалась водой... Я видѣлъ, какъ Бѣлокрысовъ сталъ раздѣваться, ожидая, что вотъ-вотъ лодку опрокинетъ... Въ этотъ моментъ я сидѣлъ оцѣпенѣвшій; но Богъ насъ спасъ.

Прожилъ я въ Самарѣ до осени, когда случилась оказія для дальнѣйшаго путешествія въ Спб. Оказія была снова очень оригинальная. Офицеръ оренбургскаго казачьяго войска Соколовъ везъ въ Спб. человѣкъ пятнадцать казаковъ-артиллеристовъ, которые ѣхали туда на обывательскихъ подводахъ. Съ Соколовымъ отправили и меня. Путешествіе это было превеселое. Соколову было лѣтъ 20, и, помню, что онъ всѣ свои впечатлѣнія, свое горе и свои радости часто повѣрялъ мнѣ, какъ товарищу. Съ подчиненными же своими обращался очень дружелюбно, и тѣ превозносили своего командира: напившись нерѣдко до пьяна, казаки горланили, сидя на обывательскихъ подводахъ:

---

[1]) Любовь къ уженью рыбы сохранилось у Ал. М-ча до старости. *Ред.*

Командиръ нашъ Соколовъ
Онъ служитъ съ нами готовъ.

Купивъ у одного казака фуражку, я тоже преобразился въ казака, причемъ просилъ, чтобы и мнѣ, какъ другимъ, отводилась на стоянкахъ квартира въ крестьянскихъ избахъ. Соколовъ этому желанію не противорѣчилъ, и я былъ предоволенъ, когда крестьянскія бабы выражали ко мнѣ особое сочувствіе, что вотъ молъ какого молодого казаченка везутъ уже на службу.

Такъ мы доѣхали до Н. Ладоги, гдѣ стояла баттарея, въ которую назначена была партія Соколова. Отъ Ладоги мнѣ пришлось ѣхать уже одному на почтовыхъ по подорожней «недоросля изъ дворянъ». Я забылъ сказать, что изъ Оренбурга я везъ съ собою оставленную тамъ братомъ Василіемъ прекрасную датскую собаку Беппо: собака эта сопровождала меня всю дорогу до Спб., и я особенно былъ ей благодаренъ за путь отъ Ладоги: пришлось ѣхать ночью или поздно вечеромъ, было страшно, и только Беппо своимъ присутствіемъ умѣрялъ этотъ страхъ. Наконецъ, осенью достигъ я Спб. Здѣсь опять сталъ я болтаться безъ цѣли, такъ какъ, кажется, и самъ братъ не зналъ, что предпринять со мною, боясь, что помѣщеніе въ учебное заведеніе будетъ сопровождаться непосильною для отца платою. Но въ началѣ 1849 г. братъ помѣстилъ меня у одного изъ гувернеровъ 2-ой гимназіи. (Б. Мѣщанская) швейцарца Пренса, съ цѣлью практическаго изученія французскаго языка. Тутъ же меня учили и другимъ предметамъ на французскомъ языкѣ. У Пренса я проболтался около года и, правда, научился болтать по-французски, но всѣ остальные предметы были заброшены. Между тѣмъ мнѣ шелъ 16-й годъ, и пора было рѣшить, что же дальше со мной дѣлать?— Рѣшено было, наконецъ, помѣстить меня въ гимназію, и, такъ какъ, по своимъ лѣтамъ, я долженъ былъ поступить не ниже 3-го класса, то началось усиленное приготовленіе къ предстоящему экзамену, особенно, изъ ариѳметики и алгебры, которыя были мною или забыты, или вовсе не учены. Въ февралѣ 1850 г. я былъ, наконецъ, принятъ во 2-ую гимназію въ 3-ій классъ, причемъ меня помѣстили въ пансіонъ, гдѣ плата въ то время

была 200 р. съ чѣмъ-то. Я усиленно принялся учиться, чувствуя самъ, что долго загулялся. Всѣ предметы мнѣ легко давались, за исключеніемъ математики, которую къ тому въ нашемъ классѣ преподавалъ пользовавшійся громкою въ Спб. извѣстностью, какъ учитель, Ф. Ф. Эвальдъ. На экзаменахъ кривая вывезла, и меня перевели въ слѣдующій классъ. Затѣмъ я пробылъ четыре года въ гимназіи, въ пансіонѣ, и остановлюсь на этомъ времени нѣсколько подробно, потому что, несомнѣнно въ это время окончательно опредѣлились мои духовные вкусы и совершилось то первоначальное развитіе, которое служило главнымъ основаніемъ для послѣдующаго.

2-ая гимназія считалась одною изъ лучшихъ въ Спб. по составу наставниковъ и, кажется, справедливо.

Припомню по возможности весь персоналъ этихъ наставниковъ.

Директоромъ у насъ былъ А. Ф. Постельсъ, совершившій, въ качествѣ естествоиспытателя, кругосвѣтное путешествіе, кажется, съ Литке. Съ нѣмецкою пунктуальностью исполнялъ онъ свои обязанности, кажется, ни на часъ, не оставляя безъ своего надзора и учащихъ и учащихся. Учителя его побаивались, а гувернеры и просто трепетали. Поэтому, какъ внѣшній, такъ и внутренній порядокъ въ гимназіи былъ образцовый. Особенно слѣдилъ Постельсъ за жизнью пансіонеровъ, не оставляя ихъ безъ надзора ни днемъ, ни ночью. Слѣдилъ онъ также и за пищею, почти постоянно присутствуя при нашихъ обѣдахъ. Нельзя сказать, чтобы мы, гимназисты, особенно боялись Постельса, но чувствовалось, что этотъ человѣкъ, посвятивъ всего себя исполненію долга, не имѣлъ въ своей природѣ той сердечности, безъ которой наставникъ юношества никогда не будетъ пользоваться привязанностью послѣдняго: не завоевавъ сердецъ, наставникъ никогда не достигнетъ благихъ результатовъ. Мы уважали Постельса, но никогда не умѣрили-бы нашихъ шалостей изъ-за одного того, что Постельсъ этимъ будетъ недоволенъ; всегда готовы были мы и обмануть его. Никакой духовной связи между имъ и нами не было. Тѣмъ не менѣе Постельсъ считался въ

Спб. образцовымъ педагогомъ и впослѣдствіи былъ воспитателемъ дѣтей у принца Ольденбургскаго.

Совершенную противоположность съ Постельсомъ представлялъ инспекторъ Хр. Ив. Пернеръ. Хотя и тоже нѣмецъ, но Пернеръ былъ прежде всего безтолковъ: никогда нельзя было понять, чего онъ хочетъ, когда приходилось ему покрикать на насъ. При этой безтолковости Пернеръ былъ до крайности добръ, и всѣ мы его любили. Еслибы Пернеръ умѣлъ и захотѣлъ, онъ могъ почти всецѣло распоряжаться нашимъ поведеніемъ: до такой степени мы его любили. Любили же его прежде всего, конечно, за его сердечность, а потомъ какъ противоположеніе Постельсу. Хотя Пернеръ старался подражать Постельсу и непрочь былъ иногда покрикать на насъ, но этотъ крикъ какъ-то сразу приводилъ насъ въ доброе расположеніе, потому что мы наперед знали, что крикъ долженъ кончится шуткой, улыбкой и затѣмъ спокойнымъ удаленіемъ Хр. Ив. Особый видъ представлялъ собою Пернеръ въ тѣ моменты, когда долженъ былъ ассистовать Постельсу при какихъ-либо особенно грозныхъ мѣропріятіяхъ Постельса. Помню, разъ произошло въ гимназіи чрезвычайное событіе: Постельсъ при общемъ собраніи всѣхъ гимназистовъ наказалъ двухъ—трехъ изъ насъ розгами, которыя вообще у него не практиковались. Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ петербургскихъ гимназіяхъ, а можетъ и въ другихъ, введено было обученіе шагистикѣ. Послѣдней насъ училъ какой-то преображенскій унтеръ, довольно ревностно относившійся къ своей задачѣ. Замѣчая, что мы нерадиво относимся къ его преподаванію и шагаемъ съ улыбками, унтеръ пожаловался Постельсу. Послѣдній нашелъ нужнымъ показать намъ, что шагистика не шутка и приказалъ отвести старшіе классы въ «сборню», гдѣ уже приготовлены были розги и около нихъ стоялъ памятный намъ красноносый унтеръ-офицеръ Луниковъ, вѣдавшій гимназическихъ служителей. Сказавъ предварительно краткую рѣчь на тему о необходимости послушанія, Постельсъ указалъ какую-то жертву, которая мигомъ подверглась самому краткому, впрочемъ, сѣченію. Затѣмъ указалъ на старшаго Слонецкаго-Михайловскаго,

но этотъ отвѣчалъ, что онъ не ляжетъ, чувствуя себя больнымъ. Произошло смятеніе. Пернеръ пришелъ въ ужасъ отъ такой смѣлости. Постельсъ смѣшался, но тутъ же вышелъ изъ затрудненія: въ первомъ ряду стоялъ 7-ой классъ и въ числѣ ихъ сынъ близкаго пріятеля Постельса Темьянскій. Послѣдній стоялъ какъ-то свободно, выставивъ, кажется, ногу. «А вы, Т-скій, какъ стоите? не знаете, какъ слѣдуетъ стоять при начальствѣ? Я покажу вамъ, что я помню дружескія отношенія къ вашему отцу—ложитесь!» Двумя—тремя розгами Постельсъ сорвалъ свое сердце на сынѣ пріятеля. Экзекуція кончилась длиннымъ увѣщаніемъ, произнесеннымъ грозно и громко, которое окончилось словами:» Луниковъ! *положи розги въ соль*!» Повернувшись затѣмъ, Постельсъ ушелъ, сказавъ Пернеру отпустить насъ изъ сборной. Нужно было видѣть бѣднягу Пернера, когда, по уходѣ Постельса, онъ обратился ко всѣмъ намъ съ словами: «и какъ можно доводить себя до такой мѣры! И какъ вамъ, господа, не жаль себя! За что пострадалъ бѣдный Темьянскій?» (юноша вообще скромный и серьезный). А затѣмъ погрозивъ пальцемъ Михайловскому, видимо, одобряя въ душѣ его смѣлость, приказалъ итти пансіонерамъ въ камеры, а приходящимъ домой: этотъ случай наказанія розгами былъ при мнѣ, сколько знаю, единственный. Можетъ быть, когда какого-нибудь «маленькаго» и посѣкли, но это уже дѣлалось келейно; до общаго свѣдѣнія такіе случаи не доводились.

Обращусь теперь къ учителямъ, которыхъ я знаю съ перехода въ 4-ый классъ.

Начну съ законоучителя отца Матѳія Муретова, который училъ въ старшихъ классахъ. Муретовъ былъ магистръ кіевской академіи и, должно быть, очень ученый попъ, потому что былъ священникомъ въ тогдашней Иркіевской церкви находившейся въ адмиралтействѣ. Ничего особаго Муретовъ изъ себя на видъ не изображалъ, кромѣ развѣ того, что былъ большой трусъ. Учились бы мы у него плохо, при его нетребовательности; но мы боялись ревизора преподаванія Закона Божія въ петербургскихъ гимназіяхъ—протоіерея казанскаго собора о. Андрея Райковскаго. Послѣдній заглядывалъ къ намъ очень нерѣдко, каждый разъ

приводя въ трепетъ Муретова. Вспомнимъ, что дѣло идетъ о времени, когда министромъ былъ назначенъ Ширинскій. Райковскій очень часто задавалъ вопросы невозможные; мнѣ, напр., разъ задалъ въ 6-мъ классѣ, разсказать содержаніе одного изъ апостольскихъ посланій и, на мой отвѣтъ: «не знаю», поставилъ нуль; подобные же общіе вопросы были предложены и другимъ, которые получили такіе же нули. Впрочемъ, строгость Райковскаго была такова, что самъ Постельсъ не очень смущался результатомъ его посѣщеній, видя, какъ говорили, что Райковскій больше придирается къ Муретову. Трусость Муретова, какъ разсказывали, имѣла свою исторію. Дѣло въ томъ, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе, начиная съ Новаго года и до Святой, посѣщать почти всѣ среднія учебныя заведенія, какъ военныя, такъ и гражданскія. Всегда посѣщались при этомъ и гимназіи. Обыкновенно эти посѣщенія происходили при такой обстановкѣ: какъ только проходилъ слухъ, что царь посѣтилъ то или другое заведеніе, сейчасъ же начиналось его ожиданіе и въ остальныхъ. Въ нашей гимназіи это ожиданіе выражалось въ томъ, что съ 12-ти часовъ мы, пансіонеры, переодѣвались въ новое платье и сидѣли въ классахъ уже на чеку, поминутно ожидая трехъ звонковъ изъ швейцарской. Муретовъ спеціально дѣлалъ распоряженіе, чтобы при входѣ царя въ классъ послѣ здорованья и приказанія садиться, лучшій ученикъ не садился, а готовился бы отвѣчать урокъ, какъ будто передъ тѣмъ вызванный Муретовымъ. Такія приготовленія были сдѣланы и въ 1850, кажется, году, когда императоръ Николай въ послѣдній разъ посѣтилъ нашу гимназію. Какъ обыкновенно, пріѣхавъ въ гимназію, царь прежде другихъ классовъ входилъ въ 4-ый, бывшій первымъ по расположенію комнатъ. Въ пріѣздъ царя въ 1850 г., въ 4-мъ классѣ шелъ урокъ Закона; услыхавъ царскій звонокъ, Муретовъ, спрашивавшій въ это время посредственнаго ученика (кажется Лаубе), по обыкновенію, сказалъ, чтобы при входѣ царя отвѣчалъ кто-то другой, конечно, одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Пришелъ царь, сопровождаемый, какъ обыкновенно, директоромъ и инспекторомъ, поздоровался, приказалъ садиться и затѣмъ, об-

ратясь къ Муретову, сказалъ—«продолжайте!». Но послѣ приказанія садиться. Лаубе продолжалъ стоять и Муретовъ не нашелся вызвать другого и обратился къ нему съ вопросомъ: «какъ читается 8-ая заповѣдь?» Лаубе молчалъ и молчалъ—минуты двѣ. Царь началъ терять терпѣніе... Наконецъ, Лаубе вспомнилъ: не прелюби сотвори!—Царь крикнулъ: «дуракъ!» а затѣмъ повернулся и говорятъ, уѣхалъ изъ гимназіи, не заходя уже въ другіе классы... Муретовъ, разумѣется, остался ни живъ, ни мертвъ... Этотъ случай произвелъ на него, какъ разсказывали, такое впечатлѣніе, что онъ впослѣдствіи всегда имѣлъ видъ чѣмъ-то угнетеннаго, всегда чего-то боящагося человѣка. Помнилъ, должно быть, этотъ случай и царь: до своей смерти онъ затѣмъ не заглядывалъ во 2-ую гимназію, хотя каждый годъ и послѣ этого мы ожидали его въ урочное время, каждый день надѣвая новыя куртки и каждый день производя директорскую репетицію отвѣта на царское привѣтствіе—«здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Ухудшилъ угнетенный духъ Мур. и попечитель Мусинъ-Пушкинъ, о которомъ скажу послѣ, особенно любившій посѣщать уроки Закона и русской исторіи, при чемъ очень часто задавалъ самъ вопросы, на которые получалъ отвѣты, далеко не всегда удовлетворительные. Разъ помню въ 6-мъ классѣ, кажется, ни одинъ ученикъ не съумѣлъ полностью повторить молитвы передъ причастіемъ. Разумѣется, Муретовъ трепеталъ.

Затѣмъ будутъ слѣдовать учителя математики. Поступивъ въ 3-й классъ, я засталъ, какъ уже говорилъ, учителемъ ариѳметики Ф. Ф. Эвальда, который пользовался въ Петербургскомъ ученомъ мірѣ большою славою, вполнѣ заслуженною, какъ одинъ изъ лучшихъ преподвателей математики въ многочисленныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, въ 1850 г. онъ оставилъ нашу гимназію, отдавъ всю свою педагогическую дѣятельность военнымъ учебнымъ заведеніямъ. Вѣроятно, Ростовцевъ [1]) лучше умѣлъ цѣнить даровитыхъ учителей. Послѣ Ф. Ф.

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ былъ тогда главнымъ начальникомъ военныхъ учебныхъ заведеній.

Эвальда остался въ гимназіи пользовавшійся не меньшею славою хорошаго учителя математики—Мих. Кир. Иващенко, у котораго я учился въ 4-мъ классѣ. У Иващенка не было того тонкаго юмора, которымъ умѣлъ Эвальдъ разнобразить свои уроки, но за то была какая-то несокрушимая логика въ его объясненіяхъ урока, заставлявшая слѣдить за этимъ объясненіемъ не только хорошихъ, но и среднихъ учениковъ. Помню очень хорошо, какъ я, плохой математикъ, вообще, ловилъ плавное, ровное объясненіе теоріи уравненій, такъ какъ у Иващенка была метода тутъ же заставлять продолжать свое объясненіе, словами: «а затѣмъ...». Всякому хотѣлось уразумѣть слѣдовавшее *затѣмъ*... И Иващенко пробылъ въ гимназіи при мнѣ недолго; въ началѣ 1851 г. его перевели директоромъ Могилевской гимназіи, конечно, по предстательству Мусина-Пушкина, который, не смотря на свои грубыя отношенія къ учащимъ и учащимся, цѣнилъ хорошихъ учителей. Иващенка замѣнилъ ничтожный Зоннъ, который первое время, ставя отмѣтки, руководствовался отмѣтками Иващенка: кому Иващенкомъ была поставлена хорошая отмѣтка, тому ставилъ такую-же и Зоннъ, хотя-бы отвѣтъ совсѣмъ былъ плохъ. Впослѣдствіи Зоннъ сталъ преподавать физику, а математика была отдана переведенному изъ Астрахани, Рихтеру. Послѣдній былъ, кажется, способнымъ учителемъ, но его, сопровождаемая слюнами дикція, затемняла его рѣчь и портила впечатлѣніе. Ученики, впрочемъ, относились къ Рихтеру пріязненно, такъ какъ чувствовали въ немъ честнаго человѣка.

Русскій языкъ въ старшихъ классахъ преподавалъ очень извѣстный тогда въ Спб. А. П. Алимпіевъ, старецъ лѣтъ за 60, обучившій на своемъ вѣку, по крайней мѣрѣ, два поколѣнія. У Алимпіева мы учили разныя «теоріи» по книжкамъ Зеленецкаго, стихи, отрывки на старославянскомъ языкѣ по хрестоматіи, кажется, Пенинскаго и, наконецъ, писали сочиненія. Все это у Алимпіева дѣлалось какъ-то машинально, безъ всякаго участія со стороны учителя къ тому, что говорилъ или писалъ ученикъ. Алимпіевъ былъ сильно глуховатъ, что способствовало тому, что ему, вмѣсто урока, часто пороли всякую гиль. Глухота развила у Алимпіева

подозрительность и онъ, бывало, чуть увидитъ улыбку на лицѣ ученика, сейчасъ же обращается къ нему: ну чего *лыбишь?* Перейдя въ 7-ой классъ, мы получили, вмѣсто вышедшаго за старостью въ отставку Алимпіева, только что окончившаго педагогическій институтъ студента Кургановича. Этотъ молодой учитель принадлежалъ къ числу тѣхъ, у которыхъ отсутствіе природнаго дара замѣняется трудолюбіемъ и прилежаніемъ. Благодаря послѣднимъ двумъ качествамъ, Кургановичъ окончилъ институтъ въ числѣ первыхъ и сразу получилъ мѣсто въ петербургской гимназіи, что было нелегко. Нашъ классъ учился у Кургановича всего годъ; за это короткое время никакого впечатлѣнія на насъ онъ не произвелъ, да, должно-быть, и впослѣдствіи онъ ничѣмъ не выразился: никогда не приходилось и послѣ о немъ ничего читать. Изъ печатныхъ его работъ помню подаренную нѣкоторымъ изъ насъ книжку—«Мысли Платона о воспитаніи».

Исторію преподавалъ младшій братъ Ф. Ф. Эвальда, Влад. Ф. Послѣ ухода его брата и Иващенка, это былъ, несомнѣнно, лучшій учитель 2-й гимназіи. Хорошо одаренный отъ природы, Вл. Ф. Эвальдъ, какъ стало намъ видно послѣ, постоянно читалъ, при чемъ читалъ не однѣ книги по своей спеціальности, но, вообще, что называется, слѣдилъ за литературой. Эвальдъ никогда не задавалъ намъ уроковъ по книгѣ, а читалъ настоящія лекціи, придерживаясь учебника лишь въ порядкѣ изложенія событій. Въ этихъ лекціяхъ онъ подчеркивалъ существенныя мѣста, дополнялъ учебникъ характернымъ событіемъ или освѣщалъ эти событія другимъ, чѣмъ въ учебникѣ, свѣтомъ; и хотя мы этихъ лекцій не записывали, но многое запоминали и многое на репетиціяхъ отвѣчали изъ того, что было разсказано учителемъ и чего не было въ учебникахъ. А учебники эти были прежалкіе: изъ всеобщей исторіи—Смарагдовъ, а изъ русской—двухтомный Устряловъ... Особенно былъ ужасенъ тонъ изложенія и освѣщенія фактовъ у Смарагдова. Помню и теперь, какъ внимательно слушали мы лекціи Эвальда, особенно о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ напр. крестовые походы, французская революція... Разсказывая событія русской исторіи, Эвальдъ, напр., познакомилъ насъ съ сочиненіями Соловьева,

т. е. съ обѣими его диссертаціями. Мусинъ-Пушкинъ, какъ я уже сказалъ, любилъ присутствовать на урокахъ исторіи, и эти посѣщенія уроковъ Эвальда всегда сходили благополучно, потому что Эвальдъ какъ-то умѣло спрашивалъ и умѣло направлялъ на истинный путь спутавшагося ученика. Мусинъ уходилъ съ урока видимо довольный, но все-таки постукивалъ своей палочкой... Толково преподавалъ свой предметъ Эвальдъ, кромѣ того, любилъ вести съ учениками бесѣды и о постороннихъ предметахъ; умѣлъ онъ подмѣтить личныя слабости нѣкоторыхъ изъ насъ и съ тонкимъ юморомъ подвергалъ ихъ осужденію. Помню, былъ у насъ товарищъ Филиппеусъ, который очень гордился своимъ шведскимъ или финляндскимъ дворянствомъ.—Эвальдъ не замедлилъ замѣтить этому Филиппеусу, что онъ, Эвальдъ, не сомнѣвается, что у него, Филиппеуса, задница черная, что составляетъ необходимую принадлежность дворянина. Подобными замѣчаніями Эвальдъ благотворно вліялъ на наше общее развитіе, которое тогда, вообще, старались обходить. Эвальду-же мы обязаны были и первымъ знакомствомъ съ Гоголемъ, котораго онъ очень любилъ, и о которомъ готовъ былъ всегда говорить. Гоголя Эвальдъ настолько изучилъ и выучилъ, что указывая намъ на прелести «Тараса Бульбы», онъ пояснялъ различіе между первою и второю редакціями этой повѣсти. Эвальдъ насъ познакомилъ съ Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ, «малою дытиною» Шпонькою и другими личностями, говоря о которыхъ приводилъ подлинныя рѣчи тѣхъ или другихъ героевъ. Вообще, Вл. Эвальдъ имѣлъ огромное вліяніе на наше развитіе и, конечно, не одинъ изъ насъ добромъ поминалъ этого, мало еще оцѣненнаго у насъ, педагога. Кажется, что Вл. Ф. Эвальдъ и А. Ст. Вороновъ, замѣстившій Постельса (уже послѣ меня) на директорствѣ 2-й гимназіи, были замѣчательнѣйшими нашими педагогами въ Александровскую эпоху. Какъ жаль только, что время полнаго развитія ихъ духовныхъ силъ совпало съ Толстовскимъ классицизмомъ, знаніе котораго и Вороновъ и Эвальдъ, въ той формѣ, какая для него была измышлена Катковымъ и Леонтьевымъ, настойчиво отрицали. Враждебность свою къ Толстовскому классицизму Эвальдъ выразилъ

тѣмъ, что, будучи ученикомъ Греффе [1]) онъ тѣмъ не менѣе вторую половину своей жизни посвятилъ реальной школѣ. А между тѣмъ надо было послушать, когда Эвальдъ разсказывалъ троянскую войну, пересыпая разсказъ отрывками изъ Иліады, эпическую прелесть которой онъ, конечно, лучше понималъ, чѣмъ теперешніе «классики», которые до тонкостей знаютъ грамматику и не идутъ дальше буквальнаго содержанія читаемаго автора..

Латинскій языкъ преподавалъ у насъ нѣмецъ Радловъ, отлично знавшій свое дѣло, но «не строгій», почему большинство учениковъ училось у него плохо. Радловъ походилъ болѣе на профессора, чѣмъ на учителя: онъ объяснялъ читаемаго автора съ увлеченіемъ и думалъ, что съ такимъ же интересомъ слушаютъ его и ученики, а послѣдніе въ то время читали какую-нибудь книжку...

Преподаваніе греческаго языка при мнѣ было уничтожено.

Окончивъ съ персоналомъ учителей, я, какъ бывшій пансіонеръ (т. е. интернъ) долженъ еще сказать о нашихъ гувернерахъ, подъ надзоромъ которыхъ мы находились внѣ классовъ. Ихъ было восемь: четыре француза и четыре нѣмца; одинъ день было французское дежурство, другой нѣмецкое; два дежурили въ камерѣ старшихъ классовъ, а два въ камерѣ младшихъ. Отъ этихъ гувернеровъ мы должны были учиться языкамъ практически; но, разумѣется, изъ этого ничего не могло выйти по одному уже количеству учениковъ: въ каждой камерѣ было не менѣе 60-ти человѣкъ; потомъ эти гувернеры любили почему-то говорить болѣе по-русски, особенно браниться съ нами. Большинство гувернеровъ были люди сомнительнаго происхожденія и изображали изъ себя въ присутствіи Постельса положительныхъ лакеевъ. Леммъ, Крюгеръ и Альбрехтъ особенно отличались въ лакействѣ. Изъ желанія угодить директору эти наставники другъ передъ дру-

---

[1]) Федоръ Богдановичъ Греффе (1780—1851 г.) былъ академикомъ и профессоромъ греческой словесности въ спетербургскомъ университетѣ.

гомъ щеголяли въ шпіонствѣ, для чего особенно усердно слѣдили за гимназистами, которые, по строптивости характера, всегда находились въ подозрѣніи. Полною ничтожностью отличались два француза Жоберъ и Госсе; первый былъ, говорили, барабанщикъ наполеоновской арміи. Оба они были цѣлью постоянныхъ насмѣшекъ, любившихъ упражняться въ остроуміи, гимназистовъ.

(На этомъ обрывается автобіографія А. М. Лазаревскаго).

Къ вопросу о славянахъ.

Въ апрѣльскомъ № журнала «Кіев. Стар.» за настоящій годъ помѣщенъ Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ разборъ недавно появившейся моей статьи «Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ», въ которомъ уважаемый авторъ сдѣлалъ мнѣ честь, быть можетъ и мало заслуженную, отнестись благосклонно къ моимъ скромнымъ трудамъ въ области археологіи, за что считаю своимъ неуклоннымъ и пріятнымъ долгомъ принести ему мою глубокую благодарность. Тѣмъ не менѣе, относительно нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ мною теорій и положеній мы нѣсколько расходимся во взглядахъ, почему я считаю себя въ правѣ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ на страницахъ того-же уважаемаго журнала,—не съ цѣлью полемизировать съ многоуважаемымъ Н. Ѳ., а просто въ защиту того, въ чемъ я глубоко убѣжденъ внутренно и что стало для меня непреложной истиной въ силу многолѣтнихъ собственныхъ и чужихъ изслѣдованій, давшихъ не подлежащіе сомнѣнію факты.

Главнѣйшимъ возраженіемъ противъ высказаннаго мною служитъ слѣдующее: г. Бѣляшевскій, вполнѣ соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ относительно народа, которому принадлежатъ могильники полей погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ, и который я считаю славянами, не находитъ возможнымъ признать того-же происхожденія за жителями предшествующей эпохи, т. е. начиная отъ каменнаго вѣка вплоть до времени около Р. Х., къ которому

относятся уже нѣкоторые могильники средне-приднѣпровскихъ полей погребеній, не смотря на то, что я высказался въ этомъ смыслѣ на основаніи тѣхъ-же данныхъ, какія принимались мною во вниманіе и при опредѣленіи предъидущихъ,—именно: 1) антропологическихъ (форма череповъ), 2) осѣдлаго, земледѣльческаго образа жизни, подтверждаемаго предметами быта, и 3) устойчивости погребальнаго обряда. Въ своемъ заключеніи онъ указываетъ на то, что это положеніе не является чѣмъ-то новымъ,—что оно не разъ уже было высказано раньше и получало въ свое время соотвѣтствующія возраженія. Не останавливаясь на вопросѣ, кѣмъ и когда это было сдѣлано и полагаясь въ этомъ вполнѣ на обширную эрудицію г. Бѣляшевскаго, въ превосходствѣ которой надъ моей собственной, въ данномъ случаѣ, я нисколько не стыжусь сознаться, я перейду къ нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ его заключенія, такъ или иначе остающимся для меня не вполнѣ ясными.

«Мы нисколько не отрицаемъ», говоритъ онъ, «что при смѣнѣ народностей извѣстныя черты культуры и даже физическаго склада передаются отъ предъидущихъ къ послѣдующимъ: то-же могло быть и въ данномъ случаѣ».

Я нѣсколько затрудняюсь понять, какого рода смѣну народностей можно имѣть въ виду при обстоятельствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. То, о чемъ говоритъ многоуважаемый авторъ, конечно, вполнѣ естественно и неизбѣжно при условіяхъ насильственной или добровольной замѣны одного народа другимъ въ извѣстной мѣстности, если послѣ этого они поддерживаютъ и сохраняютъ между собою прямыя и притомъ продолжительныя сношенія: но, чтобы говорить такъ, необходимо предположить здѣсь, что первоначальные обитатели нашего края необходимо должны были быть не славянами и только вошли съ послѣдними въ соприкосновеніе впослѣдствіи,—что, мнѣ кажется, еще труднѣе доказать, нежели мою, основанную на положительныхъ фактахъ, теорію противоположнаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, я истолковываю себѣ значеніе приведенныхъ словъ, не ручаясь за то,

что я понялъ правильно, и что и г. Бѣляшевскій предполагалъ именно это.

Почти въ такой-же степени, но уже въ другомъ смыслѣ для меня неясны слова: «Чтобы судить о племени, какъ о самостоятельной единицѣ, нужно имѣть на лицо всѣ признаки, характеризующіе племя». При всемъ моемъ уваженіи къ автору, я все-же позволю себѣ назвать его нѣсколько требовательнымъ, если онъ не считаетъ достаточными такіе капитальные признаки, какъ культура и бытовые предметы, указывающіе на образъ жизни, обрядъ погребенія и антропологическія данныя относительно его физической организаціи. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, мнѣ приходилось думать, что на основаніи этихъ трехъ основныхъ характеристическихъ особенностей можетъ быть установлено опредѣленіе народа, который къ тому-же не принадлежитъ къ числу новооткрытыхъ и мало извѣстныхъ, подобно мелкимъ океанійскимъ племенамъ, а имѣетъ за собой многовѣковую, давно служащую предметомъ изученія исторію и широко разработанную литературу, причемъ объ передаютъ одинаковые факты и указываютъ на общія ему во всѣ вѣка черты. Исключительно на основаніи ихъ я счелъ возможнымъ высказать такое категорическое мнѣніе и не раскаиваюсь въ немъ и понынѣ.

Но наиболѣе поразительнымъ для меня является то, что г. Бѣляшевскій, не обинуясь, говоритъ: «по отношенію къ древнѣйшимъ насельникамъ нашего края такихъ признаковъ мы не имѣемъ, *да и навряд-ли когда-либо будемъ имѣть*, почему говорить о нихъ, какъ о славянахъ, не вдаваясь въ область гипотезъ и догадокъ, нѣтъ основаній».

Такой безнадежный взглядъ на дѣло со стороны того, кто самъ принималъ и принимаетъ такое живое участіе въ изученіи нашего края и славянскаго вопроса въ особенности, едва-ли желателенъ и грѣшитъ значительной дозой пессимизма, въ самой слабой степени оправдываемаго современнымъ состояніемъ и общимъ поступательнымъ ходомъ науки. Опытъ и исторія учатъ насъ, что весьма многія блистательно подтвердившіяся теоріи считались въ свое время абсолютной невозможностью,

абсурдомъ и ересью, для защиты которой нуженъ былъ значительный запасъ смѣлости, не смотря на глубокую вѣру въ правоту своего дѣла. Чтобы не ходить далеко, я приведу одинъ примѣръ изъ наиболѣе близкихъ къ намъ по времени и мѣстности. Не болѣе какъ десятка три лѣтъ тому назадъ западно-европейскіе ученые съ полнымъ убѣжденіемъ утверждали, что у насъ въ Россіи нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы человѣкъ могъ существовать одновременно съ мамонтомъ и что вообще едва-ли возможное, чтобы онѣ когда-либо могли появиться.

Между тѣмъ въ теченіе этого сравнительно короткаго промежутка времени открыто было въ предѣлахъ Россіи нѣсколько мѣстъ со слѣдами одновременнаго пребыванія въ нихъ человѣка и мамонта, въ томъ числѣ одна стоянка въ нашей мѣстности, которая по характерности и разнообразію даннаго ею матеріала не находитъ себѣ равныхъ въ изрекшей такой суровый приговоръ западной Европѣ. Поэтому предрѣшать будущее едва-ли основательно, и лучше вѣрить въ науку, какъ вѣрилъ въ нее въ указанномъ случаѣ великій Кювье, произнося свое знаменитое «нѣтъ еще» по поводу того-же вопроса.

Принимая все это во вниманіе, а также зная хорошо, что въ научныхъ вопросахъ требуются не слова, а неоспоримые факты, въ подборѣ которыхъ, кромѣ того, необходимо соблюдать величайшую осторожность, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь еще разъ заявить со всею увѣренностью, что въ указанной мною въ моей работѣ мѣстности (начиная съ окрестностей Кіева, въ Кіевскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Сквирскомъ, Липовецкомъ и Уманскомъ уѣздахъ Кіевской губ., въ примыкающей къ нимъ сѣверной части Херсонской и большей половинѣ Подольской губ., а также отчасти въ районѣ лѣваго берега Десны въ Черниговской губ. и въ Прикарпатской области) *съ незапамятныхъ временъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ жилъ осѣдлый земледѣльческій народъ арійскаго происхожденія, въ которомъ я вижу только нашихъ предковъ--славянъ, и, кромѣ того, считаю указанную территорію его европейской прародиной.* Болѣе подробныя доказательства я постараюсь представить въ

своей будущей работѣ, матеріалъ для которой въ настоящее время мною уже подготовляется. Независимо отъ личныхъ убѣжденій и изслѣдованій, я твердо увѣренъ, кромѣ того, что родная сестра исторіи, археологія, при помощи своихъ вѣрныхъ друзей, антропологіи и сравнительнаго языкознанія, выяснитъ окончательно этотъ вопросъ въ самомъ недалекомъ будущемъ и поставитъ его на почву, не допускающую сомнѣній и колебаній, для меня лично давно уже не существующихъ. Основываясь на этомъ убѣжденіи, я намѣреваюсь высказать здѣсь вкратцѣ мои соображенія о томъ, когда и откуда появилась въ области средняго Приднѣпровья и Карпатъ часть арійскаго племени. Это будетъ служить повтореніемъ того, что я уже высказалъ въ статьѣ «Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья», помѣщенной въ невышедшихъ еще «Трудахъ XI Археологическаго Съѣзда».

Изъ геологическихъ данныхъ извѣстно, что въ послѣтретичную эпоху, впродолженіе всего ледниковаго періода и даже долѣе, на мѣстѣ нынѣшнихъ Эгейскаго и Мраморнаго морей находилась суша, соединявшая въ этомъ мѣстѣ оба материка: Европейскій и Азіатскій. Эта мѣстность, благодаря своему положенію между двумя морями, отличалась роскошной природой и умѣренно-теплымъ климатомъ, и, на основаніи многихъ соображеній, я именно здѣсь предполагаю первоначальную колыбель арійскаго племени, которое, по мѣрѣ надобности и возможности со стороны природныхъ условій, распространилось въ одну сторону по ближайшимъ мѣстамъ Европейскаго материка, а въ другую—по примыкающей къ нему Азіи. Такое постепенное распространеніе этого племени могло безпрепятственно продолжаться въ теченіе многихъ вѣковъ до тѣхъ поръ, пока громадный бассейнъ соединенныхъ еще въ то время Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и Аральскаго морей, можетъ быть вслѣдствіе сильнаго поднятія уровня ледниковыхъ водъ открывъ себѣ новый путь, не соединился со Средиземнымъ моремъ, затопивъ все раздѣляющее ихъ пространство. Этотъ катаклизмъ, раздѣливъ прежній сплошной

материкъ на два новые, раздѣлилъ и общее до того племя людей на двѣ части: одну, занявшую Европейскій материкъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда не достигла вода соединившихся морей, и другую, подобнымъ-же образомъ разселившуюся по Азіатскому материку. Явленіе, о которомъ я говорю, имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшую участь единоплеменнаго народа, которому пришлось жить раздѣльно и при разныхъ условіяхъ, такъ какъ этимъ путемъ прекратились навсегда массовыя, періодическія и другія передвиженія четвероногихъ съ одного материка на другой,—изъ птицъ-же могли вынести перелетъ только наиболѣе крѣпкіе и наилучше приспособленные къ этому виды. Ясно, что жители упоминаемой мѣстности, потерявъ безвозвратно такую громадную территорію, должны были отыскивать новыя мѣста для жительства по обѣ стороны разъединившаго ихъ воднаго пространства, или, по крайней мѣрѣ, занять тѣ мѣстности, гдѣ раньше жили насельники окраинъ, въ свою очередь принужденные отступить въ сосѣдніе предѣлы. Очертить точную границу распространенія арійскаго племени по обоимъ материкамъ на основаніи наличныхъ данныхъ пока еще затруднительно, и вопросъ этотъ принадлежитъ будущему, но въ общемъ возможно намѣтить ходъ хотя-бы приблизительно. По моему мнѣнію, весьма возможно, что часть указаннаго племени въ видѣ бродячихъ отрядовъ, отыскивая себѣ пропитаніе и періодически передвигаясь съ одного изъ знакомыхъ имъ мѣстъ на другія, могла существовать на Европейскомъ материкѣ уже какъ въ доледниковую, такъ и впродолженіе всей ледниковой эпохи. Въ послѣднемъ періодѣ ея, особенно когда большая часть Европы занята была ледникомъ или образовавшимися изъ него водами, вмѣстѣ со льдинами разносившими различный наносный матеріалъ, эти бродячія толпы должны были ограничить свои передвиженія или, при условіяхъ постояннаго жительства, перенести свое мѣстопребываніе въ болѣе удобныя и безопасныя мѣстности, куда не достигало распространеніе ледника и какими могли быть только южныя, наиболѣе возвышенныя оконечности Европы. Вообще, въ этомъ отношеніи я имѣю главнымъ образомъ въ виду среднюю полосу Европы по направленію отъ юга къ

сѣверу: весьма возможно, что въ юго-западной части Европейскаго материка, въ особенности принимая во вниманіе соединеніе его въ то время съ Африканскимъ, могъ жить одновременно человѣкъ другого, не-арійскаго происхожденія.

Въ послѣледниковую эпоху, въ неолитическія времена, отъ предположеній возможно уже перейти къ положительнымъ фактамъ: распространеніе арійскаго племени мы видимъ тогда въ нашей приднѣпровской мѣстности съ одной стороны по направленію къ югу (Эгейскому морю) и съ другой стороны—около Прикарпатья и далѣе на сѣверо-западъ. Южную часть этого племени, распространенную отъ Эгейскаго моря къ сѣверу, почти до Карпатъ, я считаю арійской вѣтвью греко-латинскихъ племенъ, тогда какъ сѣверная часть его, обитавшая отъ средняго теченія Днѣпра до Карпатъ, составляла, по моему мнѣнію, другую его вѣтвь, именно славяно-литовско-германскую. Изъ числа послѣднихъ, народъ, населявшій мѣстность между Днѣпромъ и Прикарпатьемъ, былъ вполнѣ осѣдлымъ, занимавшимися земледѣліемъ, скотоводствомъ дриугими свойственными подобному образу жизни отраслями промышленности, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ уже извѣстный культъ и его обряды. Подтвержденіемъ этому могутъ служить разновременно открытыя раскопками жилища въ видѣ землянокъ и сопровождающія ихъ погребальныя площадки, оставленныя цѣлымъ рядомъ поколѣній и въ безчисленномъ количествѣ встрѣчающіяся на упомянутомъ пространствѣ. Находимыя въ жильяхъ зернотерки, кости, копыта и рога дамашнихъ животныхъ, а въ площадкахъ—цѣлые слои поджаренныхъ зеренъ пшеницы, проса и другого хлѣба, кромѣ множества остатковъ глинобитныхъ стѣнокъ съ примѣсью мякины, иногда съ зернами тѣхъ-же растеній, ясно указываютъ на осѣдлый и, преимущественно, землѣдѣльческій образъ жизни, присущій славянамъ во всѣ времена ихъ существованіи и безпрерывно продолжающійся до настоящаго времени.

Что это было именно такъ, а не иначе, т. е., что обитавшій здѣсь народъ былъ со временъ самой глубокой древности всегда однимъ и тѣмъ-же и что въ жизни его насчитываются лишь

отдѣльные промежутки временнаго господства надъ нимъ пришлыхъ кочующихъ народовъ (скиѳовъ), оставя въ сторонѣ очевидные слѣды сношеній съ другими народами, доказывается постепеннымъ и непрерывнымъ развитіемъ мѣстной культуры, въ которой на всемъ отражается главное занятіе народа,—земледѣліе. Достаточно вспомнить, въ частности, громадное количество серповъ, паральниковъ, лемеховъ, мотыкъ и др. земледѣльческихъ орудій, найденныхъ при раскопкахъ Пастерскаго городища, могущаго быть отнесеннымъ къ V в. до Р. Х., также какъ и находки въ окрестныхъ мѣстностяхъ мѣдныхъ и бронзовыхъ серповъ болѣе ранняго періода, или-же вообще массовыя находки аналогичныхъ желѣзныхъ предметовъ позднѣйшихъ городищъ нашего края. Наконецъ, тождественность и непрерывное пребываніе въ указанной области одного-же и того-же народа (исключая, м. б., нѣкоторые иноплеменные элементы, оставшіеся между мѣстнымъ населеніемъ и впослѣдствіи слившіеся съ нимъ до уничтоженія), легко прослѣдить въ обратномъ порядкѣ, начиная съ могильниковъ городищъ VIII—XII в., или отдѣльныхъ одновременныхъ имъ славянскихъ могильниковъ, вплоть до самыхъ площадокъ; какъ полная устойчивость обряда погребенія и всей его обстановки, такъ и поразительное сходство антропологическихъ данныхъ при сохранности скелетовъ говорятъ, какъ нельзя яснѣе, объ одномъ и томъ-же неизмѣнявшемся народѣ. Такую-же поразительную устойчивость типа, не смотря на проложенную вѣками громадчую разницу между неолитической и славянской эпохами, можно замѣтить и въ устройствѣ самыхъ жилищъ съ ихъ инвентаремъ, сохраняющихъ, къ какому-бы времени онѣ ни принадлежали, почти всегда одинъ и тотъ-же видъ.

Упомянутыя мною здѣсь данныя заимствованы, какъ это легко видѣть, непосредственно изъ землянаго архива нашего края, разборомъ котораго занимался не я одинъ, а и многіе другіе; подлинность и достовѣрность ихъ во всякое время возможно подвергнуть провѣркѣ, такъ-какъ доставившая ихъ почва всегда доступна новому изслѣдованію. Для меня-же онѣ послужили достаточнымъ основаніемъ, чтобы признать за славянами право на имя древ-

нѣйшихъ и постоянныхъ обитателей всего указаннаго мной пространства. Тотъ, кто хотѣлъ-бы опровергнуть подобное заключеніе, долженъ былъ-бы не только начать съ отрицанія наличности приведенныхъ мною фактовъ и доказать существованіе другихъ, противорѣчащихъ имъ, но и указать тотъ, до сихъ поръ неизвѣстный никому народъ, который могъ-бы съ бо́льшимъ основаніемъ быть сочтеннымъ за населяющій указанную территорію со временъ самой глубокой древности, и, кромѣ того, опредѣлить точное мѣсто прародины славянъ, хотя-бы и не на Европейскомъ материкѣ, на основаніи такого же богатства памятниковъ его культуры, какое мы видимъ въ нашей мѣстности.

Остается указать еще вкратцѣ на ходъ предполагаемаго распространенія азіатскихъ арійцевъ, многія племена которыхъ играли впослѣдствіи значительную роль на Европейскомъ материкѣ, особенно на югѣ Россіи.

Въ виду препятствія, которое представляло обширное пространство, въ настоящее время суша, между Чернымъ и Каспійскимъ — и Каспійскимъ и Аральскимъ морями, покрытое водой во время отступленія ледниковъ, первоначальное распространеніе азіатскихъ арійцевъ могло происходить постепенно, кромѣ предѣловъ Малой Азіи и прибрежья Чернаго моря, также въ прикавказской мѣстности и далѣе, въ окрестностяхъ южнаго берега Каспійскаго моря по направленію къ Афганистану до Гималайскихъ горъ. Впослѣдствіи, когда произошло соединеніе Чернаго и Средиземнаго морей, множество водъ перваго отхлынуло во второе; общій уровень ихъ, постепенно понижаясь, дошелъ, наконецъ, до того, что сперва наступило отдѣленіе Аральскаго отъ Каспійскаго, а позже и послѣдняго отъ Чернаго моря. Такимъ образомъ въ этихъ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ началось образованіе суши, сперва пересѣченной множествомъ соединенныхъ между собою бассейновъ, которые затѣмъ превращались въ болота и озера, а по высыханіи послѣднихъ превратившейся въ равнины или степи. Новыя мѣста эти, покрытыя богатой растительностью, естественно привлекали пограничные имъ народы. Кочевыя или полукочевыя племена со своими стадами сначала пользовались

ближайшими окрестностями, а затѣмъ начали проникать все далѣе и далѣе въ глубь страны, внося съ собой новую жизнь и новыя ея элементы. Подобнымъ-же образомъ могла быть занята вся южная страна, находящаяся на прибрежьяхъ Азовскаго и отчасти Чернаго морей, начиная отъ востока къ западу, т. е. отъ самаго Кавказа и береговъ Каспійскаго моря и вообще далѣе, гдѣ только мѣстность была свободна и границы ея не успѣли притти въ соприкосновеніе съ заселенной Европейскими арійцами полосой, о направленіи которой съ юга на сѣверъ, отъ Эгейскаго до Балтійскаго морей, я уже говорилъ раньше. Соприкосновеніе это тамъ, гдѣ оно случалось, не всегда, конечно, было дружелюбнымъ, въ особенности, когда стали прибывать все новыя и новыя волны народовъ со стороны Кавказа и береговъ Каспійскаго моря; это возрастающее давленіе новыхъ пришельцевъ должно было неминуемо вызвать передвиженія ихъ предшественниковъ или ожесточенную борьбу послѣднихъ за свои права. То и другое не могло не оставить слѣдовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ путь переселенцевъ былъ прегражденъ укоренившимися уже тамъ жителями, какъ это было въ открытой мѣстности по направленію къ Дунаю. Въ этомъ наименѣе защищенномъ отъ природы мѣстѣ, между Карпатами и Балканами, могли главнымъ образомъ тѣсниться различные пришлые кочевники и производить усиленные набѣги на растянутую уже цѣпь арійскихъ племенъ, которыя принуждены были, добровольно или насильственно, отступить къ западу, въ болѣе защищенныя отъ нихъ окрестности Альпійскихъ горъ. Такимъ образомъ произошло вторичное крупное раздѣленіе арійскаго племени и распаденіе его на этотъ разъ на три отдѣльныя, самостоятельно развивавшіяся группы народовъ, а именно: южную часть Европы отъ Балканъ заняли греческія, западную-латинскія племена, а третья группа, наиболѣе численная, состоящая изъ славяно-литовско-германской отрасли, осталась въ предѣлахъ, заключающихся между среднимъ Приднѣпровьемъ, Прикарпатьемъ и далѣе на сѣверъ къ Балтійскому морю. Народы, появившіеся въ области Чернаго и Азовскаго моря къ Дунаю и проникшіе отчасти и въ нашу мѣстность, судя по оставленнымъ ими памятни-

камъ и ихъ содержимому, представляли изъ себя новую группу народовъ арійскаго племени, развившуюся въ предѣлахъ Азіи. Въ нашемъ краѣ имъ принадлежитъ большая часть могилъ съ насыпями, заключающихъ скорченные или окрашенные скелеты, а также нѣкоторыя изъ могилъ т. н. скиѳскаго типа.

Что же касается народовъ угро-финскаго или монгольскаго племени, то появленіе ихъ мы видимъ у насъ, за весьма рѣдкими исключеніями, въ сравнительно гораздо болѣе позднее время, хотя они, выйдя изъ центральной Азіи и переправясь черезъ южные склоны Урала или обойдя степями, могли уже въ самую раннюю эпоху, по окончаніи всѣхъ переворотовъ ледниковаго періода, проникнуть въ восточную часть Россіи одновременно или нѣсколько позднѣе азіатскихъ арійцевъ, двигаясь по противоположному отъ нихъ направленію и придерживаясь пути отъ востока къ сѣверо-западу. Возможно также, что нѣкоторые изъ этихъ народовъ еще въ глубокой древности успѣли проникнуть въ различные пункты западной Европы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ антропологическія данныя, доставляемыя скелетами древнихъ западно-европейскихъ могилъ.

В. Хвойка.

Кіевъ, май 1902 года.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О подземельи на усадьбѣ Кіевскаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, возлѣ В.-Житомирской и В.-Владимірской улицъ. Подземелье открыто подъ фундаментомъ строющагося дома названнаго Общества, почти на серединѣ усадьбы, на глубинѣ около 4 саженъ отъ поверхности земли до его основанія или пола. Оно идетъ поперекъ усадьбы, съ востока на западъ, въ видѣ узкаго корридора, отъ 3 до 4 саженъ длины и $1^1/_2$ аршина ширины, съ двумя поперечинами въ видѣ 6-ти конечнаго креста, образующими 4 боковыя ниши. Своды подземелья—полукруглые. Надъ восточнымъ концомъ его былъ устроенъ круглый люкъ для сходней, въ давнюю пору засыпанный культурною землею; а западный конецъ вполнѣ нами не обслѣдованъ, такъ какъ полузасыпанъ грунтовымъ обвалившимся лессомъ (глиною), угрожающимъ обвалиться совсѣмъ; но и на немъ виденъ полукруглый заворотъ стѣнки, въ видѣ ниши; по всѣмъ признакамъ, корридоръ и оканчивался тутъ. Стѣнки и вѣнчающіе ихъ своды, гдѣ они сохранились въ неприкосновенности, имѣютъ темный, даже черный цвѣтъ. На полу корридора не оказалось никакихъ выемокъ въ грунтѣ, засыпанныхъ культурною землею; въ полу было сдѣлано архитекторомъ нѣсколько пробныхъ буровыхъ скважинъ. Изъ вещей найдены въ подземельи: черепъ барана, черепъ собаки, узкій кирпичъ желѣзнякъ, приближающійся къ формѣ нынѣшняго кирпича, и половинка довольно широкаго, низкаго глинянаго сосуда, въ родѣ вазона для цвѣтовъ, съ тонкими стѣнками и дномъ, сдѣланнаго при помощи гончарнаго круга.

Параллельныя этому подземелья не разъ открываемы были въ кіевской почвѣ, на Старомъ городѣ, на Подолѣ и на Печерскѣ. Въ 1889 году открыто было подземелье на Старомъ городѣ, въ усадьбѣ чиновника Подсудзевскаго, по Срѣтенской улицѣ, съ довольно сложною системою ходовъ или корридоровъ, въ которыхъ найденъ только деревянный чопъ отъ бочки. Планъ этого подземелья сдѣланъ В. И. Гошкевичемъ и переданъ въ церковно-археологическій музей при Кіевской дух. Академіи. Въ 1890 году вновь открыто подземелье на Печерскѣ, по Московской улицѣ, противъ жандармскихъ казармъ, съ кирпичными сводами,—и одинъ кирпичъ изъ него переданъ тѣмъ же Гошкевичемъ въ тотъ же церковно-археологическій музей. Въ 1880-хъ годахъ обнаруженъ былъ на Подолѣ, противъ главнаго алтаря Притиско-Николаевской церкви, въ углу между семинарской оградой и сосѣднимъ домомъ частнаго владѣльца, какой-то каменный склепъ, состоявшій изъ трехъ камеръ. Наконецъ, въ сентябрѣ прошлаго 1901 года, на Старомъ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Орлова, по Трехсвятительской улицѣ, приблизительно въ 50-ти саженяхъ отъ Трехсвятительской церкви, открытъ былъ какой-то погребъ, на днѣ котораго, въ особой небольшой выемкѣ, засыпанной культурною землею, найденъ былъ кладъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей до-татарской эпохи. Къ сожалѣнію, форма этого погреба осталась неизвѣстною [1]).

О значеніи подземныхъ ходовъ вообще въ юго-западной Россіи можно сказать только то, что они устроялись съ различными цѣлями. Въ г. Ковно, при сліяніи рѣкъ Нѣмана и Виліи, на берегу Виліи и донынѣ существуютъ развалины древней крѣпости, построенной около 1384 года нѣмецкими рыцарями. Отъ нея идетъ къ р. Виліи подземный ходъ, обнаруженный въ 1886 или 1887 годахъ [2]). По всему вѣроятію, ходъ этотъ сдѣланъ былъ для полученія воды изъ рѣки, на случай непріятельскаго нападенія и осады. Въ г. Кременцѣ, волынской губерніи, существовали, да, вѣроятно, и теперь еще существуютъ остатки цѣлой системы подземныхъ ходовъ съ кирпичными сводами. Въ 1731 году, при копаніи фундамента подъ іезуитскій костелъ, составляющій нынѣ православную семинарскую церковь, было открыто 27

---

[1]) „Архологич. лѣтопись Южной Россіи“, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, ноябрь, 1901 г., стр. 185.

[2]) „Изъ путешествія въ Сѣверо-Зап. край“, въ Кіевской Старинѣ“, мартъ, 1889 г., въ отдѣлѣ „Извѣстій и замѣтокъ“.

подземныхъ пещеръ, и подъ правою башнею новаго храма—желѣзный шлемъ съ конскими подковами, цѣпями, щипцами и другими желѣзными орудіями, въ обиліи найденными [1]). О назначеніи этихъ кременецкихъ пещеръ мы читали когда-то въ архивѣ Почаевской лавры копію протестаціи кременецкихъ жителей о томъ, что въ 1648 году козацкій полковникъ Кривоносъ, взявъ Кременецъ и разоривъ его, проникъ и въ городскіе подземные ходы, истребилъ хранившіеся въ нихъ городскіе документы и расхитилъ городское имущество. Слѣдовательно, эти подземные ходы назначались для храненія городского имущества и городскихъ документовъ въ случаяхъ непріятельскаго нашествія и устроены были гораздо ранѣе 1648 года. Кирпичи въ этихъ ходахъ, какъ и въ Кременецкой крѣпости Боны, не квадратные и широкіе, какіе употреблялись въ до-татарскій періодъ южно-русской исторіи, а продолговатые и узкіе, и должны быть отнесены къ литовскому періоду южно-русской исторіи. Къ этому разряду подземныхъ ходовъ должны быть отнесены обнаруженный въ прошломъ 1901 году подземный ходъ, съ обширною камерою, въ Каменцѣ-Подольскомъ, на Губернаторской улицѣ, противъ Армянскаго костела [2]), и всѣ такъ называемые «мурованые лѣхи» въ древнихъ городахъ и мѣстечкахъ Юго-западнаго края, бывшихъ въ старину укрѣпленными пунктами. Въ этихъ «лѣхахъ» искатели наживы обыкновенно ищутъ кладовъ. Дѣйствительно, въ этихъ «лѣхахъ» могутъ и должны быть клады, но—чисто научнаго характера, вовсе не интересные для героевъ наживы.

Что же касается вышепомянутыхъ кіевскихъ подземелій, то они раздѣляются на два разряда: подземелья съ кирпичными сводами и подземелья, выкопанныя въ грунтовой глинѣ, безъ кирпичныхъ сводовъ.

Первыя изъ нихъ, по времени ихъ происхожденія, могутъ быть опредѣлены съ приблизительною точностью. Склепъ на Кіево-Подолѣ, вблизи Притиско-Николаевской церкви, сооруженъ, по всей вѣроятности, кіевскими доминиканами, построившими возлѣ своего костела (бывшаго до послѣдняго времени православною семинарскою церковью) склепъ для храненія и продажи сыченаго меда. О существованіи этого склепа свидѣтельствовалъ въ 1699 году старожилъ кіевскій, межигорскій игуменъ Ѳеодосій Васьковскій. А кіевскіе доминикане основались

---

[1]) „Труды Кіев Дух. Академіи", февраль, 1867 г., стр 226.

[2]) „Археологич. лѣтопись Южной Россіи", Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, октябрь, 1901 г., стр. 146—150.

на мѣстѣ бывшей семинаріи въ концѣ XVI или въ самомъ началѣ XVII вѣка [1]). Къ этому времени должно быть отнесено и построеніе склепа. Печерскій склепъ, судя по формѣ кирпича, относится къ половинѣ XVIII вѣка и, по всей вѣроятности, находился на бывшей печерской торговой площади.

На Старомъ Кіевѣ всѣ три доселѣ обнаруженныя подземелья не были обложены кирпичомъ. Древнѣйшимъ изъ нихъ нужно признать подземелье на усадьбѣ г. Орлова, по Трехсвятительской улицѣ, судя по найденному въ немъ кладу изъ предметовъ до-татарскаго періода. Подземелья же на усадьбѣ г. Подсудзевскаго и на усадьбѣ религіозно-просвѣтительнаго Общества, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ, сдѣланы или, по крайней мѣрѣ, утилизированы въ сравнительно позднее время, въ XVII и много XVI вѣкахъ. Послѣ Батыева погрома въ 1240 году, Старый Кіевъ былъ совершенно заброшенъ кіевлянами и новыми ихъ господами, литовцами, которые во второй половинѣ XIV вѣка, занявъ Кіевъ, построили новый замокъ на горѣ Киселевкѣ (Флоровской). Старый Кіевъ сталъ вновь заселяться только въ послѣдней четверти XVI столѣтія послѣ того, какъ кіевскій воевода князь К. К. Острожскій приказалъ своему намѣстнику, князю Матушу со Збаража Вороницкому, сдѣлать вызовъ желающихъ поселиться около Софійскаго собора, между валами, *на пустомъ издавна мѣстѣ,* съ предоставленіемъ имъ льготъ на 24 года. Вслѣдствіе этого, къ 1586 году образовалась здѣсь слобода съ шинками [2]). Жители этой слободы, не защищаемые крѣпостью, и могли дѣлать подземные тайники для сбереженія своего имущества во время непріятельскихъ набѣговъ; могли они устроять погреба для складовъ или же просто для храненія хозяйственныхъ запасовъ.

Въ обширномъ подземельи на усадьбѣ Подсудзевскаго, судя по найденному въ немъ чопу, хранились какія-то бочки или съ горячимъ виномъ, или съ порохомъ. Порохъ могли хранить здѣсь поселившіеся на Старомъ Кіевѣ съ половины XVII вѣка московскіе стрѣльцы, отъ которыхъ и сосѣдняя улица получила названіе Стрѣлецкой. Конечно, они могли воспользоваться и готовыми подвалами и расширить ихъ для своихъ надобностей.

---

[1]) См мои „Историко-Топографическіе очерки древняго Кіева", Кіевъ, 1897 г., стр. 225.

[2]) „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи г. Кіева", Кіевъ, 1874 г., отд. III, стр. 50 - 52.

Что же касается подземелья на усадьбѣ религіозно-просвѣтительнаго Общества, то это подземелье представляется простымъ подваломъ частнаго домовладѣльца. Подземелье это находилось подъ бывшею здѣсь Златоустовскою деревянною церковью и проходило поперекъ ея. Златоустовская же церковь перенесена сюда съ Подола въ 1631 году [1]), но едва-ли пользовалась, для практическихъ своихъ цѣлей, существовавшимъ подъ нею подваломъ, потому что культурный слой земли, которымъ забросано было устье подвала (люкъ), очень плотно слежался и, слѣдовательно, набросанъ сюда въ очень давнее время. Вѣроятно, Златоустовская церковь поставлена была въ 1631 году на мѣстѣ какой либо частной усадьбы съ колодцемъ, тоже найденнымъ на этой усадьбѣ, и съ погребомъ, устье котораго и засыпано было землею около этого времени. Самый же погребъ могъ существовать приблизительно съ 1586 года, т. е. со времени основанія населенной слободы около Софійскаго собора. Ко времени между 1586 и 1631 годами могутъ быть отнесены и найденные въ этомъ подвалѣ кирпичъ и часть глинянаго вазона.

Н. Петровъ.

Стрѣляньe въ кресты. *(Изъ народныхъ суевѣрій).* Кто только путешествовалъ по Волыни и Подоліи, тотъ, конечно, не могъ не видѣть стоящихъ на поляхъ, на «роздорожьяхъ» крестовъ съ изображеніемъ распятія, такъ-называемыхъ здѣсь «фигуръ».—Кто обратилъ вниманіе на эти «фигуры», тотъ, конечно, не могъ не замѣтить и того, что нѣкоторые изъ нихъ со слѣдами засѣвшей въ нихъ дроби.—Путешествуя по Волыни и Подоліи, я имѣлъ случай видѣть нѣсколько такихъ пострѣлянныхъ крестовъ; но особенно два изъ нихъ обратили мое вниманіе. Верстахъ въ 2 отъ с. Рыхты, Каменецкаго уѣзда, по дорогѣ въ м. Орынинъ, на «роздорожьи» стоитъ каменная «фигура» сооруженная крест. с. Рыхты, кажется, въ память событія 19 февраля 1861 г. Проѣзжая по этой дорогѣ, я невольно обратилъ вниманіе на этотъ крестъ и замѣтилъ, что онъ пострѣлянъ и со слѣдами дроби. Я заинтересовался вопросомъ, кто бы и зачѣмъ могъ стрѣлять въ кресты, и за разъясненіемъ обратился къ ямщику, который и разсказалъ мнѣ слѣдующее.

---

[1]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 323.

«Межъ мыслывымы (охотниками) есть така гадка, що для того, щобъ сама плоха стрéльба добре и сыльно была, а щобъ самый плохый мыслывый и стрилець добре стрилявъ, и щобъ тому мысловцéви на кожнимъ кроку попадалась дычына и винъ николы до-дому зъ порожними рукамы не прыходывъ—треба, щобъ винъ выстрелывъ въ хрестъ. Тоди, якъ цее зробыть, то нехай яка буде погана стрéльба, то буде добре быты,—и нехай якый буде поганый стрилець, то буде стриляты и убываты безъ промаху, и скризь ёму буде попадатыся дычына: николы порожній не прыйде».

— Та цёму можно и повирыты,—добавилъ онъ:—бо тому чоловикови, хто цее зробыть, добрый духъ и Богъ не поможе, а тилькы хиба шатанъ буде помагаты ёму и завжде буде не нёго гнаты дычыну: птахивъ и звиривъ. И такъ, якъ у насъ въ Рыхти и Слобидци Рыхтецькій мыслывихъ йе досыть, то колысь йидного ранку и оцю нашу фигуру зобачылы постреляную шротомъ. Выдно, межъ нашымы мыслывымы найшовся такый очаяный чоловикъ, що не побоявся стреляты въ хреста и запысаты свою душу нечыстому,—закончилъ свой разсказъ ямщикъ.

Подтвержденіе такому народному вѣрованію или суевѣрію, которому, скажу, охотники изъ крестьянъ глубоко и слѣпо вѣрятъ, мнѣ пришлось встрѣтить и на Волыни въ разсказѣ одной старухи—крест. д. Григоровки, Старо-Константиновскаго уѣзда.

Вотъ этотъ разсказъ:

«То кажуть, що якъ мыслывый хоче, щобъ добре быты дычыну и завше вона ёму попадалася,—треба, щобъ винъ на саме Благовищення, до схода сонця, выстрылывъ въ фигуру. Це робылося въ нашимъ сели чотыры рокы назадъ: на саме Благовищення пишла по сели межъ людьмы мова, що хтось бачывъ, якъ нашыхъ сельскыхъ два мыслывыхъ стрылялы до схода сонця въ фигуру. Але-жъ тій мови и вирылы, и не вирылы. Але-жъ того самого року, въ короткимъ часи у идного мыслывця въ ночи видъ грому загорилась хата; винъ зъ жинкою и дитьмы ледве вспилы выскочыты въ иднихъ сорочкахъ, а маты ёго такы згорила въ хати; а другого мыслывця скоро писля того задушыла парова машына, що хлибъ молотять.

Тоди вже вси повирилы и заговорылы, якъ въ бубны забылы—що то Богъ ихъ покаравъ за те, що на Благовищення стрилялы въ фигуру».

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Судъ св. Юрія *(изъ народныхъ устъ)*. Извѣстно, что съ именемъ св. Георгія Побѣдоносца связано много разнообразныхъ легендъ и повѣрій, очень распространенныхъ въ народной массѣ. Духовные стихи о Егоріи Храбромъ частію сообщаютъ факты изъ его фантастической біографіи, частію основаны на космогоническихъ представленіяхъ, связывая съ именемъ Егорія установленіе на Руси мірового порядка, особенно что касается міра разнообразныхъ животныхъ. Есть цѣлый рядъ разсказовъ о томъ, какъ св. Георгій, именуемый въ Малороссіи Юріемъ, ежегодно, 23 апрѣля, устанавливаетъ извѣстный порядокъ на цѣлый годъ въ мірѣ животныхъ, опредѣляя каждому изъ нихъ свою добычу. Одинъ изъ такихъ разсказовъ, записанный мною въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, я приведу теперь, какъ дополненіе къ ранѣе напечатаннымъ.

«Св. Юрко йе опикунъ, господаръ и началнык надъ всима́ птáхамы и звира́мы, и безъ ёго прыка́зу ни жаденъ вовкъ ничого зъ домашнёи худобы не задушыть, не зйисть, а безъ ёго воли ни якый мыслывый не вбье ни птаха, ни звира. Що-року, на свое свято, де-небудь въ лиси, на велыкій галяви, вси птахы и звири збираются и тутъ св. Юрый робыть имъ судъ, розсказуе и показуе кожному звирови, кожній птаси, де зъ ныхъ хто мае жыты, и хто що мае йисты.

То бувъ соби иденъ чоловикъ, и дуже винъ бувъ цикавый; чоловикъ той чувъ видъ старыхъ людей, що св. Юрый на свое свято судыть звиривъ, и цикаво ёму зробылось, дуже захотилось зобачыты той судъ святого. Ще чувъ той цикавый чоловикъ видъ старыхъ людей свого села, що недалеко ихнёго села, де жывъ той чоловикъ, въ лиси йе превелыка галява, и що на тій галяви що-року въ день св. Юрья той святый судыть звиривъ. Отъ диждавшы дня св. Юрья, той цикавый чоловикъ ще въ «досвита», якъ тилькы ще почало сириты, розвыднятыся, пишовъ въ лисъ, на ту галяву, вылизъ на дерево, що стояло по середыни галявы,—сыдыть и чекае,—що то буде. Колы тилькы що розвыднылось,—чуе цикавый чоловикъ страшенный тупотъ,—дерево, гилля трещыть, ажъ земля гуде. Глянувъ,—тай зо́страху охолонувъ, ажъ въ середыни тёхнуло; дывытся внызъ, а на галяву сталы збигатыся звири; позбигалыся, де-яки тилькы йе у насъ! Якихъ тилькы звиривъ тамъ не було?! На самому переди стоявъ невылыкій гуртъ волохатыхъ ведмедивъ; рядомъ зъ нымы, вже бильше, стоялы понури дыки свыни; за нымы стояла страшенна сыла нашыхъ злодіякъ,—сироманцивъ-вовкивъ. Тутъ булы и дыки козы, що боязъ-

лыво озыралысь на вовкивъ, и велыка шайка хытрыхъ лысыць; и выдымо-невыдымо зайцивъ, що боялысь всихъ и косо на всихъ поглядалы. Тутъ булы и ризни други дрибни и мали звирята, але-жъ ихъ той чоловикъ за велыкымы и не розглядивъ. Вси ти звири стоялы кожна порода гурточкомъ, особно; вовкы стоялы рядомъ зъ козамы, а лысы рядомъ зъ зайцямы, нибы, справди, велыки прыятели, але-жъ идни другыхъ не чипалы, не обижалы. Вси сталы мордамы до того дерева, на котримъ седивъ той цикавый. Колы чуе чоловикъ, щось страшенне шумыть, нибы дуже велыка хмара зъ витромъ йде; дывытся—летыть выдымо-невыдымо птаства всякого,—ажъ неба не выдно и сонце заступылы. Прылетилы и геть вси дерева́ кругомъ тыеи галявы и того цикавого чоловика обсилы,—якъ облипылы; просто ажъ чорно; идна коло другои такъ густо, що не було де голкою ткнуты. Якыхъ тилькы пташокъ тутъ не було! Яки тилькы йе въ свити. Попереду сыдила маленька стайка орливъ; за нымы йшла велыка сыла яструбивъ: велыкыхъ—«куроцапивъ», трохи меньшыхъ—«голубячыхъ», и нарешти ще меньшыхъ—«горобьячыхъ». Тутъ сыдилы и лупоглази совы, и не велычки путькала. Дали засилы крукы, гайвороны, ворогы нашыхъ курчатъ и гусятъ, сири воро́ны, кавкы́, а дали сыдила вже дрибнота: маленьки, дрибни пташечкы, такъ багато, якъ червы, якъ лысту на дереви, и такыхъ ризныхъ породъ, що цикавый чоловикъ не знавъ навить, якъ воны называются. Вси птахы сыдилы такъ же гурточкамы и вси дзёбамы до того дерева, на котро́му сыдивъ той чоловикъ. Не вспивъ той чоловикъ розглядиты всёго птаства налетившого, якъ хмары,—чуе, чого-сь вси звири внызу заворушылысь. Винъ зыркъ внызъ,—та ажъ въ серци ёму похолонуло; затрусывсь весь и ледве зъ дерева не злетивъ на землю: пидъ тымъ деревомъ, на котри́мъ винъ сыдивъ, десь взявся столы́къ, а на столи хрестъ и шабля; за столомъ сыдивъ якыйсь чоловикъ въ военни́мъ убранни, а видъ лыця ёго, якъ видъ сонця сяе. Догадався той цикавый чоловикъ, що то св. Юрый, та й тыхенько шапку знявъ. Отъ почавъ св. Юрый судыты звиривъ, начавъ зъ велыкыхъ: перше ведмедямъ сказавъ, де вовы мають жыты́ и чымъ кормытыся; тіи выслухалы, повернулысь та й пишлы; потимъ дыкимъ свынямъ сказавъ,—и ти видійшлы; дали и до вовкивъ колія дійшла; св. Юрый и имъ розсказавъ, куды воны мають йты, котры́й де и що мае йисты, де и у кого воны мають зйисты вола, або коня, чы вивцю, або свыню. Вовкы, понурывшысь, выслухалы прыказъ св. Юрья, повернулысь, та й пишлы своею дорогою. Такъ, идно

по другимъ, св. Юрый видправывъ по порядку, по коліи, всихъ звиривъ до найменьшыхъ и всихъ пташокъ до самыхъ маленькыхъ. Зостався на тій галяви ще тилькы иденъ вовкъ,—а то вже вси звири и птахы, получывшы прыказъ св. Юрья, розійшлысь и розлетилысь. А той вовкъ, що зостався, бувъ такый старый та видъ старости и голоду худый, зигнутый, якъ ключка, що ажъ жаль було на нёго дывытысь. Отъ и каже св. Юрый до того вовка: «А ты, старый, вже не годенъ ходыты и шукаты соби пропытаніе, то маешъ зйисты того чоловика, що сыдыть надо мною на дереви». Та й не стало зразу ни св. Юрья, ни стола зъ хрестомъ пидъ деревомъ.

Тоди той старый вовкъ лигъ пидъ тымъ деревомъ, де сыдивъ той чоловикъ, та й не видходыть видъ ёго,—чекае, покы чоловикъ той злизе або впаде зъ дерева. А чоловикъ той сыдивъ-сыдивъ, на решти голодъ и страхъ зморылы ёго, и винъ, якъ гныла груша, полетивъ зъ дерева, та прямо тому вовкови въ зубы».

Такой же или подобный разсказъ мнѣ пришлось слышать въ той же мѣстности немного въ другомъ варіантѣ, съ другимъ окончаніемъ. Въ разсказѣ этомъ о судѣ св. Юрья надъ звѣрями разсказывается такъ же, какъ и въ первомъ; но когда, наконецъ, очередь дошла до оставшагося на полянѣ лишь одного стараго волка, то св. Юрій сказалъ ему: «а ты вже старый и не годенъ далеко и багато ходыты, шукаты пропытанія соби, то позволяю тоби, можешь зйисты пару коней у цёго чоловика, що надо мною на дереви сыдыть, щобъ винъ не бувъ такый цикавый,—знаты те, що ёму не належыть знаты». И справди, якъ той чоловикъ не беригъ коней, а скоро писля того вовкъ такы у ёго пойивъ ихъ».

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Кременчугъ сто лѣтъ назадъ.* Въ 1804 г. визитаторъ Харьковскаго учебнаго округа проф. И. Ѳ. Тимковскій обратился съ просьбой къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину «способствовать ему сообщеніемъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній о Малороссіи».—«При обозрѣніи училищъ въ губерніяхъ Харьковскаго округа,—писалъ князю Тимковскій,—обязанность вникнуть въ состояніе тѣхъ губерній, со стороны хозяйственной, по связи ея съ образованіемъ народнаго смысла и же-

лая стяжать объ нихъ свѣдѣнія въ родѣ статистики и разсчетовъ экономіи политической, часто я нахожу самъ по себѣ невозможность исполнить такое намѣреніе въ точности, отъ которой зависитъ и точность соображеній. Съ чувствительнѣйшею признательностью пріемлю споспѣшное вниманіе и благоволеніе вашего сіятельства ко мнѣ въ пріобрѣтеніи оныхъ свѣдѣній о Малороссіи, которая особенно занимаетъ меня, въ которой все являетъ высокую попечительность вашу о цвѣтущемъ ея состояніи; осмѣливаюсь изъяснить только желаніе мое подробно въ простыхъ, у сего предлагаемыхъ вопросахъ: 1) о каждой губерніи и повѣтовомъ городѣ, 2) о каждомъ повѣтѣ, и 3) вообще о губерніяхъ черниговской и полтавской». Тимковскій не формулировалъ точно своихъ желаній, въ формѣ вопросовъ или таблицъ, какъ это дѣлается теперь статистиками, а просилъ сообщить о числѣ жителей, занятіяхъ, промыслахъ, количествѣ домовъ, цѣнахъ и т. под. все въ общихъ выраженіяхъ. Князь Куракинъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, очень сочувственно отнесся къ желанію Тимковскаго и предписалъ губернаторамъ черниговской и полтавской губерніи озаботиться о доставленіи этихъ свѣдѣній. Губернаторы предписали, въ свою очередь, городничимъ и земскимъ судамъ, которые и сообщили данныя по требуемымъ вопросамъ, но отнеслись къ этому дѣлу не очень внимательно, а сообщали то, что знали; поэтому сообщенныя ими свѣдѣнія крайне неполны, отрывочны, но все-таки и по нимъ можно составить представленіе о повѣтовыхъ городахъ полтавской губерніи того времени.

Наиболѣе населеннымъ городомъ полт. губ. въ то время, какъ и теперь, былъ Кременчугъ, что объясняется его положеніемъ при Днѣпрѣ, давшимъ ему возможность скоро развиться въ торговомъ отношеніи. Всѣхъ жителей въ немъ было въ 1804 году 7228 человѣкъ, изъ коихъ женскаго пола, что встрѣчается вообще рѣдко, было больше чѣмъ мужскаго, а именно мужскаго 3602, а женскаго пола 3626. Городничій, сообщая о городѣ («Камеральное описаніе», какъ онъ озаглавилъ свое донесеніе), отказывается сообщить годъ основанія города, а старожилы говорятъ,—пишетъ онъ,—яко бы слышали они, что селиться началъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ...

Всѣхъ домовъ было въ городѣ 963, изъ которыхъ каменныхъ только 2, но зато изъ 112 лавокъ было 27 каменныхъ. Въ то уже время количество евреевъ въ Кременчугѣ, по сравненію съ другими городами, было очень велико; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ совсѣмъ ихъ не было, въ Полтавѣ былъ одинъ только еврей, а въ Кременчугѣ ихъ

было въ то время 533 чел., т. е. болѣе 10% общаго числа жителей; всѣ они были мѣщане, платившіе 2283 р. 63 к. подушной подати. Среди этого еврейскаго населенія было до 40 человѣкъ евреевъ-ремесленниковъ, а остальные, вѣроятно, занимались торговлею. Ярмарокъ въ Кременчугѣ ежегодно было три; изъ нихъ одна продолжалась болѣе двухъ недѣль. На послѣднюю ярмарку,—замѣчаетъ городничій,—пріѣзжаютъ изъ Москвы съ серебряною посудою и пушнымъ товаромъ, изъ Бердичева съ сукнами, изъ Калуги съ красными товарами, изъ Тулы съ «ружейными вещами». По замѣчанію городничаго, во время этихъ ярмарокъ цѣны на квартиру «свыше ничуть не бываютъ, а какъ съ хозяиномъ договорятся, то самое и платятъ, ибо въ Кременчугѣ всякому пріѣзжему нанять квартиру можно». Еще городничій сообщаетъ цѣны на многіе продукты, которые были очень дешевы, особенно мѣстнаго производства; но и привозные продукты были дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ; напримѣръ, соль здѣсь цѣнилась 40 к.—50 коп. асс. пудъ, а въ Полтавѣ ея цѣна доходила до 1 р.—20 к. асс. за пудъ. Интересны цѣны на нѣкоторые продукты (беремъ главные, необходимые): мясо 1 пудъ—1 р. 40 к. (дороже Полтавы); свинина 1 ф.—4. к.; четверть ржаной муки—отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 80 к. (въ 1802 году), овса четверть отъ 80 к. до 1 р. 60 к.; птица—курица 12—15 к., утка 15—20 к., гусь 35—40 к.

Въ 1804 году всѣхъ прибывшихъ по Днѣпру барокъ было 244. Кременчугъ торговалъ, главнымъ образомъ, лѣсомъ; онъ и въ то время снабжалъ всѣ окрестности досками, бревнами и, вообще, строевыми матеріалами. Всѣхъ арестантовъ, содержавшихся въ заключеніи съ 1797 г. по 1804 годъ, было 1472 чел.,—цифра большая, въ сравненіи съ количествомъ жителей, что, впрочемъ, можно объяснить пришлымъ элементомъ, постоянно прибывающимъ въ торговый городъ. Городничій упоминаетъ о наводненіи 1797 года, когда почти весь городъ, до двадцати дней, былъ въ водѣ. Ремесленниковъ въ то время въ Кременчугѣ было 264, сюда входили шапошники, сапожники (одинъ былъ изъ дворянъ), портные, часовщики, мѣдники, столяры и т. п... Городъ и для того времени былъ не бѣденъ; въ немъ было объявлено купеческихъ христіанскихъ капиталовъ (а не все объявлялось, конечно) на 334,255. р.—за что вносилось въ казну % 4178 р. 18¾ коп. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, свѣдѣнія, доставленныя городничимъ о Кременчугѣ, въ началѣ прошлаго вѣка. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, по описи № 200).

—

2) *Статистика врачей въ Полтавской губерніи въ 1804 году.* Помимо губернской врачебной управы, гдѣ было три врача, были еще повѣтовые врачи въ каждомъ повѣтѣ. Вольнопрактикующихъ врачей было очень немного. Въ самой Полтавѣ было всего два врача, и въ остальныхъ уѣздахъ вольнопрактикующими врачами были большею частью отставные военные врачи, числомъ 14. Такимъ образомъ всѣхъ врачей въ Полтавской губерніи въ 1804 году было 32 чел., а жителей мужскаго пола, платившихъ подати, по ревизіи 1795 года было 674,125 чел., а съ дворянами и духовенствомъ до 700 тысячъ. Прибавивъ къ этому еще лицъ женскаго пола, то не будетъ ошибкой, если скажемъ, что въ то время одинъ врачъ приходился на 40 тыс. населенія. (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 200).

И. Ф. Павловскій.

Изъ погибшаго архива. Лѣтъ пять тому назадъ въ г. Черкасахъ, Кіев. губ., на базарныхъ рундукахъ продавался на вѣсъ архивъ Кременчугскаго нижняго земскаго суда. Заинтересовавшись архивомъ, я нѣсколько дней провелъ за разборомъ клочковъ старыхъ бумагъ безъ особенныхъ, впрочемъ, результатовъ, такъ какъ большая часть дѣлъ оказалась разрозненною, а отъ многихъ дѣлъ остались лишь заголовки, указывавшіе на ихъ содержаніе. Дѣла архива относились къ послѣдней четверти XVIII и первой четверти XIX ст. и, по словамъ купившихъ архивъ евреевъ, ихъ было около 700 пудовъ. Изъ заголовковъ дѣлъ видно, что въ погибшемъ архивѣ было не мало интересныхъ документовъ для характеристики быта помѣщичьихъ крестьянъ и взаимныхъ отношеній владѣльцевъ къ крестьянамъ, много данныхъ о цѣнахъ на людей, о колонизаціи южныхъ степей, о военныхъ поселеніяхъ, о чумѣ и другихъ повальныхъ болѣзняхъ, о войнѣ 1812 г. и т. д. Попадались, впрочемъ, дѣла, сохранившіяся полностью,—это большею частію нескончаемые судебные процессы прославившихся своимъ сутяжничествомъ полтавскихъ дворянъ—помѣщиковъ. Просматривая процессы, часто наталкиваешься на ссоры Ивановъ Ивановичей съ Иванами Никифоровичами; попадаются и такіе дворяне, что вели войны на всѣ фланги,—со всѣми окружными сосѣдями; таковы были братья Булюбаши и др.

Покамѣстъ предлагаемъ вниманію читателей дѣло 1826 г. объ уничтоженіи административнымъ порядкомъ остатковъ язычества въ народныхъ обычаяхъ подъ заголовкомъ: «О прекращеніи дѣлаемыхъ простолюдинами неблагочиній». Дѣло это небольшое; состоитъ оно изъ «указа Малороссійскаго губернскаго правленія Кременчугскому нижнему земскому Суду», рапортовъ шести волостныхъ правленій (Максимовскаго, Пѣсковскаго, Келебердянскаго, Потоцкаго, Градижскаго и Чигриндубровскаго) и столькихъ же собственноручныхъ подписокъ, отобранныхъ въ поименованныхъ волостяхъ отъ крестьянъ, козаковъ и помѣщиковъ въ томъ, что они «обовязуются» подъ страхомъ отвѣтственности «не учинять безчиній и игрищъ» въ дни св. Троицы, а также 24 іюня, въ день Ивана Купала. Указъ губ. правленія былъ вызванъ донесеніемъ благочиннаго переяславскаго уѣзда, протоіерея Григорія Дубнякова Полтавской духовной Консисторіи о томъ, что въ с. Скопцахъ, переясл. у., происходятъ въ поименованные дни игрища.

«Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Малороссійскаго Полтавскаго Губернскаго Правленія Кременчугскому Нижнему Суду.

По указу Е. И. Величества, Губернское Правленіе, слушавъ сообщеніе Полтавской Духовной Консисторіи, коимъ по донесенію благочиннаго Переяславскаго повѣта, села Бзова, протоіерея Григорія Дубнякова, что прошедшаго іюня 6 числа, въ недѣлю Пятидесятницы, увидѣлъ онъ Переяславскаго повѣта въ селѣ Скопцахъ на площадныхъ дорожныхъ улицахъ раставленные шести (шесты) вышины саженей въ шесть и болѣе, украшенные травою, цвѣтами и изъ сучьевъ зеленаго дерева, и при распросѣ его о семъ, сказано ему, что таковыя статуи ставятся не оттеперъ скопецкими мужеска и женска пола юношами въ день онаго праздника, и около оныхъ, переходя отъ одного къ другому, чрезъ всю ночъ бываетъ игрище ихъ въ пѣсняхъ и танцахъ, однако-жъ не безъ воровства на сіе и матеріаловъ; по чему онъ, благочинный, по должности своей, желая таковые отломки идолщины вывести, при наставленіи его старожилыхъ, что симъ грѣшатъ ихъ дѣти противъ заповѣдей Господнихъ, да и они, позволяющіе имъ, не останутся правими въ истинности христіанской рилигіи (sic) и что всѣ они согрѣшили противу Духа Святаго, склонилъ села Скопецъ выборнаго собрать оные украшенные зеленью статуи въ сельскую полицію, о чемъ объявлено отъ него, благочиннаго, и Переяславскому Нижнему Земскому Суду; а дабы впредь и на 24 числѣ послѣ того

мѣсяца, въ день рождества Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, сего подобно аріенству (sic) въ ликахъ отъ скопецкихъ юношей не воспослѣдствовало, просилъ онъ того Суда, въ поддержаніе его, благочиннаго, истинны, прихожанамъ Скопецкія Троицкія церквы подтвердить. Почему оная Консисторія о таковомъ неблагочиніи, соединенномъ съ суевѣріемъ, противными законамъ и вредными для благонравія юношества, сообщая въ сіе Правленіе къ распоряженію, требуетъ о пресѣченіи повсемѣстно произвожденія таковыхъ не благоприличныхъ дѣйствій сылою земской полиціи учинить распоряженіе и о послѣдующемъ оную Консисторію увѣдомить. Приказали: о выполненіи по означенному сообщенію Полтавской Духовной Консисторіи и о строжайшемъ наблюденіи со стороны градскихъ и земскихъ и сельскихъ полицій, дабы впредь нигдѣ по вѣдомствахъ ихъ прописанныхъ въ томъ сообщеніи не благоприличныхъ и вредныхъ для благонравія дѣйствій не происходило и отнюдь допускаемо не было, подъ собственною ихъ за противное тому отвѣтственностію, предписать указами какъ Переясловскому, такъ и всѣмъ прочимъ здѣшней губерніи нижнимъ земскимъ судамъ и градскимъ полиціямъ. Ноября 23 дня, 1826 года.

Сообщ. **Ф. Матушевскій**

Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. *Открытіе волынскимъ аптекаремъ болотной бумаги.* Въ 1838 г. волынскій губернаторъ сообщаетъ о томъ, что аптекарь Эйландъ представилъ въ волынскую врачебную управу найденныя имъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ м. Березнаго, по Случи, на высохшихъ лугахъ, довольно крѣпкія массы вещества, совершенно похожаго на легко раздираемую бумагу.

Управа, изслѣдовавъ представленные образцы, нашла въ свою очередь, что растительное вещество, получая начало въ стоячихъ болотистыхъ водахъ, обращается, подъ вліяніемъ жары, въ плавающую, сгустившуюся зеленую паутину до 5 локтей длины. По Линнеевой системѣ это растеніе должно принадлежать къ XIX классу водяныхъ тканей—wasser faden,—будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мохообразнымъ. Управа далѣе прибавляетъ: «Сіе растеніе еще въ древнія времена было извѣстно нашимъ предкамъ, и ими было предназначено для упо-

требленія въ пряжу, на свѣчныя свѣтильни, для изготовленія бумаги, набиванія подушекъ и тюфяковъ—*но были ли ихъ предположенія приведены въ дѣйствіе—покрыто неизвѣстностью*»...

Кажется, что и «предположеніе» Эйланда не было «приведено въ дѣйствіе».

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Текущія извѣстія.

Памятникъ И. П. Котляревскому. Коммиссія, завѣдующая постановкой памятника Котляревскому въ Полтавѣ, рѣшила въ послѣднемъ своемъ засѣданіи памятникъ поставить такимъ образомъ, чтобы центръ его приходился на оси Протопоповскаго бульвара, въ 9 саженъ отъ Мало-Петровской ул., при чемъ 2 саж. изъ 9 отойдутъ подъ свободную площадку, а остальныя 7 подъ цвѣтникъ, который и будетъ прилегать къ одной изъ сторонъ пьедестала; такой же цвѣтникъ будетъ разбитъ и съ другихъ сторонъ постамента. Городскимъ землемѣромъ уже произведена разбивка мѣста, гдѣ предполагается поставить памятникъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ работамъ по укладкѣ фундамента и установкѣ постамента. Г. Певный, взявшій на себя подрядъ по изготовленію постамента для памятника Котляревскому и постановку памятника, приступилъ на дняхъ къ устройству фундамента. Всѣ работы по установкѣ постамента продолжатся мѣсяца три и, такимъ образомъ, можно ожидать въ августѣ, не позже сентября, открытія памятника. («Полт. губ. Вѣд.» № 94 и 96).

Публичныя лекціи проф. Д. И. Эварницкаго. 3 и 4 апрѣля Д. И. Эварницкимъ прочитаны въ г. Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи, двѣ публичныя лекціи: «О Запорожьѣ и остаткахъ его» и вторая—по археологіи вообще.

10 мая въ Екатеринославѣ, въ помѣщеніи Научнаго Общества, имъ же прочтена лекція на тему: «Смѣна народностей въ Южной Россіи» («Вѣстникъ Юга», № 37.

Новый народный обычай. Если вѣрить корреспонденту «Живописной Россіи» (№ 68), въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., въ послѣднее время почти повсемѣстно установился обычай уплачивать за невѣсту, выходящую аамужъ, извѣстную сумму денегъ въ видѣ вознагражденія ея семьи за потерю рабочей силы. Размѣры выкупной платы, извѣстной здѣсь подъ именемъ „столоваго“ (?), смотря по состоянію жениха, бываютъ различны, начиная отъ 5 руб. и доходя до 50. Обычай этотъ порождаетъ дурныя послѣдствія для крестьянской семьи. Многіе парни, будучи не въ состояніи заплатить „столовое“, остаются холостыми; дѣвушки же, за которыхъ уплачена большая сумма, вступая въ семью, постоянно встрѣчаются враждебно и испытываютъ отъ своихъ свекра и свекрови укоризны и даже побои. Одна такая дѣвушка принуждена была, по выходѣ замужъ, оставить семью, чтобы, заработавъ на сторонѣ уплаченныя за нее деньги, снова возвратиться. По наблюденіямъ мѣстныхъ жителей, означенный обычай идетъ изъ области Войска Донского и возникъ въ Купянскомъ уѣздѣ не болѣе 10—15 лѣтъ, захватывая собою все большій и большій районъ.

Народный языкъ въ народной книгѣ. «Почему не читаетъ и не желаетъ читать народъ, почему закрываетъ онъ свои читальни?»— такимъ вопросомъ задается корреспондентъ газеты «Вѣстникъ Юга» (№ 76) по поводу отказа сельскаго общества м. Саксагани, Екатеринославской губерніи, субсидировать мѣстную народную читальню. Изслѣдовавъ причины такого равнодушнаго отношенія крестьянъ къ просвѣщенію, корреспондентъ находитъ, что онѣ лежатъ въ самой постановкѣ у насъ просвѣтительнаго дѣла. «Въ то время,—говоритъ онъ,— какъ дѣти, хотя и съ трудомъ усвоившія малопонятную для малоросса русскую литературную рѣчь, охотно читаютъ Диккенса, Вальтеръ-Скотта, Гончарова и проч., ихъ отцы и братья, тоже когда-то грамотные, проводя время въ 15—17 часов. тяжеломъ физическомъ трудѣ, теряютъ всякую привычку и охоту къ чтенію, возвращаясь къ родной рѣчи. Сдѣлавшись матеріалистами, рабами куска хлѣба по неволѣ, они говорятъ: «на що намъ кныгы, якъ хлиба нема,—хыба воны ёго намъ дадуть?» Напрасно вы будете предлагать такому скептику непонятнаго ему Пушкина, и даже Гоголя, лучшую книгу по сельскому хозяйству и совѣтовать измѣнить систему его хозяйства,— онъ вѣритъ только

тому, въ чемъ можетъ убѣдиться собственными глазами, тому только онъ и подражаетъ и слѣдуетъ. Изданія г. Чикаленка: «Чорный паръ, плодозминъ и сіяни травы», «Виноградъ» и друг. напечатанныя на малорусскомъ языкѣ брошюры по сельскому хозяйству читаютъ охотнѣе и взрослые; прекрасный, образный родной языкъ еще кое-какъ находитъ дорогу къ ихъ уму и читается, въ особенности молодыми, но старики свое твердятъ автору такой книги или его сторонникамъ: «зробить же вы попереду, а мы подывымся: якъ буде добре, то й мы такъ зробымъ». Вполнѣ правильный отсюда выводъ тотъ, «что въ нашемъ краѣ всѣ народныя библіотеки должны располагать допущенными въ народныя читальни книгами на малорусскомъ языкѣ, относящимися къ сельскому хозяйству, медицинѣ и гигіенѣ, каковы изданія «Благотворительнаго общества изд. дешевыхъ и полезныхъ книгъ», «Розмовы про сильске хазяйство» Е. Х. Чикаленка, брошюры Имшенецкаго, Коваленка и др.».

Народно-просвѣтительная дѣятельность въ Галичинѣ. Недавно вышелъ въ свѣтъ годичный отчетъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ просвѣтительныхъ обществъ въ Галичинѣ, товарищества «Просвита», служащій наглядным показателемъ того, какихъ поразительныхъ результатовъ можетъ достигать усердная, убѣжденная и мало стѣсняемая внѣшнею регламентаціею дѣятельность интеллигенціи на пользу своего народа. Надо вѣдь помнить, что населенная малороссами восточная Галичина по пространству и числу жителей не превосходитъ средней изъ нашихъ губерній и что малорусская интеллигенція тамъ крайне бѣдна и почти поголовно состоитъ изъ сельскаго духовенства и мелкаго чиновничества. И вотъ, среди этой малочисленной и матеріально мало обезпеченной интеллигенціи возникла въ 1868 г. мысль организовать на самыхъ широкихъ началахъ народно-просвѣтительное Общество подъ именемъ „Просвита“. Теперь передъ нами цифровой отчетъ о положеніи этого Общества спустя 33 года со времени его основанія.

Оказывается, что въ настоящее время „Просвита“ имѣетъ свыше 50,000 членовъ, громадное большинство которыхъ составляютъ сами же крестьяне; Обществомъ открыто 1044 народныхъ читаленъ въ разныхъ мѣстахъ Галичины, имѣющихъ свыше 80,000 книгъ. Кромѣ того, по иниціативѣ „Просвиты“ организовано въ селахъ болѣе 300 общественныхъ лавокъ, 150 хлѣбныхъ-запасныхъ магазиновъ и 180

ссудныхъ кассъ. Въ послѣдніе $1^1/_2$ года Общество многократно устраивало сельско-хозяйственныя бесѣды и чтенія для народа и издало 18 книгъ, преимущественно популярно-научнаго содержанія. Популярность Общества такъ велика, что въ послѣдніе годы оно ежегодно пріобрѣтаетъ среднимъ числомъ 1000 новыхъ членовъ и открываетъ 100 читаленъ. Не забудемъ, что въ Галичинѣ существуютъ и другія народно-просвѣтительныя учрежденія, но среди нихъ „товариство Просвита“ занимаетъ первое мѣсто по своей энергичной и плодотворной дѣятельности.

Библіографія.

Światowit. Rocznik, poświęcony arpheologii przeddziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowianskiej, wydawany przez Erazma Majewskiego. Tom IV. *Warszawa, 1902. 4°. 280 стр.+4 табл.+411 иллюстр. въ текстѣ.*

Введеніе къ настоящему тому этого интереснаго ежегодника составляетъ „Отчетъ о четырехлѣтней дѣятельности „Святовита". Редакторъ, Е. Маевскій, прежде всего указываетъ на то, что начинать дѣло пришлось съ очень небольшимъ числомъ работниковъ. Это обстоятельство находилось въ прямой зависимости отъ уменьшенія интереса къ доисторической археологіи, которое можно наблюдать въ послѣднее время въ районѣ Царства Польскаго. Не смотря на это, редакторъ „Святовита", приложивъ старанія, что бы изданіе разошлось возможно шире, поставилъ себѣ девизомъ, какъ онъ говоритъ, малорусскую поговорку: „не зважай на врожай, сій жыто—хлібъ буде". И дѣйствительно, 4-хъ-лѣтняя работа въ дѣлѣ изданія дала очевидные результаты: тогда какъ въ 1-омъ томѣ „Святовита" принимало участіе всего 4 автора, теперь, съ выходомъ 4-го тома, подводя итоги, оказывается, что во всѣхъ 4-хъ томахъ участвовало 38 авторовъ и корреспондентовъ и 4 переводчика, давшихъ 40 сравнительно большихъ работъ и болѣе ста мелкихъ замѣтокъ. Кромѣ этого, очень цѣнной особенностью изданія является обиліе рисунковъ: въ 4-хъ томахъ помѣщено 47 таблицъ и 583 рисунка въ текстѣ, дающихъ вмѣстѣ 1834 изображенія предметовъ, плановъ и картъ.

Что касается мѣстностей, въ которыхъ происходили изслѣдованія или обнаружены находки, описанныя въ „Святовитѣ", то онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 21 уѣздъ въ 8-ми губерніяхъ Царства Польскаго, 17 уѣздовъ въ 6-ти другихъ губерніяхъ Имперіи, 1 уѣздъ въ Галичинѣ и 2 уѣзда въ кн. Познанскомъ. Въ этомъ числѣ интересующаго насъ района касаются: уу. Липовецкій и Звенигородскій—въ Кіевской губ., Заславскій, Дубенскій, Луцкій, Овручскій и Кременецкій—въ Волынской, Каменецкій и Брацлавскій—въ Подольской и Коломыйскій—на Покутьи.

Останавливаясь на этихъ результатахъ, нельзя не отдать должнаго той энергіи и знаніямъ, съ какими ведется это изданіе редакторомъ его, Е. Маевскимъ; невольно является мысль: почему-бы и въ Кіевѣ, для района Южной Россіи, не основать подобнаго изданія? Вѣдь и работниковъ и матеріаловъ у насъ гораздо больше. Но, повидимому, рано еще думать объ этомъ,—говоримъ по опыту, такъ какъ и небольшія попытки въ этомъ направленіи встрѣчаютъ непонятный отпоръ даже со стороны лицъ, причастныхъ наукѣ...

Настоящій, 4-ый, томъ „Святовита" распадается, какъ и предыдущіе, на отдѣлы: оригинальныя статьи и корреспонденціи, археологическое обозрѣніе, затѣмъ критика и библіографія и, наконецъ,—мелкія извѣстія.

На этотъ разъ, въ первомъ отдѣлѣ помѣщена довольно обширная статья, касающаяся нашей области и принадлежащая извѣстному археологу и владѣльцу прекраснаго собранія подольскихъ древностей, Францишку Пуласкому—„Mogiły o nasypie kamiennym w powiecie kamieneckim." Могилы съ каменной насыпью, подвергшіяся обслѣдованію г. Пуласкаго, расположены въ мѣстности, богатой различными доисторическими памятниками, что ясно видно изъ приложенной къ статьѣ небольшой археологической карты этого уголка Подоліи. Между прочимъ, у с. Серватынецъ, между сс. Заводынцами и Ивахновцами и за послѣднимъ селомъ расположены три группы кургановъ, изъ которыхъ было раскопано 4 кургана. У с. Ивановецъ раскопаны два кургана. Первый, высотой 1 метръ и окружностью 42 м., былъ обставленъ у подошвы большими камнями. По снятіи верхнихъ слоевъ дерна и чернозема, оказалось, что вся насыпь, на глубину 1 метра, состоитъ изъ мелкихъ известковыхъ камней. Подъ этой насыпью, на глубинѣ 1 м. 20 стм., была встрѣчена площадка, уложенная небольшими каменными плитками. Плитки составляли покрышку продолго-

ватой могилы, обставленной со всѣхъ сторонъ большими камнями. Въ могилѣ находился скелетъ, головой на западъ; голова опиралась на небольшой четыреугольный камень. При скелетѣ найдены слѣдующіе предметы: желѣзный наконечникъ копья, 6 бронзовыхъ стрѣлокъ, два украшенія, одно бронзовое, а другое золотое, въ видѣ серегъ, бронзовая шпилька, большой глиняный сосудъ, другой сосудъ поменьше и глиняная же миска. Всѣ эти предметы составляютъ обычный инвентарь скиѳскаго погребенія. Къ этой-же эпохѣ относятся и всѣ прочіе курганы, раскопанные г. Пуласкимъ.

Насыпь второго Ивахновецкаго кургана, который былъ немного выше перваго (1 м. 30 стм.), состояла изъ большихъ камней въ перемежку съ меньшими. Подъ насыпью—могила, прямо въ землѣ; въ ней—скелетъ, немного скорченный; при скелетѣ семь бронзовыхъ и двѣ костяныхъ стрѣлы, желѣзное удило и желѣзный поясъ. Въ южной части кургана, подъ крыломъ его, открыта другая могильная яма со скелетомъ въ скорченномъ положеніи. При скелетѣ двѣ бронзовыхъ стрѣлы, небольшой глиняный горшочекъ, глиняная миска и 3 глиняныхъ черпака, типичныхъ для скиѳскихъ погребеній.

У с. Серватынецъ также раскопано два кургана. Насыпь перваго нѣсколько отличалась отъ предыдущихъ: она состояла не сплошь изъ камня, а въ верхней части, посрединѣ, заключала какъ-бы яму, суженую книзу и наполненную землей. Въ могилѣ, подъ насыпью, обнаружено 2 скелета и при нихъ нѣсколько глиняныхъ сосудовъ разныхъ типовъ

Насыпь второго кургана заключала, между прочимъ, камни, носящіе ясные слѣды огня. Скелета здѣсь не обнаружено, однако найдено нѣсколько сосудовъ.

Кромѣ подробнаго описанія раскопокъ вышеуказанныхъ кургановъ, г. Пуласкій, въ дополненіе къ статьѣ, изложилъ свѣдѣнія о раскопкѣ еще двухъ кургановъ въ той же мѣстности. Новаго онѣ дали мало; отмѣтимъ лишь находку каменнаго блюда, сдѣланнаго изъ гранита,—встрѣченныя до сихъ поръ подобнаго рода блюда обыкновенно изготовлены изъ песчаника. Любопытной, затѣмъ, представляется находка въ верхней части кургана межевыхъ знаковъ позднѣйшаго времени: на глубинѣ 60 стм. отъ поверхности найдены два сосуда, современнаго типа, наполненные различнымъ зерномъ.

Въ отдѣлѣ корреспонденцій, между другими, находимъ слѣдующія замѣтки. Л. Жытынскій помѣстилъ „Spis zabytkow epoki kamie-

nia gładzonego, znalezionych w gub. Wołyńskiej," гдѣ перечисляетъ отбивныя и шлифованныя каменныя орудія, имѣющіяся въ его собраніи и происходящія, главнымъ образомъ, изъ Дубенскаго и Луцкаго уѣздовъ. І. Потемковскій, въ замѣткѣ: „Zabytki podolskie", даетъ общую характеристику каменныхъ орудій, найденныхъ на стоянкѣ у с. Ильяшовки и отчасти на Сестринецкихъ поляхъ подъ Лысянкой, въ Звенигородскомъ у. Кіевск. г., затѣмъ описываетъ бронзовый топорикъ, найденный на поляхъ с. Шарапановки, и нѣсколько другихъ предметовъ, найденныхъ при скелетахъ въ с. Капустянахъ. І. Потемковскимъ были также присланы редакціи „Святовита" и воспроизведены послѣдней въ настоящемъ томѣ четыре фотографіи съ мраморной статуэтки, хранящейся у г. Піонтковскаго, въ с. Капустянахъ. Статуэтка, какъ справедливо замѣчаетъ редакція, изображаетъ скиѳа, сидящаго на креслѣ; на бокахъ кресла помѣщена греческая надпись. Если статуэтка окажется подлинной, въ чемъ еще можно сомнѣваться, то она представляетъ значительный интересъ. Отмѣтимъ еще одну замѣтку общаго характера—художника Т. Лисевича: „W sprawie kamieni ze „śladami". Авторъ старается объяснить происхожденіе и назначеніе довольно распространенныхъ чашечныхъ углубленій въ камняхъ, а также углубленій продолговатыхъ, обыкновенно называемыхъ народомъ „стопами Богородицы". По мнѣнію г. Лисевича, однѣ изъ этихъ углубленій произошли отъ шлифованія каменныхъ орудій, другія же служили для добыванія огня. Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія приводится примѣръ, что и теперь русскіе пастушки, когда не хватитъ у нихъ спичекъ, берутъ палку, обматываютъ ее шнуркомъ такимъ образомъ, чтобы можно было вертѣть въ обѣ стороны, опираютъ одинъ конецъ палки въ камень или дерево, а другой притискиваютъ дощечкой и, вращая палку, очень быстро добываютъ огонь. Объясненія г. Лисевича если не по отношенію ко всѣмъ подобнаго рода памятникамъ, то къ нѣкоторой части ихъ, имѣютъ извѣстную долю вѣроятія.

Слѣдующіе отдѣлы заполняетъ рядъ цѣнныхъ статей и замѣтокъ, но прямого отношенія къ нашей области онѣ не имѣютъ. Упомянемъ лишь о заключающей томъ довольно обширной замѣткѣ Г. Лопацинскаго: „Sprawozdanie z działu archeologii prezdhistorycznej na wystawach rolniczo-przemysłowej, oraz przedmiatów sztuki i starożytności w Lublinie 1901 r". Г. Лопацинскій былъ устроителемъ на выставкѣ вышеназваннаго отдѣла. Передъ выставкой имъ была составлена и разослана программа отдѣла, но результаты получились не особенно

блестящіе, хотя, все-таки, были доставлены какъ предметы, такъ и свѣдѣнія о памятникахъ старины,—замѣтка и посвящена перечисленію полученнаго.

Каждый новый томъ „Святовита“ даетъ все больше и больше цѣннаго, въ большинствѣ случаевъ, научно обработаннаго матеріала. Такимъ совершенствованіемъ изданіе всецѣло обязано неутомимой энергіи его редактора, а потому, въ заключеніе, пожелаемъ послѣднему продолжать и на будущее время и съ такимъ же успѣхомъ это полезное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудное дѣло.

Вѣна, 9 мая.

И. Бѣляшевскій.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т.т. XLII—XLV *(кн. IV—VI за 1901 р. и кн. I за 1902 р.). У Львові, 1901—1902 р.*

Въ настоящемъ году исполнилось десятилѣтіе со дня выхода первой книжки солиднаго научнаго изданія Наукового Товариства ім. Шевченка—«Записок», достигшихъ, какъ видимъ, въ теченіе десятилѣтія не малой цифры—44 томовъ, содержащихъ огромное множество цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, преимущественно касающихся Украины-Руси. За это время «Записки» успѣли снискать всеобщее признаніе въ ученомъ мірѣ, и въ настоящее время не много найдется ученыхъ обществъ и учрежденій въ Европѣ, которыя бы не обмѣнивали своихъ изданій на изданія «Наукового Товариства ім. Шевченка». Это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что научныя достоинства почтеннаго изданія обратили на себя вниманіе ученаго міра и побудили этотъ послѣдній считаться съ дѣйствительно капитальными нерѣдко изслѣдованіями, имѣющими не только мѣстный интересъ.

Въ разсматриваемыя нами четыре послѣднія книжки «Записок» вошло 3 историческихъ, 2—этнографическихъ и 4 историко-литературныхъ статей. Изъ числа первыхъ—одна выходитъ за границы спеціальныхъ задачъ журнала и относится къ міру античному. Это—*«Критична аналіза т. зв. Тукидидової Археології»*—Ів. Копача (т. XLII). Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, слѣдующіе: 1) т. наз. Ѳукидидова археологія не представляетъ цѣльнаго,

хорошо обдуманнаго и законченнаго вполнѣ обзора греческаго прошлаго; 2) тѣ части, изъ которыхъ она состоитъ въ настоящее время, явились не сразу, но авторъ сочинялъ ихъ постепенно, въ различное время; 3) авторъ рѣшилъ предпослать исторіи Пелопонесской войны полный обзоръ греческаго прошлаго лишь тогда, когда началъ считать 27-лѣтнюю войну чѣмъ-то одноцѣльнымъ.

Къ древне-русской исторіи относится критико-историческое изслѣдованіе проф. М. Грушевскаго: «*Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва*» (т. XLV). Разобравъ грамоты 1297, 1443 и 1557 гг., считаемыя въ научномъ мірѣ наиболѣе автентичными, авторъ наглядным образомъ доказываетъ, что какъ эти, такъ и всѣ остальныя грамоты, приписываемыя князю Льву Даниловичу, фальсификаты, которые, по всей вѣроятности, стали появляться въ Галичинѣ уже въ началѣ польскаго владычества, для защиты правъ на землю, не обезпеченныхъ въ древней Руси никакими письменными документами (въ большинствѣ случаевъ было фактическое пользованіе «зъ дида зъ прадида» или словесный договоръ).

Третья историческая статья—«*Причинки до історії рекруттини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX столітя*», Мих. Зубрицкаго.

Авторъ собралъ на селѣ у крестьянъ свѣдѣнія объ уклоненіяхъ отъ рекрутскаго набора, послѣ введенія его въ 1788 г. Уклоненія выражались двояко: рекрутъ или пускался въ бѣга, или увѣчилъ себя. Любопытный матеріалъ для характеристики какъ того, такъ и другого рода уклоненій авторъ и сообщаетъ въ данной статьѣ.

Къ области этнографіи относятся двѣ статьи: весьма цѣнное изслѣдованіе Ив. Верхратскаго «*Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів*» (т. т. XLIV и XLV) и собственно критико-литературная статья—Володимера Гнатюка «*Словаки чи Русини?* (Причинок до вияснення спору про національність західних русинів)» (т. XLII). Первая представляетъ окончаніе капитальнаго труда, печатавшагося въ предыдущихъ томахъ «Записок», и содержитъ образцы говора угорскихъ русиновъ (повѣрья, разсказы, загадки, поговорки, пѣсни). Матеріалъ собранный г. Верхратскимъ, въ высшей степени цѣненъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ заключеніе дается обстоятельный словарь угорскихъ словъ, со сравнительнымъ нѣмецкимъ, чешскимъ и словацкими параллелями. Во второй—авторъ, путемъ разбора литературныхъ мнѣній и на основаніи опросовъ мѣстныхъ жителей, доказы-

ваетъ, что т. наз. Бачванскіе русины (на югѣ Угорщины, на пограничьи со словаками) не могутъ быть относимы къ словакамъ. Въ статьѣ собрано много цѣннаго матеріала, свидѣтельствующаго въ пользу утвержденія автора.

Переходя къ области историко-литературныхъ изслѣдованій, мы прежде всего остановимся на интересномъ изслѣдованіи д-ра Ів. Франка «*Пятницьке чудо въ Корсуні, причинок до старорускої легендової літератури*». (т. XLIV). Уважаемому автору удалось отыскать во Львовѣ небольшую легенду о пятницькомъ чудѣ въ Корсунѣ, въ прибавленьи къ житію св. Косьмы и Даміана. Легенда найдена въ двухъ рукописяхъ XVI вѣка; первая записана въ Полоцкѣ и содержитъ въ языкѣ болѣе сѣверныхъ, бѣлорусскихъ чертъ; вторая—гдѣ то на Украинѣ, б. м. даже во Львовѣ. Содержаніе легенды, озаглавленной «Чюдо о братщинѣ иже въ Корсунѣ градѣ», слѣдующее. Однажды въ Корсунѣ «у мужа единого» была «обчина гостинная». Пили уже 7 дней и на 8-ой еще явились. Но не хватило вина. Хозяинъ обращается къ гостямъ: «братія, нѣсть уже питія! «Тѣ же въ шутку отвѣчаютъ: «вземь сосудъ великъ полнъ воды!» Тогда подымается съ мѣста попъ, даетъ каждому по «стклянницѣ» воды, самъ беретъ чашу и произноситъ тропарь св. Косьмѣ и Даміану. И вдругъ случилось чудо: «обратися вода въ медъ сладокъ». Всѣ, конечно, возрадовались, прославили св. Козьму и Даміана и пили 12 дней, а сосудъ «не пречерпаше николи же благодатію божіею и чюдесъ ради святоую безмѣзднику и врачю». Но «егдаже безумніи человѣци начаша молвити скверныя словеса и все нелѣпое творити, —погыбѣ медъ отъ нихъ, яко рай отъ Адама, и бысть пакы вода въ сосудѣ томъ и въ чашахъ».

На основаніи такихъ указаній, какъ слово «братчина», пѣніе тропаря во время выпивки (характерно для XII—XIII в.) и др. авторъ приходитъ къ тому заключенію, что возникновеніе легенды можно отнести къ XII—XIII в., и южнорусское ея происхожденіе имѣетъ за собой если не больше, то и не меньше вѣроятія, чѣмъ сѣверноруссное.

Не безынтересенъ также матеріалъ, сообщаемый М. Галущинскимъ въ его статьѣ: «*Меморія в оборонѣ прав православних і дісидентів з часів чотиролітнього сейму*» (т. XLV). Авторъ пользовался рукописнымъ сборникомъ, найденнымъ въ Вѣнѣ, въ который, кромѣ Синопсиса Іоанникія Гизеля и Синода тайнослуженія церковнаго въ Москвѣ 1678 г., вошелъ неизвѣстный донынѣ литературный памятникъ

подъ заглавіемъ «Stan Historyi Narodu Polskiego, ź Warszawy 1791». Написанъ онъ послѣ перваго раздѣла Польши человѣкомъ несомнѣнно образованнымъ, начитаннымъ въ либеральномъ духѣ, доказательствомъ чего является признаніе имъ основой полнаго развитія государства и счастливаго пребыванія въ немъ гражданъ—полной религіозной толерантности, свободы личности, равенства передъ закономъ. Въ отношеніи къ церковной уніи—онъ требуетъ равенства, какъ для уніатской, такъ и православной церкви (какъ и для всѣхъ иныхъ исповѣданій). Очевидно, ему болѣе извѣстно положеніе диссидентовъ, чѣмъ уніатовъ и православныхъ. Кромѣ общаго интереса для характеристики теченій и направленій въ современномъ ему польскомъ обществѣ, очень любопытны нѣкоторые факты, сообщаемые имъ по поводу современныхъ событій, какъ, напримѣръ, указаніе, что кіевскіе мѣщане, а также кременьчанскіе (?) и переяславскіе, по уничтоженіи въ Кіевѣ муниципальнаго устройства, которое продолжало оставаться въ Житомирѣ согласно декрету комиссіи boni ordinis 1783 г., явившись въ Бердичевъ на ярмарокъ съ товарами, отправились оттуда въ Житомиръ и заявили о своемъ желаніи уйти навсегда изъ Кіева и поселиться въ Житомирѣ, лишь только имъ гарантируютъ, что польское правительство не выдастъ ихъ Россіи; но не встрѣтя сочувствія у житомирскихъ властей, вернулись обратно. Интересенъ также фактъ отказа Могилевскаго магистрата и всего города присягать на вѣрность Россіи.

Немалый интересъ представляетъ и сообщаемая др. Кирилломъ Студинскимъ *корреспонденція Деніса Зубрицького* (р.р. 1840—1853). Въ рукописяхъ Зубрицкаго, перешедшихъ въ собственность гр. Виктора Баворовскаго, оказались письма къ Зубрицкому Максимовича (5), Ганки (2), Копитара (4), Раковскаго (3) и черновикъ письма Имп. Общ. Исторіи и Древностей.

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ письма Максимовича (три 1840 г., 1—1841 и 1—1843). Первое письмо было напечатано въ 1863 г. Як. Головацкимъ въ Литературномъ Сборникѣ «Галичанинъ» (1863, кн. I, вып. II, стр. 107—113). Въ немъ характеренъ двоякій взглядъ Максимовича на украинскій языкъ. Галичанамъ онъ совѣтуетъ писать на ихъ родномъ языкѣ: «на какомъ бы ни писали языкѣ галичане, все равно, лишь бы писали они о своей Руси; но молодому—нынѣшнему и будущему поколѣнію надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно нѣмцамъ, французамъ, чехамъ и всѣмъ почти другимъ націямъ». Относительно же украинскаго языка

въ Россіи онъ держится иного взгляда: «все, что у насъ пишется по малороссійски, есть, нѣкоторымъ образомъ, уже *искусственное*, имѣющее интересъ областной... У насъ *не можетъ быть* словесности на южнорусскомъ языкѣ, а только могутъ быть и есть отдѣльныя на ономъ сочиненія—Котляревскаго, Квитки, Гребенки и другихъ». «Ваши (т. е. галицкіе) молодые писатели должны писать чистымъ южнорусскимъ языкомъ, какой представляется особенно въ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ и старинныхъ червонорускихъ; а этотъ языкъ пополнять могутъ изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ галицкихъ и украинскихъ, гдѣ много есть словъ и оборотовъ,—а потомъ уже пополнительнымъ источникомъ пусть будетъ великорусскій языкъ, преимущественно передъ другими словенскими». Въ этомъ же письмѣ онъ предлагаетъ извѣстное свое правописаніе, представляющее, по его мнѣнію, «старинный способъ писанія южнорусскій, приноровленный къ народному языку». Въ остальныхъ письмахъ, какъ и въ первомъ, много подробностей, интересныхъ для біографіи Максимовича и для уясненія отношеній его къ галицкимъ дѣятелямъ эпохи возрожденія.

Любопытны также и письма Копитара. Извѣстно, что Копитаръ, въ числѣ другихъ славянскихъ ученыхъ и дѣятелей, былъ посредникомъ между русинами и славянскимъ движеніемъ первыхъ десятилѣтій XIX ст. Онъ старался оказывать вліяніе на молодое русинское поколѣніе, и подъ его руководствомъ образовался первый русинскій писатель—Іосифъ Лѣвицкій. Русиновъ Копитаръ считалъ такимъ народомъ, который можетъ существовать самъ, собственными силами, и не желалъ бы ихъ видѣть ни въ чьихъ чужихъ объятіяхъ. Въ письмѣ къ Зубрицкому отъ 18 іюня 1843 года онъ пишетъ: «Русиновъ должно хватить самихъ для себя, безъ помощи великороссовъ, они должны печатать своего Каменскаго (die Russinen, ohne die Nordrussen sich selbst genugen, ihren Kaminski drucken lassen etc).

Письма Ганки и, въ особенности, Ив. Раковскаго интересны въ другомъ отношеніи—для характеристики будущей старорусской партіи.

Остается еще одна статья—критическая Івана Стешенка «*Ол. П. Стороженко, причинки до характеристики єго творів*» (т. XLII). Въ первой части своего труда авторъ съ большой старательностію входитъ въ разсмотрѣніе біографическихъ данныхъ объ Ал. П. Стороженкѣ и старается характеризовать его, какъ «сознательнаго украинскаго патріота, человѣка патріархально-крѣпостнической психики, одѣтаго въ мундиръ шовинизма и полной благонамѣренности». Во вто-

рой части авторъ приступаетъ къ разбору его произведеній и прежде всего даетъ имъ иную, чѣмъ у Петрова и Огоновскаго, классификацію, а именно: произведенія историческаго характера: а) съ сюжетами реальными и b) легендарно-фантастическими; произведенія этнографическаго характера, и произведенія—анекдоты; относительно же вопроса, къ какой школѣ можно отнесть Стороженка—авторъ высказывается въ такомъ смыслѣ, что Стороженко создалъ украинскую школу исторической беллетристики, и все его значеніе въ исторіи литературы въ этомъ и заключается.

Соглашаясь, болѣе или менѣе, съ общими выводами автора, съ трудомъ соглашаемся съ частностями въ его трудѣ. Кромѣ того, намъ кажется, авторъ тратитъ слишкомъ ужъ много энергіи на обличеніе и ниспроверженіе мнѣній и сужденій авторовъ, съ которыми онъ не согласенъ.

Остается намъ еще отмѣтить болѣе мелкіе матеріалы, помѣщенные въ отдѣлѣ Miscellanea. Но раньше мы должны остановиться на двухъ статьяхъ др. Ів. Франка, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ «Наукова Хроника». Въ первой (въ XLII т.)—«Нові досліди над найдавнійшою історіею жидів» авторъ даетъ обзоръ новѣйшихъ изслѣдованій, весьма интересныхъ, въ области еврейской исторіи; во второй—(т. XLV) «Причинки до исторіі польскоі суспільности на Украіні в XIX в. (I—VI)», крайне интересной и цѣнной для характеристики польско-украинскихъ отношеній въ началѣ XIX ст., авторъ на основаніи трудовъ P. Chmilowskiego, Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815—1823), Warszawa, 1898 г., и Tadeusza Bobrowskiego, Pamiętniki, Lwòw, 1900, т. I (второго пока не касается)—даетъ яркую картину состоянія польскаго общества, а параллельно и украинскаго, насколько первое входило въ соприкосновеніе со вторымъ. Въ отдѣлѣ «Miscellanea» имѣются нѣкоторые очень цѣнные матеріалы. Здѣсь помѣщены: два неизвѣстные перевода Іосифа Левицкаго, привилей г. Миколаива надъ Днѣстромъ (перв. пол. 17 в.), Хлопська комісия»—(по поводу кражи въ церкви въ Красній, въ Галичинѣ, въ 1847 г. (т. XLIII) «Лист Стефана Баторія до калги 1577 р.»; Чубъ, чупрына,—замѣтка для историковъ, художниковъ и актеровъ; Николай Савичъ, біографическая замѣтка объ этомъ участникѣ Кирило-Меѳод. братства (т. XLIV), къ біографіи гайдамакъ Желѣзняка и Чорныя,—сообщаются свѣдѣнія, имѣющіяся объ этихъ послѣднихъ въ сочиненіяхъ Державина; къ

участи русиновъ въ наполеоновскихъ войнахъ, некрологи Ис. Шараневича, Сухомлинова и Жданова.

Біографическій отдѣлъ, по обыкновенію, весьма обстоятеленъ и заключаетъ огромное количество критическихъ отзывовъ о различныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ книгахъ.

В. Д.

Статистическое бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1899 годъ (по сообщеніямъ корреспондентовъ). *Полтава, 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.*

Содержаніе названной книги составляютъ: глава о погодѣ, земледѣльческихъ работахъ и условіяхъ произрастанія хлѣбовъ и травъ, глава объ урожаѣ хлѣбовъ, промышленныхъ растеній и травъ, садовъ и огородныхъ растеній; о состояніи скотоводства, пчеловодства, цѣнахъ на рабочія руки, отхожихъ неземледѣльческихъ промыслахъ и съемныхъ, арендныхъ продажныхъ цѣнахъ, съ многочисленными таблицными приложеніями къ нимъ, занимающими болѣе $^1/_3$ книги. Книга составлена по матеріаламъ, доставленнымъ 659 корреспондентами. Съ особенною подробностью, почему-то, составлена глава о погодѣ, занимающая болѣе половины текста книги, при чемъ въ послѣдующихъ главахъ—особенно объ урожаѣ, мѣстами приходится говорить о той же погодѣ.

Въ виду того, что сообщаемыя въ этомъ изданіи данныя относятся къ сравнительно уже давнему (1899) году, почему и сообщеніе сельско-хозяйственныхъ итоговъ этого года не можетъ имѣть особеннаго значенія, остановимся лишь на данныхъ: о съемныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ, которыя и въ Полтавской губерніи, какъ оказывается, имѣютъ теперь нѣкоторую тенденцію къ подъему, какъ и у насъ въ Юго-западномъ краѣ.

Оказывается, что испольная форма съемки (погодной аренды) земель повсемѣстно въ Полтавской губ. сократилась, при чемъ сокращеніе это было весьма значительно и равномѣрно во всѣхъ уѣздахъ, хотя все-таки она осталась еще преобладающей формой аренды въ Переяславскомъ и Прилукскомъ уѣздахъ. Наоборотъ, отработочная система, значительно развитая въ 80-хъ годахъ, нынѣ получила еще большее распространеніе, главнымъ образомъ, на счетъ испольной въ

Пирятинскомъ, Золотоношскомъ и Полтавскомъ уѣздахъ, а въ Хорольскомъ и Константиноградскомъ—и на счетъ денежной аренды. На счетъ сокращенія испольной формы съемки почти повсемѣстно, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ уѣздовъ, произошло расширеніе денежной. Съ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ въ 1897 г. и хорошими урожаями послѣднихъ лѣтъ, крестьяне стали охотнѣе снимать землю за деньги, и отдача земли изъ урожая стала менѣе выгодна, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняются помянутыя измѣненія въ условіяхъ съемки. Въ то же время въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, вслѣдствіе значительнаго возрастанія съемныхъ цѣнъ въ послѣдніе годы, увеличился спросъ на землю за отработки, главнымъ образомъ со стороны малообезпеченныхъ съемщиковъ.

Что касается измѣненія съемныхъ цѣнъ во времени, то изъ собранныхъ данныхъ видно, что въ теченіе трехлѣтія съ 1894 г., съемныя цѣны сравнительно съ 1893 г. упали на $^1/_3$, въ слѣдующее трехлѣтіе повысились противъ низшей цѣны 1896 г. на 55% и на 5% превысили уже цѣны 1893 г. Наибольшее повышеніе произошло въ уѣздахъ Прилукскомъ, Пирятинскомъ, Золотоношскомъ и Константиноградскомъ, черезъ которые въ теченіе послѣдняго пятилѣтія проложены новые желѣзнодорожные пути. Измѣненіе арендныхъ цѣнъ въ теченіе послѣдняго семилѣтія совершалось параллельно съ измѣненіемъ съемныхъ цѣнъ, но только болѣе равномѣрно и съ меньшими колебаніями, чѣмъ послѣднія. Изъ собранныхъ данныхъ видно, что, рядомъ съ подъемомъ арендныхъ цѣнъ, произошелъ въ губерніи и подъемъ продажныхъ цѣнъ—приблизительно на тотъ же процентъ, какъ и арендныхъ. Путемъ продажъ площадь землевладѣнія въ теченіе отчетнаго года измѣнилась такимъ образомъ: количество дворянскихъ земель уменьшилось на 18100 дес., а у крестьянъ и козаковъ увеличилось на 11700 дес. и у купцовъ и проч. сословій на 6400 дес.; главными, по своей численности, продавцами и покупателями являются козаки и крестьяне, на долю которыхъ падаетъ около $^2/_3$ всѣхъ сдѣлокъ по продажѣ и свыше $^1/_5$ по покупкѣ; они покупаютъ почти все количество земли, поступающее на рынокъ отъ лицъ своихъ сословій, и кромѣ того болѣе мелкіе участки изъ продаваемыхъ дворянами и другими сословіями.

Л. С. Л.

Поеми Михайла Макаровського. Видав др. Кирило Студиньский. *(у Львові).*

Д-ру Студинскому, профессору Львовскаго университета, пришла благодарная мысль издать произведенія стараго и даровитаго украинскаго писателя Макаровскаго. Тщательно исполненному тексту украинскихъ поэмъ львовскій ученый предпослалъ „вступне слово", хотя и краткое, но цѣнное по затронутому и отчасти рѣшенному вопросу генезиса изданныхъ имъ произведеній. Въ началѣ своего сравнительно-литературнаго очерка г. Студинскій указываетъ, вслѣдъ за г. Вильхивскимъ, на небрежность украинскаго общества, не переиздавшаго цѣнныхъ поэмъ Макаровскаго. Не входя въ оцѣнку упомянутой „небрежности", равно какъ и другихъ причинъ неизданія у насъ поэмъ Макаровскаго, мы только напомнимъ г. Студ-му, что лучшая вещь Макаровскаго—„Наталя" вышла въ свѣтъ еще въ 1890 г. Послѣ этого перейдемъ къ разсмотрѣнію мыслей г. Студ-го о поэмахъ Макаровскаго и прежде всего о „Наталѣ". Говоря о послѣдней, профессоръ отмѣчаетъ близость ея къ „Hermann und Dorothea" Goethe и „Wiesław" у Бродзинскаго. Такая отмѣтка заслуживаетъ полнаго вниманія. Сравненіе „Натали", особенно съ „Hermann'омъ, даетъ полную возможность сказать, что произведеніе Макар-го написано подъ вліяніемъ Гете, и мы только недовольны тѣмъ способомъ, какимъ доказываетъ г. Ст-ій близость обоихъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ говоритъ сколько-нибудь о близости „Натали" къ „Hermann'у" тотъ фактъ, что „Макаровський виводить нам в своій „Натали" не лише селян-хліборобів", при чемъ эти „не лише селяне-хлібороби" „звідують далекі краї" и т. п. (стр. 6). Это „звідування" не играетъ *никакой* роли въ „Hermann'ѣ и второстепенную въ „Наталѣ", и въ томъ и другомъ произведеніи не оказываетъ *никакого* вліянія на фабулу или ходъ дѣйствія. Приводитъ-же слова Фоки (изъ „Гараська") для доказательства близости между „Hermann"'омъ і „Наталею" мнѣ кажется совсѣмъ уже страннымъ и непонятнымъ пріемомъ. Такимъ-же неудачнымъ необходимо признать и доказательство близости „Hermann'а" къ „Наталѣ" путемъ указанія общей черты между „Наталею" и „Wiesław"'омъ (?). Такими пріемами только затумaниваются совсѣмъ ясные вопросы... Во всякомъ-же случаѣ связь между произведеніемъ Гете и „Наталею" мы должны признать безусловно. Можно даже прямо сказать, что фабула послѣдней вполнѣ заимствована у Гете и только украшена самобыт-

нымъ изложеніемъ да украинскими типами. Что касается сравненія „Натали“ съ „Wiesław'омъ, то здѣсь много говорить не приходится. Разъ произведеніе польскаго писателя писано подъ вліяніемъ и, скажу я, очень близкимъ,—Hermann'а Гете, то, очевидно, „Наталя“ стоитъ съ нимъ въ такомъ же соотношеніи, какъ и съ Гетевскимъ произведеніемъ, или какъ польская поэма съ нѣмецкимъ произведеніемъ. А разъ такъ, то доказывать близость, Wiesław'а“ и „Натали“, доказавши близость послѣдней къ Гете, мнѣ кажется лишнимъ тѣмъ болѣе, что и любопытный, т. е. новый пунктъ такой близости, въ видѣ присутствія въ обоихъ произведеніяхъ (украинца и поляка) „пропащої особи“, является все-таки несущественнымъ. Словомъ, подобное сравненіе не приноситъ новыхъ данныхъ, которыя измѣняли-бы основную идею „Натали“, заимствованную у Гете. За то и съ другой стороны мы не можемъ не признать, что и фактъ присутствія въ произведеніяхъ Бродзинскаго и Макаровскаго еще чертъ, хоть и не существенныхъ, но отсутствующихъ у Гете, заслуживаетъ вниманія и заставляетъ насъ сказать, что и польскій писатель, подобно нѣмецкому, повліялъ на нашего поэта, впрочемъ болѣе формальнымъ образомъ. И отмѣтка такого факта должна быть признана заслугой г-на Студ-го... Мнѣ только кажется страннымъ, что изслѣдователь называетъ „Наталю“ *эпической* поэмой,—это вѣдь масло масляное: если произведеніе есть поэма, то, очевидно, оно принадлежитъ къ эпосу, а не къ иному роду поэзіи... Показавъ по возможности близость „Натали“ къ вышеупомянутымъ произведеніямъ, г. Ст-ій довольно вѣрно указываетъ и эстетическое ея значеніе, но ошибается, когда, вслѣдъ за Огоновскимъ, находитъ у Мак-го каррикатуру. Я таковой совершенно не вижу, и г. Студинскому слѣдовало бы точно указать образцы такихъ каррикатуръ или чего-либо подобнаго.

Обратившись къ „Гараську“, г. Ст-ій удачно приводитъ замѣчаніе проф. Петрова о вліяніи Пушкина на эту поэму, именно „Кавказскаго плѣнника“. Конечно, вліяніе это очень формально и безконечно меньше вліянія на Мак-го Гете и даже Бродзинскаго, но все-таки фабулу „Гараська“, хоть и значительно измѣненную, слѣдуетъ искать именно у Пушкина. Въ оцѣнкѣ данной поэмы г. Ст-ій стоитъ также близко къ истинѣ, хотя нѣсколько и уклоняется отъ нея, уменьшая цѣнность „Гараська“. Уклоняется потому, что эту поэму, какъ истинно-художественное произведеніе, врядъ-ли можно поставить ниже „Натали“, тѣмъ болѣе, что и общій тонъ „Гараська“, какъ чисто

психологической картины, не можетъ идти въ сравненіе съ этнографически-бытовымъ произведеніемъ „Наталею". Эта же психологичность, переходящая иногда то въ драму, то въ лирику, проявлена въ поэмѣ очень удачно,—такъ что послѣднюю мы должны поставить очень высоко. Въ силу той же психологичности поэмы нельзя ставить ей въ упрекъ и недостатокъ „характеристичных прикмет украинського буття", о которомъ говоритъ г. Ст-ій: этотъ недостатокъ замѣняется обиліемъ совсѣмъ иного матерьяла, собственно психологическаго, и потому напрасно было требовать отъ поэта „побутовости". Оканчивая свои замѣчанія о литературномъ очеркѣ г-на Ст-го, мы должны еще обратить его вниманіе на отсутствіе у него указанія, къ какой литературной школѣ принадлежитъ нашъ старый поэтъ и какова ео ipso основная черта его творчества... Какъ извѣстно, проф. Петровъ причислилъ Мак-го къ „сентименталистамъ", что совершенно невѣрно и безосновательно. Не думаю, чтобы львовскій профессоръ раздѣлялъ указанное воззрѣніе, а если такъ, то онъ обязанъ былъ показать его ошибочность; въ случаѣ же согласія своего съ Петровымъ, долженъ былъ бы отмѣтить, почему правъ г. Петровъ, чья классификація періодовъ нашей литературы признана уже проф. Дашкевичемъ не вполнѣ удовлетворительной. Во всякомъ случаѣ и указанныя мысли г-на Ст-го, въ видѣ сравненій и т. п., должны стать годнымъ матерьяломъ для будущаго болѣе широкаго изслѣдованія о Макаровскомъ. Что касается самаго изданія произведеній Мак-го, то я не понимаю, почему оно названо „критичным" (стр. 4)? Если-бы оно являлось результатомъ разсмотрѣнія и работы надъ различными текстами поэмъ Мак-го и было собственно плодомъ ихъ критики, то, разумѣется, его нужно было-бы назвать критическимъ... Но вѣдь данное изданіе есть только повтореніе напечатаннаго текста въ „Южномъ русскомъ сборникѣ" Метлинскаго,—въ чемъ-же тогда критичность новаго изданія? Впрочемъ, спасибо издателю и за него.

Н. Стешенко.

А. Кузьминъ. Запорожская сѣчь. Историческій и бытовой очеркъ. *Стр. 96. Москва, 1902 г. Цѣна 40 коп.*

Исторія Малороссіи съ 16 по 18 в. есть, до нѣкоторой степени, и исторія Запорожской Сѣчи, которая своимъ существованіемъ всецѣло

была обязана политическому и экономическому строю жизни всего украинскаго народа. Населенная выходцами изъ Украины, Запорожская Сѣчь въ каждомъ изъ своихъ обитателей носила тотъ протестантскій элементъ, который не позволялъ порабощенному народу мириться съ произволомъ и насиліями панской власти, и потому въ самобытной жизни Запорожской Сѣчи ясно сказалось стремленіе украинскаго народа осуществить въ жизни хоть и не всѣми сознаваемые, но всѣмъ дорогіе идеалы всеобщаго равенства, свободы, служенія на пользу родному народу тѣмъ избыткомъ энергіи и силъ, который эти бѣглецы приносили съ собой на Запорожье. Жизнь тутъ была необыкновенно сурова и полна опасностей, но и люди приходили сюда въ большинствѣ случаевъ незаурядные; въ результатѣ получались достойныя удивленія личности, заставлявшія современниковъ въ каждомъ изъ запорожцевъ подозрѣвать «характерника», дѣйствующаго при помощи неземной силы. Да и вниманіе послѣдующихъ поколѣній привлекалось интересными типами обитателей Запорожской Сѣчи, оригинальнымъ ея устройствомъ и выдающимся историческимъ значеніемъ и потому Запорожье дало матеріалъ для многочисленныхъ художественныхъ произведеній и ученыхъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія по исторіи и внутренней жизни Запорожской Сѣчи разбросаны такъ отрывочно, или же представляютъ столь спеціальныя монографіи, что недоступны большинству публики, а потому книга, которая бы «въ небольшомъ и общедоступномъ изложеніи» доставила всякому желающему «возможно полное ознакомленіе съ исторіей и бытомъ Запорожской Сѣчи», является крайне желательный. Дать такую книгу и было, очевидно, цѣлью г. Кузьмина. Пользуясь поэтическими описаніями Гоголя, Мордовцева и другихъ, живымъ и образнымъ языкомъ рисуетъ онъ картины приднѣпровья и запорожскихъ степей—роскошныя, прекрасныя весною и лѣтомъ и суровыя, безотрадныя поздней осенью и зимою. Это описаніе отчасти даетъ понятіе о той трудной жизненной школѣ, которую проходили запорожцы и которая воспитывала въ этихъ дѣтяхъ природы такую силу воли, характеръ, отвагу, стремленіе къ подвигамъ, презрѣніе къ опасностямъ и мужество въ страданіяхъ.

Исторіи Запорожья г. Кузьминъ почему-то удѣлилъ меньше вниманія; она въ его изложеніи, вообще, отличается отрывочностью, краткостью, а иногда и значительными пропусками. Изъ кошевыхъ атамановъ авторъ говоритъ лишь о Сагайдачномъ, Хмельницкомъ и Глад-

комъ, при чемъ послѣднему удѣляетъ больше мѣста, чѣмъ первому, не смотря на обратное отношеніе ихъ значенія въ исторіи; о дѣятельности же другихъ выдающихся кошевыхъ: Сирка, Кальнышевскаго и другихъ не менѣе извѣстныхъ, чѣмъ Гладкій, о цѣлой эпохѣ такъ называемой «великой руины» не упомянуто ни однимъ словомъ. Такіе ничѣмъ не оправданные пропуски составляютъ крупный недостатокъ разбираемой книги, понижаютъ то значеніе, какое она могла бы имѣть для средняго читателя.

П.

Обзоръ журналовъ текущаго года

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Міръ Божій, № 5, 2) Научное Обозрѣніе, № 4, 3) Русское Богатство, № 4, 4) Новое Дѣло, № 4, 5) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 4, 6) Университетскія Извѣстія, № 3 и 4, 7) Ученыя Записки Имп. Казанскаго университета, № 3, 8) Записки Имп. Харьковскаго университета, № 1, 9) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4 и 5, 10) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 4, 11) Книжки Восхода, № 4, 12) Літературно-науковий Вістник, № 4 и 5, 13) Историческій Вѣстникъ, № 5, 14) Русская Старина, № 5, 15) Журналъ для Всѣхъ, № 5, 16) Вѣстникъ Европы, № 3, 4 и 5, и 17) Русская Мысль, № 3, 4 и 5.

Міръ Божій, № 5, май.

Шенрокъ В.—Гоголь и Бѣлинскій. Авторъ разсматриваетъ отношенія Бѣлинскаго и Гоголя, закончившіяся знаменитымъ письмомъ Бѣлинскаго по поводу «Переписки съ друзьями».

Научное Обозрѣніе, № 4, апрѣль.

Соколовъ Н. Н.—Гоголь и современное ему русское общество. (Окончаніе).

Подробно и обстоятельно составленный очеркъ о той средѣ, въ которой приходилось вращаться Гоголю, и объ отношеніяхъ между нимъ и современными ему литературными дѣятелями.

Русское Богатство, № 4, апрѣль.

Венгеровъ С.—Писатель-гражданинъ (окончаніе).

Окончаніе интересной статьи г. Венгерова посвящено анализу извѣстной «Переписки съ друзьями» и обзору мнѣній критики по поводу этой книги, доставившей такую печальную извѣстность ея автору.

Новое Дѣло, № 4, апрѣль.

Красновъ А. Н.—По русскому югу (продолженіе).

Авторъ передаетъ свои впечатлѣнія изъ посѣщенія Полтавской губерніи, описываетъ ея природу и города, даетъ характеристику мѣстнаго населенія и нѣкоторыхъ его обычаевъ. Мѣстами встрѣчаются довольно шаблонныя замѣчанія и объясненія (таково, напр., объясняемое пресловутою малороссійскою лѣнью обиліе собакъ въ украинскихъ селахъ).

Записки Императорскаго Харьковскаго университета кн. 1-я.

Багалѣй Д. И.—Опытъ исторіи Харьковскаго университета (продолженіе).

Продолженіе почтеннаго труда Харьковскаго профессора содержитъ, по обыкновенію, массу фактовъ, характеризующихъ состояніе науки и просвѣщенія въ Харьковскомъ университетѣ въ первой половинѣ истекшаго столѣтія.

Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ (продолженіе).

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4, апрѣль.

Петровъ Н. И.—Слѣды литературныхъ вліяній въ произведеніяхъ Н. В. Гоголя.

Говоря о литературныхъ вліяніяхъ на произведенія Гоголя, почтенный авторъ болѣе подробно останавливается на произведеніяхъ украинскихъ писателей, оказавшихъ болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на творчество Гоголя; къ этимъ писателямъ относятся: Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Гоголь—отецъ, Квитка-Основяненко и Нарѣжный.

Отчетъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовн. Академіи за 1901 годъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи. № 5, май.

Малининъ В. Н.—Преподобный Ѳеодосій, основатель Кіево-Печерскаго монастыря,—очеркъ жизни и дѣятельности препод. Ѳеодосія.

Вишневскій Д.—Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія (продолженіе). Гл. III.

Настоящая часть труда г. Вишневскаго содержитъ матеріалы для изученія преимущественно научныхъ средствъ Академіи въ данный періодъ: обзоръ наукъ, преподававшихся въ Академіи, учебниковъ, библіотеки и т. п. и заканчивается характеристикой общаго состоянія нравственно-воспитательнаго дѣла.

Ѳ. Т. Поставленіе во діакона и священника и избраніе епископа въ древней западно-русской церкви, или Кіевской митрополіи въ XIV—XVI в. в.

На основаніи современной рукописи авторъ даетъ описаніе поставленія въ духовные чины въ Кіевской митрополіи въ XIV—XVI в. в.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 3, мартъ.

Джонсонъ И.—Гоголь. Краткая литературная характеристика Гоголя.

Літературно-Науковий Вістник, кн. IV и V.

Надгробні стихири, Петра Карманьского, стор. 1—5.

Земля, оповідане О. Кобилянської (далі), стор. 6—61.

Демон, драма Крушельницького, стор. 62—77.

Забув, оповідане Модеста Левіцького, стор. 78—81.

Із поэзій Виктора Гюго, I—III, стор. 82—87.

Із оповідань А. Немоевського: I. Майлях, 88—96.

Соті роковини вродження В. Гюго, Ів. Франка, стор. 1—6.

Кельтська археольогія, нарис Райнаха, 7—20.

Новини нашої літератури: Хвиля за хвилею, С. Волоха, 21—32.

Ювилей І. В. Яґіча, В. 33—37.

Наукові листки: I. Вавилон і Біблія, II. Анна Ярославна, III. Еміль Голюб (некрольогъ), стор. 38—42.

Хроніка і бібліографія, стор. 1—18.

Із поэзій Грыцька Кернеренка, стор. 97—98.

Скалки душі, Ів. Федорченка. 98.

На старі теми, Ів. Франка. Стор. 99—100.

Земля, оповидане Кобилянськоі (далі). Стор. 101—160.

Чи потрібне?—драмат. малюнок Гната Галайди. Стор. 161—175.

Промінь, Ганны Барвінок. Стор. 176—179.

Адресатка померла, Евгеніи Ярошинськоі. Стор. 179—181.

Фока, оповідане Ремі де Гурмона. Стор. 182—187.

Із поэзій Ади Негрі, переклав П. Грабовський. Стор. 188.

Михайло Старицький (з портретом), Ів. Франка. Стор. 43—67.

Наші театральні новини. Допис із Киіва, В. Мировця. Стор. 68—81.

Въ справі народного язика, Ів. Верхратського. Стор. 82—95.

Хроніка і бібліографія. Стор. 19—33.

Историческій Вѣстникъ, май 1902 г.

Въ «Воспоминаніяхъ о Н. С. Лѣсковѣ» Фаресова приводится слѣдующее письмо Лѣскова, написанное при вѣсти о смерти Костомарова: «О Костомаровѣ глубоко скорблю. Это былъ настоящій писатель и человѣкъ съ литературною честностью, какихъ все становится меньше и меньше. «Память его будетъ съ похвалами» и «во благихъ водворится». Онъ пожилъ и потрудился довольно, но безъ него станетъ пусто».

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщенъ разборъ соч. В. К. Гульдмана, «Памятники старины въ Подоліи».

Въ отдѣлѣ смѣси разсказано о торжественномъ собраніи Харьк. историко-филологическаго общества по случаю его 25-лѣтняго юбилея. Въ томъ же отдѣлѣ сообщено о засѣданіи (18 февр.) Предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Въ этомъ же номерѣ помѣщенъ некрологъ А. М. Лазаревскаго, составленный по газетамъ «Новости» и «Новое Время».

Вѣстникъ Европы, № 3, 4 и 5.

А. Кочубинскій. Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя. Замѣтки II—IV. (Окончаніе, № 3. стр. 5—20). Здѣсь даны нѣкоторыя поправки и дополненія къ трудамъ В. И. Шенрока о Гоголѣ, устанавливающія факты изъ біографіи послѣдняго, а именно—о поѣздкѣ Гоголя въ Далмацію въ 1841 году, о встрѣчѣ его съ Ганкою въ Прагѣ. Что касается мелкихъ поправокъ, то намъ кажется, что г. Кочубинскій самъ ошибся, называя А. Н. Демидова «извѣстнымъ княземъ Санъ-Донато». Насколько намъ извѣстно, титулъ князя Санъ-Донато полученъ былъ П. П. Демидовымъ въ концѣ 70-хъ годовъ 19 вѣка; это тотъ самый Демидовъ, который былъ первымъ кіевскимъ головой послѣ реформы городового положенія.

Д. Рихтеръ Къ вопросу объ обѣдненіи черноземнаго центра Россіи (№ 3, хроника, стр. 320—328). Говоря о значительномъ упадкѣ матеріальнаго благосостоянія черноземной полосы Россіи за послѣднія 30—40 лѣтъ, авторъ касается и фактовъ изъ жизни нашего юга.

Русская Мысль, № 3, 4 и 5.

В. Каллашъ. Гоголь и его письма (№ 3, стр. 69—91). Авторъ, по письмамъ Гоголя, слѣдитъ за тѣми поворотами, которые случались въ жизни писателя, вліяя на характеръ творчества. Въ пятой главѣ есть нѣсколько строкъ, посвященныхъ и его малороссійскимъ повѣстямъ.

Н. В. Тулуповъ. Народныя чтенія въ городахъ (№ 3, стр. 154—169; № 4, стр. 1—18). Въ этомъ обзорѣ авторъ между прочимъ даетъ свѣдѣнія и о дѣятельности разныхъ учрежденій въ Малороссіи (устройство чтеній въ мастерскихъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ; постройка зданія для просвѣтительныхъ цѣлей въ Кременчугѣ; устройство такого же зданія въ м. Рѣшетиловкѣ, полт. губ.; о народныхъ чтеніяхъ въ Кобелякахъ, полт. губ.; о постройкѣ народнаго дома въ Кіевѣ). Жаль, что авторъ ни словомъ не упомянулъ о кіевской коммиссіи народныхъ чтеній, полезная дѣятельность которой длится уже 20 лѣтъ.

С. Русова. Современная провансальская литература (№ 4, стр. 99—119). Статья эта имѣетъ столько параллельныхъ явленій въ нашей малорусской литературѣ, что мы считали себя обязанными отмѣтить ее, какъ имѣющую отношеніе къ нашему югу Россіи.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. И. Лаппо. Великое княжество литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія.* (№ 3, стр. 73—75); 2) *А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. 3 выпуска.* (№ 3, стр. 90—91). 3) *В. П. Краинхфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья* (№ 4, стр. 124).

Во «Внутреннемъ обозрѣніи» помѣщенъ краткій некрологъ *А. М. Лазаревскаго* (№ 5, стр. 251—252).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ Харьковѣ подготовляется къ печати Н. К. Воронымъ украинскій альманахъ подъ нѣсколько замысловатымъ названіемъ «З-надъ хмаръ и зъ долынъ». Въ альманахѣ предполагается сотрудничество слѣдующихъ украинскихъ писателей: г.г. Гринченка, Грабовскаго, Кобринской, Кобылянской, Коцюбинскаго, Крымскаго, Ив. Левицкаго, Маковея, Мовы, Мордовцева, Старицкаго, Украинки Леси, Франка, Чернявскаго, Щурата и др.

—

Въ вышедшей недавно второй книжкѣ харьковскаго журнала «Мирный трудъ» помѣщены, между прочимъ, статьи: проф. Сумцова—«Отношеніе В. А. Жуковскаго къ Г. Ѳ. Квиткѣ, Т. Г. Шевченку и М. А. Максимовичу» и г. Харціева—«Ученіе А. А. Потебни о народности и національномъ».

—

Въ № 88 «Волыни» помѣщена замѣтка г. Славинскаго «Знаменательный указъ» по поводу напечатаннаго въ нашемъ журналѣ (февр. 1902 г.) указа полтавской духовной консисторіи 1861 г., разрѣшающаго духовенству произносить проповѣди на украинскомъ языкѣ. «Всякій, кто жилъ въ малорусской деревнѣ,—говоритъ г. Славинскій,—и посѣщалъ деревенскую церковь, знаетъ, на какомъ удивительномъ языкѣ малорусскіе священники обращаются съ проповѣдью къ своимъ прихожанамъ-малороссамъ. Для того, чтобы понимать эту амальгаму изъ языковъ: литературно-русскаго, церковно-славянскаго и малорусскаго,—надо приложить все свое вниманіе, надо обладать при этомъ еще основательнымъ знаніемъ всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ языковъ. Слушатели же, малорусскіе крестьяне, въ большинствѣ даже негра-

мотные, обладаютъ хорошимъ знаніемъ лишь одного своего родного языка и зачастую съ безнадежнымъ усердіемъ слушаютъ рѣчь своего духовнаго отца». Картина, набросанная г. Славинскимъ, слишкомъ знакома всѣмъ, кто нашу деревню знаетъ не изъ прекраснаго далека. Поэтому, едва-ли кто будетъ спорить противъ заключительныхъ словъ автора:. «Живое общеніе съ народомъ возможно только на его родномъ языкѣ, внѣ котораго начинается формализмъ и обособленіе, а это, конечно, совершенно недопустимо въ области религіи и вѣры. Родная рѣчь сближаетъ, рождаетъ довѣріе и непосредственную связь, говоритъ сердцу и уму, освобождаетъ мысль и окрыляетъ чувство»...

—

Въ той же газетѣ появились слѣдующія статьи и замѣтки, касающіяся этнографіи Украины: «Великдень у крестьянъ на Волыни» (№ 89) «День св. Юрія» (№ 90), «Проводы въ Житомирскомъ уѣздѣ» (№ 92) и «Рахманськый великдень» и «довгого Ивана» (№ 102) А въ №№ 93 и 95 помѣщено «Воспоминаніе о Волыни. Дубно», принадлежащее перу польскаго писателя Крашевскаго.

—

Въ № 1178 газеты «Югъ» помѣщена обстоятельная рецензія г. Ков.-Кол. на повѣсть г. Гринченка «Середъ темнои ночи»; въ № 1199 той же газеты помѣщена замѣтка по поводу повѣсти г. Гринченка «Пидъ тыхымы вербамы», принадлежащая также г. Ков.-Кол.

—

Въ № 1189 той же газеты помѣщена статья г. Ков.-Кол. «Малорусскій театръ и его жрецы», составляющая пересказъ статьи г. Хоткевича изъ «Л.-Н. Вістника».

—

Въ 107 № «Кіевской Газеты» черниговскій корреспондентъ напоминаетъ о забытомъ постановленіи черниговской гор. думы. Во время Пушкинскаго юбилея въ 1899 г. былъ возбужденъ вопросъ о наименованіи одной изъ черниговскихъ улицъ «Пушкинскою», именно Шоссейной. Но такъ какъ это названіе собственно носятъ двѣ улицы— одна по кіевскому, другая по гомельскому шоссе, то дума постановила ходатайствовать о переименованіи одной части Шоссейной улицы въ «Пушкинскую», а другой—въ «Шевченковскую». Съ тѣхъ поръ минуло три года, а черниговцы все еще не знаютъ, какая судьба постигла ихъ думское постановленіе.

—

Въ № 109 той же газеты г. Степановичемъ помѣщена обстоятельная рецензія на первыя четыре книжки нашего журнала; авторъ останавливается преимущественно на беллетристическихъ произведеніяхъ.

—

Въ № 7367 «Южнаго Края» помѣщено продолженіе «Этнографическихъ экскурсій» проф. Сумцова; въ настоящей части авторъ даетъ очеркъ сельской народной медицины и знахарства.

—

Въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» находимъ «этнографическія справки»: «Чистый четвергъ» (№ 56) и «Великдень» (№ 60).

—

Издающаяся въ Львовѣ большая ежедневная газета «Діло», до сихъ поръ употреблявшая этимологическое правописаніе, съ 1 апрѣля стала печататься исключительно фонетикой.

—

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1 мая 1894 г. положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1,000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Слѣдующее очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1904 года; въ виду этого, сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ комитетъ не позже 19 февраля 1903 г. («Биржевыя Вѣдомости», № 109).

—

Львовское просвѣтительное общество «Просвіта» объявляетъ конкурсъ на популярную «Історію Украіни», предназначенную для читателей изъ народа (Діло, № 101).

—

Такое же общество «Руська Бесіда», въ Черновцахъ, объявляетъ конкурсъ на популярныя брошюры для народа изъ области

науки, земледѣлія, торговли, промышленности и историческіе или бытовые разсказы («Буковина», № 57).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акиндіевъ И. Я.—Природа Екатеринослава и юга Россіи. Стр. 99. Екатеринославъ, 1902 ц. 75 к.

Амічіе—Найдена сотка, оповіданне. Зъ италійського переклав Бодревичъ. Стор. 76. Коломыя, 1902.

Археологическая лѣтопись Южной Россіи. Сост. подъ ред. Н. Ф. Бѣляшевскаго, т. Ш. Кіевъ, 1901. Ц. 2 руб.

Байда Петро (Ніщинський).—Гомерова Іліяда. Рапсодія А. («Літ.-Наук. Бібліотека», ч. 26). Стор. 64. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Білецкий В.—Рецензия підручника: Закшевський—«Всесвітня історія для висших кляс середніх шкіл». Львів, 1902.

Бобровъ проф.—Исторія изученія Святославова сборника. Стр. 49. Казань, 1902. Ц. 25 коп.

Вахнянин Н.—Причинки до історії руської справи в Галичині в літах 1848—1870. Стор. 98. У Львови, 1902. Ціна 70 сот,

Викъ (1798—1898). Томъ першый: украиньска поэзія видъ Котляревського до останнихъ часивъ. Выдання друге, зъ одминамы й додаткамы. Сторинъ 494. Томъ другый: украинська проза видъ Квиткы до 80 рокивъ XIX в. Сторинъ 584. Томъ третій: украинська проза зъ 80 рокивъ XIX в. до останнихъ часивъ. Сторинъ 564. У Кыиви, 1902. Цина кожного тома 2 руб., на велен. пап. 3 р., на слоновому—4 руб.

Гринченко Б.—Драмы й комедіи. Стор. 399. Черныгивъ, 1902 Цина 1 р. 50 к.

Гринченко Б.—Пидъ тыхымы вербамы. Повисть. Стор. 231. Кывъ, 1902. Цина 75 коп.

Дмитерко Д.—Як можна вилічитыся із сухіт. Стор. 31. Тернопіль, 1902.

Драгоманов М.—Два учителі (Літ. Наук. Бібліотека, ч. 27). Стор. 80. У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Етнографічний Збірник, т. XII. Галицько-руські народні легенди. Зібрав В. Гнатюк. Стор. XII+216. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Закшевський В.—Всесвітня історія для висших кліс середних шкіл. т II. Стор. X+256. У Львові, 1901. Ціна 2 . 40 кор.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. р. 1902, кн. 1. т. XLV. У Львові, 1902. Стор. 22+12+55+16+46+14. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва,—критично-історична розвідка М. Грушевского. 2) Меморіал в обороні прав православних і діссидентів з часів чотиролітнього сойму, подав М. Голущинський, 3) Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів, подав Ів. Верхратський, 4) Miscellanea: а) До біографіі Залізняка і Чорнія, под. Ол. Маркевич, б) До участи Русинив у наполеонських війнах, под. Кобилецький, в) Ізидор Шароневич, і г) М. Сухомлинов, некрологи; Ів. Жданов, некрол. замітка Грушевського. 5) Наукова хроника. 6) Бібліографія (рецензіі й справозданя).—Покажчик до XXXIX—XLIV томів записок.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1902, кн. II, т. XLVI. У Львові 1902. Стор. 12+44 + 68+6+24+44. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Магдаленське мастерство на Украіні, написав Хв. Вовк. 2) Святий Климент у Корсуні, напис. Ів. Франко. 3) Угроруські духовні вірші, подав В. Гнатюк. 4) Miscellanea: а) Монах ворожбитом, под. М. Грушевський, б) Руська пісня польського агитатора з 1848 р., под. Королевський, в) Як складаються легенды, под. Олексій Маркевич. 5) Наукова хроніка, 6) Бібліографія,

Застирець.—Зъ нашои бувальщыны. Стор. 70. Коломыя, 1902.

Застирець.—Відповідь Д-ру Щуратові на критику «Підручника історіи руськой літератури». Стор. 8. Бережани, 1902.

Каммерер.—Вôнъ здурѣвъ. Смѣховинка въ 3-хъ вôдслонахъ. Коломыя, 1902.

Колесса Ф.—Наша дума. Украінсько-руські народні пісні. Стор. 10+52+32. У Львові, 1902. Ціна 2 . 50 кор.

Конiський Ол.—Молодий вік Максима Одинця. Хроніка з давно минулого («Беллетристична бібліотека». ч. 41) Накладом укр.-руськ. Видавничої Спілки. Стор. 198. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Конiський Ол.—Тревоги автора і видавника. З натури. Стор. 36. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Корсунський-Турчанинов М.—Зимовый вечиръ. Оповиданя по Э. Ожешковій. Стор. 36. Москва, 1902. Ц. 15 к.

Лаврівський В.—Як можна законно увільнитися від служби військової? Стор 48. У Львові, 1902. Ц. 70 сот.

Левицкій Ор.—Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст. Кіевъ, 1902. Ц. 2 руб.

Лозинський М.—Тарас Шевченко, його житя і значіня. Стор. 66. У Львові, 1902, Ціна 40 сот.

Лапатинський Л.—Хмари-чари, жарти й нежарти. Стор. 100. У Львові, 1902 Ціна 1 кор.

Максимейко.—Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи, Харьковъ, 1902. Ц. 2 руб.

Мочульскій В. Н.—Малороссійскія и петербургскія повѣсти Гоголя (къ исторіи художественнаго творчества). Стр. 20. Одесса, 1902.

Начеркъ статутовъ товариства рускихъ церковныхъ громадъ въ Сполученныхъ-Державахъ и Канадѣ. Olyphant Pa, 1901.

Полтавская Коммиссія народныхъ чтеній. Отчетъ за 1901 годъ (годъ восьмой). Полтава, 1902 г. 56 стр.

Русановъ Г. А.—Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Гоголя и его статей автобіографическаго характера. Москва 1902 г. Цѣна 25 коп.

Справозданье посла Николая рыцаря Василька о его дѣятельности въ державнôй думѣ и въ краевôмъ соймѣ въ рокахъ 1898 до кôнця 1900. Стор. X+302. Чернôвцѣ, 1902.

Стеллецкій Н.—Религіозно-нравственное міросозерцаніе Гоголя. Кіевъ, 1902. Цѣна 50 коп.

Тарасенковъ А.—Послѣдніе дни жизни Гоголя. Записки его современника. Изд. 2. Москва, 1902. Ц. 30 к.

Томашівський С.—Київська козаччина 1855 р. (Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 29). Стор. 20. У Львові, 1902. Ціна 10 сот.

Університет через підписку. Стор. 22. Чернівці, 1902. Ціна 50 сот.

Федкович Осип Юрій.—Писання т. І. Поезиі з перводруків і автографів зібрав, упорядкував і пояснення додав Ів. Франко. Перше повне й критичне видане («Українсько-руська бібліотека», т. І). Стор. XXII+806. У Львові, 1902. Ціна 6 кор.

Фінкель і Гломбинський.—Історія і статистика австрийско-угорськоі монархіі. Переложив В. Білецький. Стор. 86. У Львові, 1901. Ціна 2 кор.

Франко Ів.—Вибір деклямаций для руських селян і міщан. Стор. 64, У Львові, 1902. Ціна 50 сот.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1901, eptember—December. Heft. IV, № 8. У Львові, 1902. Стор. 28. Ціна 30 сот.

Хоткевичъ Гнатъ (Галайда).—Поезія въ прози (збирнык). Стор. 102. Харьковъ, 1902. Цина 75 коп.

Шухевич В.—Гуцульщина. ч. Ш. (Материяли до украінсько-руськоі етнольогіи, т. V). Стор. 255. У Львові, 1902. Ціна 6 кор.

Юбилейный сборникъ сочиненій Н. В. Гоголя. Саратовъ, 1902. Цѣна 40 коп.

Яворскій Ю. А.—Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годовъ. Стр. 15. Львовъ, 1902.

Языковъ Д.—Н. В. Гоголь. Біографич. очеркъ. Москва, 1902. Цѣна 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла майская (пятая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

СОДЕРЖАНІЕ: I) Темный блескъ. Романъ.—*В. Я. Свѣтлова.* Окончаніе. II) Братишка. Романъ изъ семейной жизни. *Густава Гейерстама.*—Пер. съ шведскаго. *А. и П. Ганзенъ.* III) Писатель—*Ольги Лысогорской.* IV) Спрутъ. Калифорнскій романъ.—*Франка Норриса.* Пер. съ англ.—*А. Г.* Продолженіе. V) Стихотворенія Н. П. Огарева. Изъ старыхъ тетрадей. VI) Сватовство. Разсказъ.—*А. И. Новикова.* VII) Задачи гигіены въ сельской Россіи.—*М. Я. Капустина.* VIII) Опытъ психологической характеристики политической жизни Англіи.—*С. А. Котляревскаго.* IX) Упадокъ народн. хозяйства въ киргизскихъ степяхъ.—*И. В. Аничкова.* X) Условія введенія всеобщаго обученія въ Московской губерніи.—*Н. Бычкова.* XI) Современные французскіе дѣятели. II Вальдекъ Руссо.—*Х. Г. Инсарова.* XII) Жизнь въ произведеніяхъ Гюго.—*Гуго фонъ-Гафмансталя.*—*А. Ч.* XIII) Несчастіе Кавказа.—*Ивановича* (И. И. Свѣдѣнцова). XIV) Фабрика и фабричный рабочій.—*Алексѣя Смирнова.* XV) Комедіи Н. В. Гоголя и ихъ исполнители на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ.—*В. М. Михайловскаго.* XVI) Со стороны. (Письма изъ деревни).—*Ветелиса.* XVII) Объ упадкѣ земледѣлія и его нуждахъ.—*А. В. Еропкина.* XVIII) Къ вопросу о черноморскихъ желѣзныхъ дорогахъ.—*В. А. Гольцева.* XIX) О послѣднихъ годахъ жизни Н. П. Огарева.—*Е. С. Некрасовой.* XX) Внутреннее обозрѣніе. XXI) Иностранное обозрѣніе.—*В. А. Г.* XXII) Библіографическій отдѣлъ. XXIII) Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

Подп. цѣна съ доставкою и пересыл. во всѣ мѣста Россіи	12 м. 12 р.	9 м. 9 р.	6 м. 6 р.	1 м. 1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апрѣля, 1-го іюля 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной; въ СПБ., въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Перми, въ Земскомъ центральномъ кн. складѣ. При к-рѣ редакціи журнала «Русская Мысль» находится складъ изданій.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1902 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1902 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**. Мар.-Благовѣщенская, № 60.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, и 1901 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**